

ПАРНИ
ВОЙНА
БОГОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

EVARISTE PARNY

LA
GUERRE
DES
DIEUX

POÈME
EN DIX CHANTS
AVEC ÉPILOGUE

ЭВАРИСТ ПАРНИ

ВОЙНА
БОГОВ

ПОЭМА
В ДЕСЯТИ ПЕСНЯХ
С ЭПИЛОГОМ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
И КОММЕНТАРИИ В. Г. ДМИТРИЕВА
СТАТЬЯ Е. Г. ЭТКИНДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
Ленинградское отделение
Ленинград • 1970

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
„ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ“

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов,
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский,
А. А. Елистратова, В. М. Жирмунский,
Н. И. Конрад (председатель),
Д. С. Лихачев, Д. В. Ознобишин
(ученый секретарь),
Ю. Г. Оксман, Ф. А. Петровский,
А. М. Самсонов, С. Д. Сказкин,
С. Л. Утченко*

Ответственный редактор

Е. Г. Эткинд

Evariste Larny

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Автор сей поэмы — Дух святой. Приход христианских богов на небеса. Юпитер успокаивает гнев языческих богов. Обед, данный ими в честь новых собратьев. Неосторожность деви Марии и дерзость Аполлона.

О братие! Однажды над Писаньем
Я в набожном раздумье пребывал.
Сон пролетал, сопутствуем Молчаньем
В тиши ночной, и маки рассевал.
Но яркий свет внезапно озаряет
Всю комнату... Я трепетом объят.
Неведомый струится аромат
И дивный глас в сознание проникает.
Мне слышится божественный глагол...
Гляжу: вдруг белый голубь прилетает
И плавно опускается на стол.

Сиянием и гласом тем смущенный,
Я ниц упал, коленопреклонный.
«Зачем, господь, меня ты посетил?»
«Хочу, чтоб ты в стихах благочестивых
Воспел триумф над сонмом нечестивых
И веру всем французам возвратил».
«О господи! Для подвига такого
Не лучше ли найти певца другого?»

Ведь у меня — познаний лишь верхи.
Я набожен, но дел твоих не знаю.
К тому ж, забыв про давние грехи,
Оставил я и прозу, и стихи».
«Не бойся! Я бессильным помогаю,
Я исцеляю немощи души.
Садись за стол, внимай мне и пиши!»

Я стал писать. А вы теперь читайте,
За вольности, однако, не браня:
Они мне чужды; в них — вы это знайте! —
Повинен тот, кто вдохновил меня.
Не автор я, меня не осуждайте!

Благословясь, о братие, начнем!
Итак, справляя Юпитер день рожденья.
Толпой явились боги на прием,
Приветствия полны благоговенья,
Поднесены дары... За этим вслед
Всех пригласил Юпитер на обед.
Легка, вкусна божественная пища:
Проворный Эвр в небесные жилища
Им приносил куренья с алтарей;
Амброзию на блюдах подавали,
Нектар в золотые кубки наливали
(Залог бессмертия — напиток сей).

В разгаре пир... Внезапно прилетает
Встревоженный Юпитера орел
И новости дурные сообщает:
«Всю эту ночь на страже я провел,
И увидал: часть неба захватила
Пришельцев многочисленная рать.

Они бледны, длинноволосы, хилы;
Их — тысячи. . . Лежит на них печать
Смиренности, поста и воздержанья.
Крестом сложив ладони на груди,
Они идут вперед без колебанья.
Владыка мой, сюда их скоро жди!»
Звучит приказ: «Меркурий быстроногий,
Лети, узнай, кто это, да не трусь!»
Рекла Минерва, полная тревоги:
«Быть может, новоявленные боги?»
«Ты думаешь?» — «Я этого боюсь.
Над нами люди начали смеяться,
Сатиры стали дерзкие писать.
Дряхлеем мы и, следует признаться,
Свое влиянье начали терять.
Боюсь Христа». — «Бояться нет резона.
Сын голубя, бродяга и аскет,
Распятый на кресте во время оно,
И это — бог?» — «А почему б и нет?»
«Не бог, а шут!» — «Смешон его завет,
Но по-сердцу он людям легковерным,
Что неразумьем славятся безмерным.
Тиранов он поддерживает гнет,
Рабу велит: чти свято господина!
Политикой искусной Константина
Поддержан он, и горе всех нас ждет!»

Когда имеешь крылышек две пары,
Летаешь быстро. . . Вот уже назад
Спешит Меркурий. Озабочен взгляд,
Плохих известий ждет Юпитер старый.
«Да, новые к нам божества идут».
«Возможно ли?» — «Да, это вправду боги.

Они скучны, напыщенны, убоги
И неумны; но римляне их чтут,
А нас уже не будут больше славить.
Уже указ мне дали прочитать;
Там Константина подпись и печать.
Велит он нам — могу я вас поздравить —
Христа с семьей любить и уважать,
И половину неба им отдать,
Другую же пока себе оставить».

Едва Меркурий кончил свой рассказ,
Со всех сторон слышалось: «Бандиты!»
«Убейте их!» — «Что нужно им от нас?»
Юпитер встал, спокойный, но сердитый.
Два раза он нахмурил грозно бровь...
Тотчас Олимп заколебался вновь
И, побледнев, буяны замолчали.
У смельчаков застыла в жилах кровь,
От ужаса коленки задрожали.

Юпитер им с улыбкою сказал:
«Как видите, еще не отобрал
Христос мое могущество бывшее,
И молнии родит мое чело.
Умерьте гнев! Вам не грозит плохое:
Я властвую, соперникам назло.
Здесь никого нельзя сравнить с Минервой
По мудрости; пусть выскажется первой».

В ответ она: «Воздвигнув лжебогов,
Их низвергают люди очень скоро.
И мой совет поэтому таков:
Пустите их на небеса без спора.

Ведь он сейчас лишь укрепит их власть, —
Ей все равно придется скоро пасть.
Презрение уместнее, чем ссора».

И повелел Юпитер, чтоб в раю
Пришельцам впредь помехи не чинились,
Чтоб боги христиан расположились
И скинию поставили свою.

Заметил Феб: «Коль достоверны слухи —
Соперники у нас — слабее мухи,
Но им везет: они теперь в чести.
Знакомство с ними следует свести.
По-моему, желательнее проведать
Повадки их, обычаи, и нрав,
И слабости... Ну, разве я не прав?
Давайте, пригласим их пообедать.
Смеетесь вы? Смеяться вам не след.
Пошлем гонца, пусть просит на обед.
Ведь выскочки обидчивы к тому же...
Олимпом мы владеем искони,
А потому — как бы не вышло хуже —
Пусть в гости к нам пожалуют они».

Юпитер этой речью успокоен,
И смысл ее лукавый им усвоен.
Кивнул он в знак согласия головой.
Он не любил Христа с его семьей,
Но боги любопытны, как мы сами...
Он дал распоряженье, и тотчас
Стрелой гонец помчался за гостями,
Которые явились через час.

Как сосчитать гостей? Их было трое
В одном лице, или, наоборот,
Один в трех лицах. Поняли? Ну вот:
То был старик с длинейшей бородою,
Благообразный видом и лицом.
На облаке сидевший босиком;
Он выглядел довольно заурядно,
Но у него сиял над головой
Лучистый круг. Хитон его нарядный
Был из тафты небесно-голубой.
У плеч сбиралась в складки эта тога
И ниспадала, облекая стан,
До самых пят. А на плече у бога,
Лучистым нимбом тоже осиян,
С осанкою довольно величавой,
Сидел красивый белый голубок,
А на коленях христианский бог
Держал ягненка. Чистенький, кудрявый,
Был этот агнец хрупок, тонконог
И с розовою ленточкой на шее;
Над мордочкой — сиянья ореол...
Так, триедин, бог в гости к ним пришел.
Мария сзади семенит, краснея,
Застенчиво потупив робкий взгляд.
Смотрели боги, путь освобождая...
Явился также ангелов отряд,
Но у ворот остался, поджидая.

С коротеньким приветствием к гостям,
Учтив, но сух, Юпитер обратился.
Старик хотел ему ответить сам,
Но, речь начав, довольно скоро сбился.
Тогда он улыбнулся, поклонился

Хороший тон есть много не велит.
Бормочет он: «Благодарю, я сыт!»
А голубок, нахохлившись сердито,
Едва клюет, стараясь показать,
Что у него совсем нет аппетита
И что обед могли б получше дать.

Богини же Венера и Юнона
(Особенно спесивая персона),
Едва взглянув с усмешкой ледяной
На выскочек, между собой шептались,
Небрежно к ним поворотясь спиной,
Исподтишка над Девой смеялись.
Ее смущенный вид, пожалуй, мог
Дать к этому достаточный предлог.

Так росшую в глуши отроковицу
Привозят вдруг в блестящую столицу.
Вот в Тиволи она на бал пришла...
Ни у кого стройнее нету стана!
Она свежа как персик, и румяна,
Застенчива, прелестна и мила,
И все ее с восторгом окружают...
Но вот на бал франтихи приезжают,
Презрительно прищурившись, глядят,
Скрыв горькую досаду, и твердят:
«Что за манеры! Никакого лоска!
А пошлый вид! А глупая прическа!»

Соперницы такие ж словеса
И в Тиволи небесном изрекали;
Но, вопреки суровой их морали,
Столь черные и влажные глаза
С ресницами столь длинными, густыми,

Красивы, и гордиться можно ими.
А розовые губки, хоть молчат,
Красноречиво счастье сулят.
А перси-то! Упруги и округлы,
И вишнями увенчаны, и смуглы...
Еврейке ли они принадлежат,
Иль христианке — разница какая
Для тех, кто тонет в неге, их лаская?

И шепчут все друг другу: «А малютку
За красоту нельзя не похвалить.
Как улучшить удобную минутку
И новую богиню соблазнить?
Пусть Аполлон за ней поволочится:
На это он, наверно, согласится».
Но занят был в то время Аполлон:
Дабы развлечь гостей высоких, он
Пел арию в сопровожденье хора.
А вслед за тем явились: Терпсихора,
Три грации, Психея, Купидон,
И был балет поставлен в заключенье.
Мария, не скрывая восхищенье,
Внимательно на зрелище глядит,
В ладоши бьет, с восторгом говорит:
«По-моему, они танцуют дивно!»
Хотя была и скромной, и наивной,
Заметила в конце концов она,
Что красота ее оценена
И Аполлону нравится немало.
Успехами весьма ободрена,
Она на комплименты отвечала.
Понадобилось выйти ей; куда —
Читатель угадает без труда.

Ведет ее проворная Ирида
В покой, где живет сама Киприда.
Вдруг — с умыслом, нечаянно ли — дверь
Захлопнулась; одна она теперь.

Глядит она направо и налево:
Так вот каков красавицы приют!
Стоит, любуясь, несколько минут...
Что до сих пор видала наша Дева?
Лишь мастерскую мужа своего,
Да жалкий хлев, где в ночь под Рождество
Младенца родила (хоть не от мужа).
Робка, еще немного неуклюжа,
Решается по комнатам пустым
Она пройтись; толкнула дверь, и сразу
Увидела агатовую вазу,
Овальную, с узором золотым.
Полюбовалась хрупкою вещицей,
Потом, сказав: «Ой, как бы не разбить!»
Спешит ее на место положить.
Затем проходит длинной вереницей
Гостиных и салонов, пышных зал
Со множеством диванов и зеркал,
Где вкус царит, отнюдь не симметрия.
Немало безделушек и цветов,
И скляночек для амбры и духов
Там видит восхищенная Мария.
Повсюду бродит любопытный взгляд...
Ах! Вот Киприды щегольской наряд,
Сандалии, а также покрывало,
Венок из роз и пояс дорогой,
А для прически — обруч золотой...
«Какой убор! — Мария прошептала. —

Наверное, он очень мне пойдёт.
Нельзя ль его примерить на минутку?
Ведь я переоденусь только в шутку!
Никто сюда, надеюсь, не войдет».

Нелегкое, однако, это дело!
Мария наряжаться не умела,
Но все же облачилась кое-как
(Прилаживать нет времени к тому же)
И вопрошает зеркало: «Вот так?»
Ей зеркало: «Венеры ты не хуже».
Она собой любит себя опять
И говорит: «А ведь могли б Амуры
Принять меня за собственную мать».
И в тот же миг, румяны, белокуры,
Влетают легкокрылые Амуры.
«О мамочка, поведай нам секрет,
Как хорошесть? Тебя прелестней нет!»

От радости Мария покраснела,
Но все-таки собою овладела
И улыбнулась. Вот Амур один
Ей благовоньем руки поливает,
Другой их полотенцем вытирает;
Они кидают розы и жасмин
И пляшут вокруг Марии шаловливо
Под возгласы: «О, как она красива!»

Хвалы, как сильнодействующий яд,
Ей с непривычки голову вскружили.
Она вокруг кидает томный взгляд.
Вот ряд картин... На них изобразили
Венера, Адониса твоего,
Любви победоносной торжество.

Исполненные неги, те картины
Смутили Деву, и не без причины.
Как запылал румянец на щеках!
Воскликнула она тихонько: «Ах!»

Но вот она в другой покой попала
И пышное там ложе увидала,
А перед ним — пурпуровый ковер.
Она могла б присесть — она ложится...
И снова полный любопытства взор
Вокруг себя обводит и дивится:
Умножили стократно зеркала
Ее красы; им нет теперь числа.
Она смеется, руки простирает,
Как для объятий, и слегка вздыхает:
«О дорогой Панфер, любимый мой!
Какая жалость: нет тебя со мной...
Одета столь прельстительно и мило,
Наверно, я б тебя обворожила».

Вдруг входят... Небо! Это Аполлон.
Она вскочить в смущении стремится,
Ее опять усаживает он.
«Куда же вы, Идалии царица? —
Ей говорит, целуя руки, бог. —
Как вы прекрасны! Я у ваших ног».

«Ах, полноте! Зовут меня Марией,
А не Венерой; шуточки такие
Оставьте, ах!» — «Не отпущу я вас.
Пленительней Венеры вы сейчас!
Не видывал я красоты подобной».
«Я закричу!» — «Кричать вам неудобно.
Ведь ежели на крики и войдут —

Языческий наряд ваш засмеют,
А кое-кто разгневается, право.
Посетовать, немного слез пролить
И, покраснев, стыдливо уступить —
Вот лучший выход, рассуждая здраво».

Что возразить на хитрые слова?
Потупив взор, Мария, чуть жива,
Противится, хоть бесполезно это.
Вот дерзкий рот красавца Мусагета
К коралловым устам ее приник,
Ее груди коснулся баловник,
На ложе (все напрасны возраженья)
Настойчиво и ласково толкнув.
Она уже не борется, вздохнув,
И шепчет лишь: «Какое приключенье!»

Хоть Аполлон был на руку и скор,
И видел, что довольно слаб отпор,
Но все-таки скандала устрасился.
Пожертвовав восторгами, он встал,
Власы свои пригладил и спустился
С рассеянно-спокойным видом в зал,
Где музыка и танцы Терпсихоры
Всех зрителей приковывали взоры.
Мария вся как маков цвет горит,
Вернулась лишь в последние минуты.
И голубок, от ревности надутый,
С гримасою папаше говорит
(Тот слушает и смотрит равнодушно):
«Чего нам ждать? Окончилась игра.
Звонить к вечерне, кажется, пора.
Идем домой! Здесь, право, очень скучно».

«Ну что ж, идем!» — ответил Бог-отец.
За ним Христос: «Идемте, наконец!»
И маменьке кивает на ворота.
Ей уходить, однако, неохота.
Все тут казалось новым — и банкет,
И пение, и виденный балет.
Любезности немало ей польстили.
И вкус ее чувствительный пленили.
Конечно, дерзостью возмущена,
К злопамятству не склонная, она
К языческим богам благоволила,
А музыкой была восхищена.
Но Бог-отец заметил ей уныло:
«Дитя мое! Возможно, я не прав,
Но голос Аполлона так слащав!
Мелодия была мне непонятна.
Мне пенье лишь церковное приятно.
Ну, а стихи находит Дух святой
Прескверными; все это — вздор пустой».

«Они весьма посредственны, признаться! —
Заметил голубь. — Мало ярких слов.
Не понимаю, чем тут восхищаться?
Ливанских кедров нету, а у львов
Все зубы целы, и на небосводе
Луна не пляшет с солнцем в хороводе».
«Порядком утомил меня балет, —
Сказал Христос, перебирая четки. —
Их менуэт скучнее той чечетки,
Что танцевали в Кане ... Разве нет?»

И Троица, язычников ругая,
Вернулась в рай, по облакам шагая.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Устройство рая. Откровенный и поучительный разговор между лицами св. Троицы. Обед, данный ими языческим богам, и в конце его представление нескольких мистерий.

Мария! И добра ты, и кротка.
Твой скромный вид, наивные реченья
Смягчают даже строгого сына...
Услышь мой глас, прими мои моленья!
Душе твоей и сердцу воздадим
Хвалу: ведь им доступно состраданье.
Снисходишь ты и к слабостям людским:
Утехи, мимолетные как дым,
В твоих глазах — отнюдь не злодеянья.
От грома нас небесного спаси,
Прощения влюбленным попроси!
Достаточно и ветренность карает,
Хоть сладость поцелуев утешает.
Венера покровительствует им,
Но ведь богиня эта устарела.
С распутницей иметь не будем дела.
Одну тебя, а не ее хотим!
О, если б ты навеки сохранила
На небесах свой пост, и никогда
Христа не постигала та беда,
Которая Юпитеру грозила!

Роскошный замок был сооружен
Юпитером. Он на горе высокой
Господствовал над всем, что видит око,
И бронзовой стеной был окружен.
Там на часах, сменяясь постоянно,
Стояли Вакх и гордая Диана,
И два богоподобных близнеца,
Возникшие из одного яйца.
Беллона, Марс, готовые к сраженьям
И алчущие крови христиан,
У главных врат дежурили, чтоб стан
Не мог быть взят внезапным нападенъем.
Хотелось им врагов дубасить всласть,
Но нарушать нельзя военных правил.
Своих бойцов Юпитер только часть
У подступов к Олимпу сам расставил,
Атаковать, однако, запретил,
Предупредив об этом командиров,
И караул из фавнов и сатиров
На рубеже владений поместил.

Рай христиан устроен по-спартански:
Чтоб Троица могла воссесть средь туч,
Где иногда блистает молний луч,
Простой алтарь воздвигнут христианский.
Сидит Мария скромная с шитьем
У алтаря на низенькой скамейке.
Выстраивает двор, как на линейке,
Христос, порядок любящий во всем.

Вот на передней лавке Серафимы
Уселись; в их руках, неугасимы,
Все время свечи яркие горят,

Они ж глазами Троицу едят.
Горят и не сгорают эти свечи...
Как — не постигнет разум человечесий.

Повыше их, по обе стороны —
Румяные младенческие лица.
Они витают в воздухе как птицы:
На их затылках крылышки видны,
Но туловища нет. То *Херувимы*.
Людьми везде их личики любимы,
И сельские художники должны
Их малевать на фресках где попало.

Затем идут *Престолы* и *Начала*,
Господства, *Силы* — важные чины.
Довольно тупоумны, бессловесны,
Недальновидны и тяжеловесны,
Они и впереди, и позади
Стоят, скрестивши руки на груди.
Престола золоченые ступеньки
Они прекрасно могут украшать,
Не более. Мы «подпираньем стенки»
Такую роль привыкли называть.

Немало там воителей отважных,
Полковников и генералов важных.
Архангелы (так их в раю зовут)
С мечом в руке свои войска ведут.
Тьмы ангелов собрались под знамена,
Перед Христом проходит их колонна.
Хламида из прозрачной кисеи,
Шлем золотой со вьющимся султаном,
Да острый меч, да щит; на поле бранном
Так выглядят воители сии.

Над воинством неисчислимым рая
 Главенствует архангел Михаил,
 Что дьявола когда-то победил.
 Ему даны на помощь: Гавриил,
 К которому Мария пресвятая
 Благоволит, и Рафаил-хитрец.
 Им был когда-то исцелен слепец
 Посредством капли желчи (вещь
 простая).

Немало там блаженных и святых.
 Хоть жития и прославляют их,
 Но многие проникли невозбранно
 На небеса не честно, а обманно.
 Мошенники, преступники, плуты
 Вдруг сделались и святые, и чистые.
 Но как? Довольно просто! Прихоть
 папы
 Из грешника — святого создает.
 Он к дьяволу не попадает в лапы
 И с буллою на небеса идет.
 Коль в Риме вы с кем следуете
 знакомы —
 Легко попасть вам в райские хоромы.

И Троица свой обратила взор
 На многочисленный и пышный двор.
 Ей зрелище такое было ново.
 Затем Христос, поднявшись, молвил
 слово:

«Я изгнан был, скитался до сих пор;
 Как следует, не мог я вами править.

Она была, и, коль угодно вам,
Я всю ее дословно передам.

Бог-отец

Неправда ли, достигли мы успеха?
Людская глупость, право, не помеха.

Христос

Действительно, когда меня на свет
Рожала мать во вместище убогом —
Кто б мог подумать, что я стану богом?
Да и потом, когда в осьмнадцать лет
И нищ, и наг, жестоко я нуждался,
Когда с трудом (ведь это не секрет)
Я грамоте еврейской обучался;
Когда псалмы Давида бормотал,
Когда меня призвал первосвященник
И, допросив, к Кайафе отослал;
Когда я был бичуем, жалкий пленник;
Когда к Пилату был препровожден
И к Ироду направлен был Пилатом
(Не пожелал со мной возиться он),
Но был опять к Пилату возвращен
И на кресте когда висел распятым —
Грядущего я не предугадал.
Коль чудеса случаются на свете,
То первое из них — успехи эти.

Дух святой

Удачу эту случай нам послал.
Ведь людям постоянство нестерпимо,

Бог-отец

И дождь, и град! Вот это я люблю!
Второй потоп на землю ниспошлю!

Дева Мария

Скорее сей потоп остановите,
О господи! Вы пажити, поля
Затопите, и этим истребите
Все, что дала за целый год земля.
Труды крестьян нуждаются в защите.
Не надо время года изменять
Из прихоти. Ну, для чего вам это?
На виноград, покуда длится лето,
Не следует морозы насылать,
Иль род людской, до измышлений падох,
Вообразит: на небе беспорядок.

Христос

Вино опасно, маменька! Пускай
Его хватает только на обедни.

Бог-отец

Мой сын, ты прав. Оставьте эти бредни!
Что захочу, то сделаю. Ай-ай!
Не то употребил я выраженье:
Все три лица я заменил одним,
И правильной сказать: «что я хотим».
Вы старшему простите упущенье!
Но старше ль я? Мы возрастом равны,

А между тем вы мною рождены.
Выходит, я предшествовал вам? Дудки!
Так думают, но это — предрассудки.
Мы с вами — близнецы, хоть ни аза
Нельзя понять в забавном этом вздоре.
Запутался я сам... Ну, как гроза?

Дух святой

Вовсю она бушует. Видно, вскоре
Потонут рыбаки в открытом море.
А молния, посмотрим, какова?
Она — прерогатива божества.
Найдите цель, и громом поразите
Злодея или кого вы захотите.

Дева Мария

Зачем же так с возмездием спешить?
Раскается он завтра, может быть.

Бог-отец

Вы чашу там заметили густую?
Вот сквозь нее торопится кюре.
Его больной на смертном ждет одре.
Разбойник дароносицу златую
Отнять решил и на него напал,
Преследует бегущего; кинжал
Уж занесен над головой аббата.
Я вовремя караю супостата.
Огонь!

Дух святой
Кряхтите?

Бог-отец
Н-да, тяжеловато.

Дух святой
Мечите ж!

Бог-отец
Уф! Испепелен ли плут?

Дева Мария
Как будто нет; зато пришел капут
Священнику: хоть не в него палили,
На месте вы беднягу уложили.

Бог-отец
Сейчас в раю ему я место дам.

Дух святой
Да, молния — отличная забава!
Но целиться необходимо вам,
Обзавелись бы вы очками, право!

Бог-отец
Согласен. Все ж, что там ни говори,
Мы развлекаться можем как цари.

Дух святой

Мешает нам язычников соседство.

Христос

Избавиться от них найти бы средство!

Бог-отец

Коль тесно нам, то им — еще тесней.
Утешьтесь же!

Христос

Послушайтесь совета:

Дадим обед ответный для гостей,
Нам вежливость предписывает это.

Бог-отец

Да будет так! Пусть ангелы летят
И к нам на пир соседей пригласят!

И в путь гонцам повелено пуститься.

Согласьем им ответили, хотя

Явились гости день иль два спустя:

Хороший тон велит не торопиться,

Заставить ждать, а после — извиниться.

Гостям, конечно, сделан политес,

Зовут за стол; но места там в обрез,

Он узковат; не обошлось без давки.

С большим трудом уселись все

на лавке.

На угощенье — просфоры одни...

Вино подать, однако, не забыли.
Шампанское, вы думаете, или
Бордосское, иль ренское? Ни-ни!
Церковное, из дрянненького рома,
Разбавленное чистою водой.
Дивились гости скудости такой,
Шушукаясь: «Поужинаем дома».

Дабы развлечь сиятельных гостей,
Не зная, как от скуки их избавить,
Велел Христос мистерию поставить:
Он был любителем таких затей.
Вот показали первую картину:
В Эдеме первых женщину, мужчину
И первое же яблоко. В раю
Препровождали люди жизнь свою.
Им нравились невинные утехы:
Гуляли вместе, щелкали орехи.
Цветы топтали, пили из ручья
И разоряли гнезда для потехи;
Зевали часто, скуки не тая,
Плевали в воду, камешки бросали
И, не стыдясь, бродили нагишом;
Ложась вдвоем, сном праведников
спали...

Что делать им — решительно не знали.
К ним дьявол пробирается тайком.
Красноречив как ангел он, и Ева
Запретный плод срывает дерзко
с дерева...

Произошла на счастье та беда,
А то б не появились никогда
Потомки их... Но Евы просвещение

Недешево нам обошлось: сей плод
 Зеленым был, и всем нам наперед
 Испортил навсегда пищеваренье.

Развязка не понравилась богам.
 «Однако же, — Юпитер молвил сам, —
 За яблочки вы дорого берете!
 Мстить лакомкам — еще куда ни шло,
 Но мстить их детям? Это слишком зло.
 Весь род людской к ответу вы зовете!»
 «Действительно, — заметил Бог-отец, —
 Я наказал людей довольно строго.
 Ведь вспылчив я, хоть вовсе не скупец.
 Охотник я до яблок, наконец.
 Зачем крадут? Их у меня немного».

Вот занавес отдернули опять,
 И мастерскую можно увидеть;
 В ней старый плотник пилит и строгает.
 Он беден? Нет! Красивая жена —
 Богатство; велика его цена.
 Но этот клад, которым обладает,
 Он не почал — так скупость в нем сильна.
 За мастерской другая есть светлица;
 Покоится на ложе в сладком сне
 Сия жена, а в сущности — девица,
 Из-за жары забыв о простыне.
 О, сколько неги в этой позе томной,
 Хотя, пожалуй, и не очень скромной...
 Ее красы молодые обнажив,
 Сорочки ткань приподнялась немножко;
 Откинувшись, хорошенькая ножка
 Прохлады ищет... К ложу, шаловлив,

Спускается с небес (или с карниза?)
Красивый голубь: красноклювый, сизый.
От прочих отличался голубей
Сей голубок манерами, сияньем
Блиставших над головкою лучей.
Он с тихим, мелодичным воркованьем
Над спящею красоткою парит,
Спускается и, наконец, садится
На розу нежную, любви магнит,
Которая готова распуститься.
Ее прикрыли перья голубка...
Он трудится, и нега в глазках блещет.
То клювиком касается слегка,
То крыльями от радости трепещет...

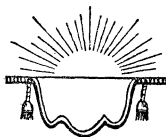
«От голубя ягненок родился! —
Рек Бог-отец, прищурившись хвастливо. —
Как вам понравилось такое диво?
Невероятно это, знаю я,
Но верят люди... Так что все в порядке,
Загадка не нуждается в разгадке!»

Актеры показали под конец
Гостям «страстей христовых» образец.
Сюжет известный; впрочем, скажем
прямо,

Понравилась не очень эта драма.
Случилась тут нечаянно беда,
Печальную развязку оживила.
Уже герой, спектакля заправила,
Был после бичеванья и суда
Подвешен на кресте. Для этой роли
Был взят святой лет двадцати, не боле,

Красивый, сильный, знавший как играть.
Он был нагим от головы до пяток;
Лист фиговый, одежды всей остаток,
Скрывал лишь то, что следует скрывать.
Прекрасная и после покаянья,
Рыдала Магдалина, и рыданья
Грудь юную правдиво потрясли,
Распятого вниманье привлекли.
О, как вздымалась грудь ее от стонов!
Все созерцал — до розовых бутонов,
А может быть, и больше видел он...
Страдальца взор немало был смущен,
Но все-таки терпел сию картину,
Как вдруг листок приподниматься стал...
«Эй, живо уберите Магдалину,
Не то сейчас произойдет скандал!»
Листок упал... И пресвятая Дева
Взор отвела, улыбку еле скрыв,
А Бог-отец, не проявляя гнева,
Пробормотал: «Голубчик, видно, жив!»

Закончилось на этом представленье.
Прощальные учтивы выраженья,
И гости возвращаются домой
Со смехом: «А голубчик был живой!»

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Скорбь и печаль языческих богов. Сражение. Победа Геракла над Самсоном. Святые женского пола кидаются в атаку под предводительством Юдифи; атака не удается, но Юдифь кое-что приобретает. Отступление языческих богов. Блокада Олимпа. Вылазка Приапа с сатирами.

Покинув мир, пристанище печали,
Шесть праведных (преданья говорят),
На небеса отправившись, стояли
У наглухо закрытых райских врат.
Выходит ангел, каждого подряд
«Какой ты веры?» строго вопрошая.

Первый

Вот добрый мусульманин пред тобой.

Ангел

Иди в магометанский угол рая.
Налево он. Ну, подходи, второй!

Второй

А я — еврей.

А н г е л

Так разыщи скорее
Своих в раю. А ты зачем еврея
Толкаешь? Кто ты?

Т р е т и й

Лютеранин я.

А н г е л

Войди ж! Твоих собратий тут семья.
Не заблудись: храм лютеран направо.

Ч е т в е р т ы й

Я — квакер.

А н г е л

Ну, так шляпы не снимай.
Найдется и для квакеров забава:
У них свой клуб, где курят трубки.

Ч е т в е р т ы й

Браво!

П я т ы й

Я добрым был католиком, узнай,
И удивлен до крайности, признаться,
Что мавр и жид идут со мною в рай.

А н г е л

Иди, иди, не стоит удивляться.
Еще один? Поди сюда, шестой!
А ты какой же веры?

Ш е с т о й

Никакой.

А н г е л

Но каждый ведь во что-нибудь да верит!

Ш е с т о й

Я веровал в бессмертие души,
Да в бога, что поступки наши мерит.

А н г е л

Войди же в рай! Где сесть — ты сам реши.

Так умствовал (безумствовал, скорее)
Один мудрец, философ-нелюдим.
Благой господь да сжалятся над ним!
Не верьте сей кощунственной идее!
Нет, верьте так, как верили отцы,
Любите так, как матери любили!
Любите, верьте, чтобы вам открыли
Свои врата небесные дворцы!
Но погодим: сейчас война начнется
На небесах, и рать пойдет на рать;

Не все успел Христос завоевать,
Мы поглядим, как дело обернется.

Забыты всеми, в вотчине своей
Языческие боги прозябали.
Что за напасть! Чем дальше — тем
трудней:

Дары, куренья — все позабыли
Счастливые соперники у них...
Ну, как прожить без жертв и
благовоний?

Голодным дела нет до церемоний,
И войны на стенах крепостных
На скудное роптали пропитанье,
Жалели о былом преуспеянье;
Нахмурив лоб и стиснув кулаки,
На христианах душу отводили,
Людей и так, и этак поносили.
Но был рассеян приступ их тоски
Вдруг облаком большущим фимиама.
«Ого! — они воскликнули, — у нас
На много дней окажется запас.
Ура! Обед сюда несется прямо,
И червячка мы заморим сейчас!»

Надежда на обед не оправдалась,
Хоть слюнки у язычников текли.
Ведь облако сие сопровождалось
Эскортом многочисленным: с земли
Добычу сорок ангелов несли.
И, не внимая трезвому рассудку,
Солдаты рассердились не на шутку.
Нарушен был Юпитера приказ:

Набросились они без дальних фраз
На ангелов, едва живых от страха,
Осыпали их со всего размаха
Ударами под вопли «Караул!»
И не один без крыльев улизнул.

Хотели завладеть своей добычей
Язычники (таков войны обычай).
Не тут-то было! К ангелам как раз
Из рая подоспело подкрепление.
Спешит и от Юпитера тотчас
К своим подмога; вновь кипит
сраженье.

Хоть было gridцать против одного,
Однако неизвестно, кто кого?
Держался каждый воин молодчиной,
Отважны у Юпитера бойцы.
Но вот Самсон... Дрожите, наглецы!
Он победит вас челюстью ослиной,
Оружием, прославленным навек:
Когда-то он убил сто человек,
Размахивая ею, как дубиной.
Бегите же, не то вам всем — капут!
Но ты, Самсон, гляди все время в оба:
Семь волосков, что у тебя растут
На темени — оберегай особо:
В них — мощь твоя! Вот в сечу он
полез.

Один смельчак бежит наперерез:
«Я в силу твою не очень верю!
Найдется дело моему мечу:
Твой зад я им слегка пощекочу
И ширину твоей спины измерю!»

Но тут ослиной челюсти удар
Обрушился на челюсть краснобая.
Невесть куда девался речи дар,
И каждый, от беды себя спасая,
Стал биться молча, мстью уstraшен.
Победу торжествует наш Самсон:
Все небо сплошь усеяно зубами,
Которые он выбил... Беглецами
Был Геркулес об этом извещен.
Алкмены сын, чьи очи засверкали,
Покинув вал, на выручку спешит.
Огромными скачками он бежит,
И христиан сердца затрепетали.
Так иногда, рыча, с ливанских гор
Спускается свирепая гиена;
От бешенства из пасти брызжет пена
И мечет пламя разъяренный взор.
И смерть, и страх подкрались вместе
с нею
К пасущимся у ручейков стадам,
К собакам, овцам, детям, пастухам...

Гордясь непобедимостью своею,
Герой, что филистимлян одолел,
Алкида ждал, неустрашим и смел.
Но столь же храбр и победитель Кака:
Кого не сокрушит его атака?
Огромною дубиной, разъярен,
Богатырю удар наносит он.
На мелкие кусочки разлетелся
Самсона шлем; невольню наш герой
Склонил главу, потер ее рукой.
Мир перед ним внезапно завертелся,

Посыпались вдруг искры из очей.
Он на ногах огромных пошатнулся,
Но лишь на миг. — «Вот я тебя, злодей!»
И челюстью ослиной размахнулся
Силач Самсон. Тут всемогущий бог
Богатырю еврейскому помог:
Хоть Геркулес увертливый нагнулся —
Дубина разлетелась на куски. . .
Узнайте мощь Самсоновой руки!
Храбрец Алкид в лицо ему швыряет
Обломок, остававшийся в руках,
И за власы противника хватает.
Всех христиан объял великий страх,
Они вопят: «Ах он, проклятый! Ах!
Погибнет чудодейственная грива!
Допустим ли, чтоб потерпел урон
Непобедимый, гордый наш Самсон?
Спасем его! На помощь, братцы! Живо!»

Так, если ястреб хищный нападет
На зяблика, и жертва нападенья
Уже не мелодическое пенье,
А жалобные крики издает —
Слетаются тотчас лесные птицы:
Дрозды, скворцы, малиновки, синицы
И остальная птичья мелюзга,
И окружают лютого врага,
Хотя вниманья тот не обращает,
Летят за ним, и писк их оглашает
Леса и рощи. . . Так же защитил
Богатыря ретивый этот пыл.

Алкид к угрозам этим глух остался:
Самсона он за волосы таскал.

Покуда начисто не оторвал
Святой вихор. О, что за вопль
раздался!

А вслед за тем какой поднялся крик
Во вражьем стане! Головой поник
Самсон — куда весь пыл его девался?
Он тягу дал; но враг, неумолим,
Его дубася, мчится вслед за ним.

Пытаясь захватить предмет раздора,
Язычники накинулись толпой.
Хоть натиск был отбит очередной —
От аппетита бесятся обжоры,
Вновь ломаются, и вот в конце концов
Прокладывают путь среди врагов.
Приблизившись к своей заветной цели,
От голода они осатанели;
Со всех сторон насели смельчаки
На облако, и сразу на клочки
Пахучую добычу разорвали.
Порывы ветра клочья прочь умчали.
Их ловят нападавшие. . . Но вот
Все воинство из рая поспешило,
И глас архистратига Михаила
Команду: «Стр-р-ройся!» зычно подает.
И Троица, покинув штаб-квартиру
(Шесть тысяч ангелов — ее конвой),
Благословив войска, их командиру
Дает приказ начать великий бой.

Язычников напрасны все усилья:
Что может сделать горсточка солдат,
Когда враги ей противостоят

Сплошной стеной, и у врагов есть
крылья?

Разумнее, пожалуй, отступить:
Такое было принято решение.
В порядке совершилось отступление.
Чтоб натиск нападавших отразить,
Нужна была мощь Марса и Беллоны.
Пыл недругов умерив боевой,
Они крушили целые колонны,
И вскоре на небесной мостовой
Нагромоздили тел большую груду.
Но сыплются удары отовсюду
С удвоенною силою на них,
И Марса пыл неукротимый стих.

«Проклятие! — вскричал он, — им конца
нет!

Ведь этак и рука разить устанет!»
Неустрашим, врагам наперекор,
Он сдерживал их яростный напор.

Теперь заглянем в райские чертоги.
Святые пола женского в тревоге
Остались, и гадали вперебой,
Чем кончится кровопролитный бой,
Участия Юдифь не принимала
В их болтовне; задумчиво шагала,
Склонив главу, невдалеке она,
Своими мыслями поглощена.
Доказывали всем неоспоримо
Походка и отрывистая речь,
Что амазонка, скукою томима,
Мечтает: чью бы голову отсечь?

Остановясь, воскликнула святая:
«Черт побери! Горазды вы болтать.
Не лучше ли врагам бока намать,
Чем здесь, в раю, бездельничать, скучая?
Кто мне поможет в замысле лихом?
Эй, женщины, последуйте за мною!
Зайдя во фланг, на них мы нападём
И разобьём, клянусь вам головою!»

Ее слова и величавый вид,
Кулак, врагу издалека грозящий,
И взор, свирепый как у Эвменид,
И поза гордая, и меч разящий,
А особенно — дела новизна
Всех увлекли. Да здравствует война!
Три сотни дев спешат к Юдифи смелой.
Она переодеться им велела,
Случайностей желая избежать.
Плащи они накинули — ведь сыро!
У каждой — щит, и каска, и рапира:
Коль подражать бойцам, так подражать!

На небесах Юдифь уже бывала
И впереди отважно зашагала.
Их полк, за облаками прячась, шел
И подбирался к цели постепенно.
Но зорок был и бдителен отменно
Надежный страж — Юпитера орел.
К владыке он отправился с докладом
И Феб с немногочисленным отрядом
Разведку в поднебесье произвел.

По тучам и они маршировали,
Пока воительниц не повстречали.

Кто струсил — вам нетрудно угадать...
Посоветовавшись, обратились вспять
Все девы, или попросту удрали,
Щиты свои и шлемы побросав
И окрикам полковницы не вняв.

Меж тем отряд свой в боевой порядок
Построил осторожный Аполлон.
Меч золотой выхватывает он.
«Какая нерешительность повадок!
Как много на одежде лишних складок!
Все это странно: рук их белизна,
Колен округлость, бедер ширина.
В военном деле, видно, очень слабы
Сии враги... Неужто это — бабы?
Взгляну вблизи!» И с поднятым мечом
К ближайшей он направился бегом.
От ужаса приседа амазонка,
Увидев меч, и завизжала тонко:
«Ударит он! Попала я в беду!
Уж лучше я заранее упаду!»
И поскорей бросается в растяжку
Она ничком... Смеется удалец:
Ведь под плащом заметил, наконец
Он кое-что, и пощадил бедняжку.
«Вы видели? — солдатам он сказал.
Ну, так и есть, я верно угадал.
Их убивать, пожалуй, не годится.
Отшлепаем-ка их по ягодицам!»

Услышав это, рявкнули «ура!»
И, буйною веселостью объаты,
На амазонок ринулись солдаты.

Их возбуждала славная игра.
Тузили всех, особенно дурнушек:
Для них не пожалели колотушек.
К хорошеньким судьба была добра:
Рука, удар не нанося напрасный,
Касалась кожи белой и атласной,
И ласкою вдруг делался шлепок,
И вместо «хлоп!» вдруг раздавалось
«чмок!»

Одни из дев поспешно удирали,
Другие не спешили убежать,
Как бы желая, чтобы их догнали,
Догнавши же — отшлепали опять.
Игра богов! Повсюду в то мгновенье
Виднелись белоснежные зады.
Как не пожать победы той плоды,
Особенно, коль нет сопротивленья?
И вот такая воцарилась тишь,
Что было б слышно, как бежала мышь.

Но перейдем к вождям, к их поединку.
Сражаться так Юдифи — не в новинку...
Ее поймал бог Пинда молодой.
«Ну, берегись! — святая прошептала. —
Бороться я не буду, милый мой,
Но ты своей заплатишь головой
За честь мою». Противиться не стала
Она, хоть целомудренна была,
Желаньям бога, да и не могла...
Ждала она, сама раскрыв объятия,
Когда начнет ее противник млеть,
Вошла во вкус приятного занятия —

Врага потом успеет одолеть!
В утехе Феб ее опережает
И сизнова атаку начинает
(На то он бог). «Добро! Теперь ты —
мой!» —

Юдифь решила, ловкою рукой
Придвинув меч, лежавший недалеко.
Святая ошибалась, и жестоко:
Феб вовремя удар предотвратил
И за руку коварную схватил.
«Черт побери! Стараюсь вам в угоду,
А вы меня задумали убить,
Как будто я хотел вас оскорбить;...
Не стоит заводить такую моду.
Вы беспрестанно тянетесь к мечу,
Стремясь меня скорее уничтожить...
Я добр и подражать вам не хочу,
А только ваши прелести умножить».

Коварным он дотронулся перстом
До некоего места, что причастно
Рождению истомы сладострастной;
(Мы словом греческим его зовем).
Он произнес при этом два-три слова
(Заклятие, наверное), и вдруг
То место выросло... Велик испуг
Юдифи, и не чаявшей такого.
Она глядит, смущенья не тая:
«Кто — женщина или мужчина я?»
Опомнившись, святая наша хочет
Ударить Аполлона; тот хохочет.
Ее удар легко он отразил...
Но этот поединок прерван был.

И кой-куда еще ожесточенно
(Язычники глазели восхищенно)
И подкатились под ноги вождям...
Как передать Юдифи возмущенье?
Она вскричала с гневом: «Стыд и срам!
Где видано такое поведенье?
Как! Вы пришли, чтоб колотить врагов,
И передрались из-за пустяков
На их глазах! Сбесились, вероятно?
Какой позор! Вы спятили с ума?
Эй, перестать, покуда я сама
Не выдрала вам волосы! Понятно?»
От слов святая к делу перешла
И расточать удары начала.
Смеялся Феб, конечно, до упада.
Затем ушел, встав во главе отряда.
Долину эту между облаков
Теперь зовут Долиною шлепков.

А общее сражение все длилось...
Язычникам несладко приходилось,
Их дрогнул строй.. Как разъяренный барс,
Сражался, окружен врагами, Марс.
«Что нужно вам, о сборище каналов? —
Воскликнул он. — Вас дьявол обуял?
Должно быть, захотелось этой швали,
Чтоб я вторично всех пообрезал?»
Погнулся щит, шлем с головы свалился...
На кучу им поверженных врагов
Он встал ногою твердой, укрепился.
Марс отступать не может! Не таков!
Отчаянно, со всех сторон теснимый,

Боролся он один, неустрашимый.
Над всеми возвышался сей колосс,
Как бури не боящийся утес.

И увидал Юпитер: до победы
Им далеко; грозят большие беды.
Схватив эгиду и перуны, он
Сесть на орла сбирался, разъярен.
«Слепому гневу не давайте воли! —
Рекла Минерва. — Такова судьба.
Смиримся, в ожиданье лучшей доли!
Нас не спасет бесплодная борьба.
Есть и у них перуны в изобилье,
Перунам вашим старым не чета.
Зачем же вам в кичливого Христа
Кидать их? Надо скрыть свое бессилье.
На время перемирье заключим.
Взгляните: наши храбрые солдаты
Отважны, но теснят их супостаты.
Их слишком мало. Прикажите им
Вернуться снова к стенам крепостным.
Запритесь в них, а я пушусь в дорогу.
Отправлюсь я и к Гогу, и к Магогу.
Я иноземным расскажу богам
О гибели, что угрожает нам;
В их интересах оказать подмогу».

Благоразумному совету внял
Юпитер, вынудив себя сдержаться;
Минерве полномочия он дал,
А воинам велел ретироваться,
И вовремя: неравный этот бой
Мог оказаться битвой роковой.

Лишь Марс с Беллоной не могли уняться:
Свирепые, войдя во вкус резни,
Повиновались нехотя они.
Крушить врагов героям не терпелось,
А отступить им вовсе не хотелось.
Когда они кидались напролом,
То ангелы летели кувырком.
Победою, отнюдь не пораженьем,
Казалось, был ознаменован день.
Но все ж, когда легла ночная тень,
Язычники вздохнули с облегченьем.

Является архангел Михаил;
Немедля штурмовать он предложил.
Но отклика намеренье такое
Не встретило: все жаждали покоя,
И ангелов усталых сон манил.
Уж возроптать воители хотели;
Вдруг отложить велело новый бой
Святое трио (нежиться в постели
Оно любило). Протрубив отбой,
Архангел часть полков у стен расставил,
А остальных обратно в рай отправил
И приказал взять раненых с собой.

Все в лагере утихло; всех объекает
Уж не желанье славы, а покой;
Смежает очи трус, как и герой;
Кто сладко спит, а кто лишь чутко дремлет.
Марс и Приап на страже у ворот
С сатирами в полночный час стояли.
«Вздыхаешь ты, Приап? Ужель устали
Твои солдаты? Или страх гнетет?»

«Конечно, нет! Но скучно нам ужасно».
«Я так и знал. Заняты это, ясно,
Сатирам вряд ли может подойти.
Беднягам не по вкусу это бденье,
Ведь воздержание для них — мученье...
Как мне вас жаль!» — «Шути себе, шути!
О битве я мечтал сию минутку.
И с христианами сыграю шутку:
Я кое-что придумал, и непрочь
Использовать получше эту ночь».
«Как именно?» — «Я знаю» — «Говори же!»
«С войною ты знаком, конечно, ближе,
Чем я, и превосходно знаешь сам:
Без вылазок осады не бывает.
Наведаемся мы к тем господам,
Которые вкушают отдых там.
Любой из нас туда дорогу знает,
Спать не дадим мы набожным ханжам.
Во тьме ночной, сулящей наслажденья,
Мы скоротать сумеем свой досуг».
«Мысль хороша! Ты молодец, мой друг!
Вы любите ночные походы,
Ловите же благоприятный час!»
Скрипя, врата раскрылись, и тотчас,
Ночную тьмой окутаны, сатиры
Покинули Олимп, как дезертиры.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

История еврея Панфера, Марии и Иосифа. Св. Эльфин отрекается от Христа и дезертирует. Св. Женевьева и св. Герман. Приап с товарищами попадает в плен, крестится и отправляется на землю основывать монашеские ордена.

О братие, правдиво повествую!
Сном праведников спали, крепким сном
Все ангелы, улегшись вплотную,
Прикрывшись кто камзолом, кто плащом.
И лишь один, бессонницей страдая,
Компании храпящей избегая,
С Эльфином, другом юности, гуляя
(В чистилище последний побывал).

«Рассей, Панфер, мое недоуменье! —
Сказал Эльфин. — Я думал, что найду
Тебя не здесь, скорей всего — в аду.
В Йерусалиме помнишь развлеченья?
Как подражать спешили вперевой
Мы римлянам! Красивые блудницы,
Пиры и скачки, игры, колесницы...
Нет, в рай ведет, конечно, путь другой.
Я погибал... Но старость, слава богу,
Наставила на нужную дорогу,
И догмат мне понравился Христов.

К тому же — как кусаться без зубов?
И, сызмальства все притчи обожая,
Крестился я, не тратя лишних слов.
Но, меры в благочестии не зная,
Я укокошил одного жреца
И к смерти был приговорен за это.
Упрямый, не нарушил я обета
И вытерпел все пытки до конца.
На угольях горячих извиваясь,
Я палачам высовывал язык,
Но иногда, невольно забываясь,
Бранился как заядлый еретик.
За этот грех, хоть я и спохватился,
В чистилище я вашем очутился.
Там провести пятнадцать тысяч лет
Я должен был; но денег власть всесильна.
Чтоб год скостить, по несколько монет
Берут попы, и платят им обильно.
Мне этот торг неволю сократил,
Я выкуплен довольно скоро был.
Сам посуди, какое облегченье
Дышать теперь прохладою ночной!
Ты претерпел такие же мученья?
В каком ты ранге? Чай, уже святой?»
«Покамест нет». — «Так значит, покаянье
Загладило греховные деянья?»
«Нет, набожен я не был никогда,
И жил до самой смерти, как обычно.
Мне в рай попасть не стоило труда,
И без того все обошлось отлично».
«Но как же так?» — «Мне Иерусалим
Осточертел; ища отдохновенья,
Я поселился, скукою томим,

Под Вифлеемом, в собственном именье.
Дня два иль три там думал провести...
Но повезло: мне удалось найти
Прелестную и смуглую брюнетку,
И по-уши влюбился я в кокетку.
В нужде жила бедняжка; старый муж
Был плотником, весьма плохим к тому ж.
Я на него простер свои щедроты
И вдоволь стал давать ему работы.
За это он был благодарен мне,
Росли его достатки понемногу.
А я был рад удобному предлогу:
В не менее признательной жене
Я не нашел, на счастье, недотрогу...
Была она невинна и нежна
И редкою красой наделена.
Во мне давно все чувства притупились;
В короткий срок внезапно воротились
Их свежесть и первоначальный пыл,
Который здесь довольно кстати был:
За старого лентяя всю работу
Я каждый день проделывал в охоту...
Но время шло, и стана полнота
Чрезмерная Марию испугала.
Смеялся я: от этого нимало
Ее не пострадала красота.
Еще милей мне сделалась метресса.
Но вздумал муж тут ревность проявить
И пригрозил: «Вот я тебя, повеса!»
Сначала я хотел его убить,
Но план иной в уме моем родился.
О полночь я забрался на чердак,
Стал там шуметь, и вскорости чудак

В несказанной тревоге пробудился.
И крикнул я, просунувшись в трубу:
«С тобою бог беседует! Брюхата
Твоя жена; она не виновата.
Благодари, болван, свою судьбу!
Не проявляй ни ревности, ни гнева:
Она, того не зная, зачала.
Благословен плод девственного чрева,
Кого б она на свет ни родила:
Дочь, сына ли. Будь ласковее с нею,
Не то тебя я громом поражу!
Люби ее: за вами я слежу,
Намеренья особые имею».

Перепугался, видно, старый крот.
С тех пор он стал уступчивей, и вот
Сыночка родила она, стеная;
Теперь Христом весь мир его зовет».
«Как! Наш господь?» — «Ну да». — «Хула
какая!»

«У маменьки теперь большая власть,
И я живу, признаться можно, всласть.
Она сама, конечно, захотела,
Чтоб я был с ней; устроить это дело
Ей удалось, хоть и пошли слушки.
Я сплетникам обрезал языки:
Довольно взгляда, чтобы замолчали».
«Ну, знаешь ли: слышал уже не раз
Я этот легкомысленный рассказ,
Но думалось, язычники все ввали.
Я был слепцом; ты снял завесу с глаз.
Христос — твой сын! О небеса! А я-то
Дал сжечь себя на угольях когда-то

И претерпел мученья за него,
За этого... Однако, каково!»
«Но ты снискал Христа благоволенье».
«Нет, не останусь больше я у вас,
Проклятие! К язычникам сейчас
Лечу, прощай!» — «Какое заблужденье!
Послушай-ка!..» Не слушает Эльфин
И прочь спешит, проворный как дельфин.

Панфер его преследовать пытался,
Но в темноте отступник затерялся,
Как ветер мчась, или еще быстрее.
От поисков и смеха утомленный,
Брел восвояси молодой еврей
И голоса услышал. Изумленный,
Подкрался он на цыпочках, и вот
Эльфина хриплый голос узнает.

«Действительно, вот случай бесподобный!
Все прохрапят до самого утра.
Момент для вас представился удобный.
Идем, Приап! Давно уже пора
Невинности лишить всех тех овечек,
Которым в Кёльне ставят столько свечек.
От остальных они в сторонке спят,
И удалцов их прелести манят».

«Добро! — решил подслушавший беседу
Панфер. — Пускай бесчинствуют они.
В сумятице, среди гама и возни
И мне удастся одержать победу.
Дай, нанесу коротенький визит
Зазнобе; нам опасность не грозит».

К святилищу, где трио опочило
За шелковой завесой той порой,
Крадется он неслышною стопой.
Отдельное там выстроено было
Убежище для Девы пресвятой,
Дабы она вкушать могла покой:
Ведь по ночам нет надобности в свите.
Панфер (его сжигал любовный пыл)
Глядел на дверь, вокруг нее бродил.
К несчастью, помешали волоките:
Был выставлен надежный караул.
А чтоб очей ни разу не сомкнул
Никто из стражей — ангелы болтали
И взад-вперед без устали шагали.
Историю смешную рассказал
Один из них, Азенор по прозванью.
Хоть тяжело при этом он вздыхал,
Но было весело всему собранью.

«Лютецию вы знаете? Под ней
Сельцо Нантер мне было всех милей.
Невинную я пестовал там деву,
А именно — младую Женевьеву.
Я ангелом-хранителем ей был,
За красоту и грацию любил.
На берегу ручья, в простой избушке
У рожицы одна она жила,
По целым дням своих овец пасла
Прилежно, как и следует пастушке.
Венки плетя искусною рукой,
Она в тени деревьев часто пела,
Сама цветник взрастила небольшой...
А на богослуженье, коль хотела,

Она ходила в близлежащий храм,
В Лютецию, встречая часто там
Младого и пригожего аббата.
Он был высок и хорошо сложен,
Давал обильно милостыню он;
А на пастушку божий сей ходатай
Всегда кидал, вздыхая, томный взор.
То Герман был. Давно успел влюбиться
Он в Женевьеву, но отроковица
Невинная не знала до сих пор,
Что можно возлюбить не только бога...
Она всегда молилась очень много,
И ангела-хранителя звала,
Чтоб я ее поддерживал советом
И побуждал на добрые дела...
Вот как-то раз, поднявшись с рассветом,
Увидела пастушка, что давно
У всех овечек вымыто руно
И вскопаны заботливо все грядки,
Починен мостик через ручеек...
Кто это сделал — деве невдомек,
Она никак не разрешит загадки.
А вот и час обеда наступил;
Вновь чудо: скромный стол ее украшен,
На нем — обилье всяких яств и брашен
(Ей черный хлеб обычной пищей был):
Сметана, сыр, душистый мед, и сливки,
И белый хлеб, и спелые оливки...
Велик восторг пастушки молодой.
«А вдруг меня блазнит нечиста сила?»
И кушанья дрожащею рукой,
Не подходя, она перекрестила.
Однако, стол со снедью не пропал.

Она решила более спокойно:
«Мне эти яства боженька послал,
Я их приму, хотя и недостойна».
Вкушая их, все думала она
О чуде, и тщеславия волна
В ней поднялась, душой овладевая:
Ведь остается женщиной святая. . .
Но, как она невинна ни была, —
Опасность этих мыслей поняла.
Хоть неучена, дева твердо знала,
Что наш господь довольно нетерпим
На этот счет, и плохи шутки с ним.
Она себя не раз уж бичевала
За суетность, и снова ищет плеть:
Решила нежной кожи не жалеть.
Вновь чудеса! Там, где лежала плетка --
Большой букет из миртов и цветов.
И на колени падает красотка,
Не находя от восхищенья слов.
Но все ж она, себя считая грешной,
Пылает рвением грех свой искупить
И думает: «Могли бы мне успешно
Потерянную плетку заменить
Шипы, колючки, острые камни».
На мягком этом ложе хочет спать
И в рожицу, чтоб терние собрать,
Она тотчас спешит без промедленья.
Уж близок вечер; сделалось темней.
Вдруг ласковый вещает голос ей:
«Внимай мне, дева, и отнюдь не бойся!
Грешат святые тоже иногда.
Господь тебя простил: ты молода.
Шипы и камни брось! Не беспокойся:

Готово ложе для тебя давно».
Испуг прошел; она с восторгом внемлет
И радость, а не страх, ее объемлет.
Она домой вернулась; уж темно.
Погас огонь; ни зги теперь не видно
(Свечу задуло ветром, очевидно).
Упала юбка; вслед за ней корсет,
Готовясь лечь, сняла моя милашка.
Теперь на ней осталась лишь рубашка...
Но чудесам конца сегодня нет!
День этот стал днем праздника, похоже:
Цвeтами, глядь, усыпано все ложе;
С подушки, с простыни они струят
Изысканный и тонкий аромат.
Она вскричала: «Ангел мой, хранитель
От всяких бед, небесный покровитель,
Несказанно к сиротке вы добры!
Ведь это вы пришли ко мне, и вами
Украшена постель моя цветами?»
«Да, это я принес тебе дары, —
Ответил глас (уже он слышан ею). —
Не бойся же!» — «Я лишь одно лелею
Желание: нельзя ль увидеть вас?
Вы довершили б тем благодеянья».
«Не велено; господь накажет нас».
«Простите же за дерзкие желанья!
Красавец вы?» — «Не вынесут сиянья
Твои глаза». — «А тронуть можно?» —
«Тронь».

От любопытства жгучего сгорая,
(Возможно ль, чтобы гость пришел из рая?),
Она простерла легкую ладонь,
Дотронулась до ризы белоснежной,

Потом до лба, до вьющихся волос,
И подбородок тронула, и нос,
Уста, откуда шел сей голос нежный,
А за спиною — два больших крыла,
И сомневаться больше не могла.
Но любопытство далее толкает,
Опасности ей ведать не дано:
Она уже не трогает — ласкает...
И ум, и чувства — все в ней смущено.
В ее очах любовь и нега блещут,
Горит в груди неведомый огонь,
И к юным персям — как они трепещут! —
Она прижала ангела ладонь.
И, пользуясь минутою удобной,
Промолвил он: «Я — дух богоподобный.
Господь велел тебя благословить
И дать тебе блаженство предвкусить».

«Но кто ж держал к прелестной речь
такую?»

То был не я; об этом и тоскую.
Запрещено с людьми нам говорить.
То Герман был, аббат, в нее влюбленный.
В деревне той он частым гостем был,
По целым дням вокруг хижины бродил...
Понятен вам мой гнев вполне законный
И мой позор? Мне белый свет не мил
Я опекать красотку прекратил,
И вот я здесь... Вы ржете от веселья,
А для меня — в чужом пиру похмелье».

Так говорил тот ангел, посрамлен.
Но не нашла сочувствия досада:
Над бедняком смеялись до упада.

Остался путь Панфера прегражден,
Хоть спать ложись! Пока все потешались,
Томился он и ангелов бранил.
Но вот момент желанный наступил:
Услышал он, как вопли раздавались:
«К оружию! Тревога! Посягнул
Приап на дев! Спасите! Поскорее!
Сатиры тут! — Нет, там они! — Живее!
— Вставайте же! На помощь! Караул!»

Галдеж, возня — все на руку Панферу:
Пока вокруг несутся крик и вой,
Свой замысел исполнил наш герой
И проскользнул бесшумно за портьеру.
«Кто это?» — «Я» — «Кто ты?» —
«Легко узнать
Меня, дружок, по пылким поцелуям». —
«Как, ты дерзнул?» — «Любя, легко
дерзать».

«Увидят нас! Ведь мы и так рискуем!»
«О нет, сейчас все заняты другим.
Там шум и гам; великому быть бою.
Я провести часок могу с тобою,
Желанием давно уже томим».
«Так я еще, по-твоему, красива?»
«Ужели ты не знаешь? Ну, так знай:
Лишь из любви к тебе я терпеливо
Переношу несносный этот рай,
Хоть и скучаю в нем до отвращения.
Я поклоняюсь лишь одним богам.
Ты знаешь ли, каким? Твоим красам.
Им совершал я жертвоприношенья
И на земле; я обожаю их...»

Оставим их, читатели, в покое!
Пора взглянуть на грешников других.
На них святые ринулись толпою,
Схватили их... Не думали они
Стоять или сидеть; они лежали,
Притом не рядом... Но зато попали
Они в полон без лишней беготни.
Удрать, однако, удалось Эльфину:
Хитрец, надеясь кары избежать,
Напялил снова прежнюю личину,
Переметнулся к ангелам опять.

И вот Приап с толпою похотливой
Своих солдат предстал перед судьей.
Бесстыдным видом, позою игривой
Они Христа нарушили покой
И ангелов смутили взор стыдливый.
А Дух святой наитьем осенен,
И в честь суда псалом уже сложен.

Спросил творец (не стал он удивляться):
«Ответь, Приап, что делал нынче ты
У дев моих, под сенью темноты?»
«Вот так вопрос! Он щекотлив, признаться.
Искал у них я вход в заветный рай».
«Насильничал?» — «Не очень». —
«Отвечай
Без экивоков, здесь не подходящих!»
«Ты сам хорош! В раю, среди святых,
Дев приютил отнюдь не настоящих:
С изъянцем очень многие из них».
«Клевещешь, плут!» — «А ты взгляни,
создатель,

Увидишь сам, кто прав, а кто солгал.
Противиться не стал нам неприятель,
Ну, а из нас никто не сплеховал:
Мы сложены, как видишь сам, на диво».
«Идите в ад, или креститесь живо!
Ну, выбирай!» — «Нетрудно выбирать.
Крестите нас! К тому же мы скучаем,
Забытые людьми, и замечаем:
Они с Олимпа могут нас прогнать».

Склонив главу, идут все к аналою;
Их ангелы кропят святой водою.
Немало ведер вылито на них,
Их буйный нрав до времени утих.
И говорит Приап: «Пойдем же
к людям!»

Аминь, аминь! Послужим небу мы,
И новыми апостолами будем,
И просветим язычников умы!»

Христос изрек: «В порыве этом рьяном
Есть искренность; она полезна нам».
«Чем именно?» — «Советовал я вам
Монастыри построить христианам.
Такой народ годится там: сильны,
Крепки они, и выдержать должны
Безделье, лень, не сбесятся со скуки,
А пылкий нрав — вернее нет поруки,
Что будут все скиты заселены».

«Отличный план, мой сын! Его приемлю.
Идите же и заселяйте землю,
Плодитесь там за совесть, не за страх!

Пусть за монахом двинется монах:
Игнорантинцы, с ними — августинцы,
И бернардинцы, и бенедиктинцы,
И кармелиты, и картезианцы,
И францисканцы, и доминиканцы,
С тонзурою, простриженной кружком.
И без нее; то бриты, то брадаты,
Одни бедны, другие же богаты,
В сандалиях и просто босиком.
Идите с ними, бывшие девицы,
Да захватите четки, власяницы,
Невесты перезрелые Христа,
Воительницы храбрые креста!
Итак, в земном живите вертограде
И думайте о будущей награде!»

Такая речь эффект произвела,
И Дух святой с улыбкой замечает:
«Прекрасный стиль! Он, видно, означает,
Что впрок моя наука вам пошла».

Меж тем сатиров наших одевают:
Упитанные плечи их и грудь
Хламидой шерстяною покрывают,
А чресла можно вервием стянуть.
Но как обусть козлиное копыто,
Которое при спешке позабыто?
Стараются над ним и так, и сяк;
Оно влезает, наконец, в башмак.
Вот головной убор надет; пригоже!
Завязан вмиг под подбородком он.
Еще черней разбойничьи их рожи,
Закутанные в белый капюшон.

Затем они весьма непринужденно
Подходят, чтоб на верность присягнуть.
Христос, взглянув с улыбкой благосклонной,
Им говорит: «Прощайте, добрый путь!»
И ангелы шебечут: «Добрый путь!»

Панфер услышал: зазвучали трубы,
И спохватился: время уходить.
Поцеловав Марию крепко в губы,
Тотчас же он во всю пустился прыть.
Из ангелов был кто-то недалеко;
Лица любовника не различил,
Но, сохранять секрет не дав зарока,
Тотчас его повсюду разгласил.
Идет молва направо и налево,
Из уст в уста рассказ передают.
Вот зазвонили к утрени; все ждут,
Чтоб из своих покоев вышла Дева.
Она выходит поздно, и хранит
Задумчивый, устало-томный вид:
Спала она, должно быть, очень мало.
«Кто ж фаворит? Кого она лобзала?» —
Все шепчутся... Да, кто же это был?
Один Панфер, иль щеголь Гавриил,
Иль голубок? Все трое, может статься,
Но не супруг... Как тут не пошептаться?

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Прекрасные вакханки спивают и соблазняют христианских святых, осаждающих Олимп. Поучительный и скандальный спор. Нечестие св. Карпа. Св. Гвенолий совершает над вакханкой семь таинств. Сумасбродные выходки блаженных; они попадают на Олимп.

Любовники, попавшие в фавор,
Младые и седые волокиты!
Привыкли вы злословить с давних пор,
И непочтительны, и ядовиты,
О дамах, благосклонных к вам, о всех,
Кто угодил, к несчастью, в ваши сети,
О тех, кто не попался, и о тех,
С кем никогда не приключится грех.
Не стыдно ль? Даже праведницы эти
Для пересудов вам дают предлог...
О род мужчин, о род неблагодарный
И ветреный! Ужели столь коварно
Свои права использовать ты мог?
Красавицам расставил ты ловушки
Соблазнов всевозможных; в ход пустил
Заботливость, и лесть, и побрякушки,
Чувствительные вздохи не забыл.
Должны бороться женщины и с вами,
И со своими нежными сердцами;

И в слабости еще их упрекать
Вы смеете, черня их без опаски...
Вы подлы, злы! На сладостные ласки
Кладете бы бесчестия печать.
Неблагодарно это и трусливо!
Когда бы наделила слабый пол
Природа силой Геркулеса — живо
Язык ваш стал бы вежлив, а не зол.
Презрение да будет вам уделом
Заслуженным! Уверены, что месть
За дерзости (их все не перечеть)
Не поразит вас — походя, меж делом
Вы нежный пол язвите все смелей,
Хоть лести подливаете елей.
Немилость женщин — вот вам наказание.
К ним проявлять умеете состраданье!
Терпимее быть надо и скромней.
Глаза на их ошибки закрывайте,
Любовников секреты уважайте,
И зависти не следует питать.
Примеру тех святых не подражайте,
Что вздумали (мне стыдно и писать)
Насчет Марии языки чесать.

В то время как часть ангелов из рая
На все лады твердила «Отче наш»,
Отправилась в разведку часть другая,
И с ней такой произошел пассаж:
В стене открылась дверца потайная...
Схватились за оружие, и глядят:
Идет дитя, и женщин с ним отряд.
То был Амур, и с ним — толпа прекрасных
Вакханок... Ждет героев западня:

Ведь прелести жриц этих сладострастных
Всех соблазнят, не одного меня.

Святые все ж немного ободрились;
Сомкнув ряды, пошли навстречу им,
Противницам пленительным своим,
Которые бежать не торопились.
«Они совсем не ждут от нас обид», —
Рек Израил. — «Мне нравятся богини», —
Заметил Иоанн. — «Их внешний вид
Дает понять, что это — не княгини».
«А что это в руках они несут?»
«Какой-то жезл и гроздья винограда».
«Должно быть, за припасами идут
Красоточки; бояться их не надо».
«Обвиты станы шкурами пантер».
«А как мила игривость их манер».
«Плутовочки увенчаны цветами».
«Увидев их, забудешь голод, боль!»
«Какие кудри! Черные как смоль,
И ветерок их треплет за плечами».
«А вот бежит ребенок... Белокур,
Смазлив, пригож он; то, кажись, Амур».
«Нет, это не сыночек Кифереи,
Походит на сатира он скорее,
Хоть с крылышками этот мальчуган».
«А где повязка, лук его, колчан?»
Копытца-то, глядите! Сей ребенок,
Чей взор нескромен, просто сатиренок».
«Мне нравится он, впрочем, и такой.
Амуру он, наверно, брат родной».

Возможно, что педантам недовольным
Сей разговор покажется фривольным.

Владык спесивых ваших не прельстит?»
«О, даже Ной такую не взрастит,
Неправда ли?» — «Возможно». —
«Не хотите ль
Попробовать?» — «Спасибо, не хочу».
«Отведайте, прошу вас, небожитель!
Уже собратья ваши по мечу
С подругами моими завтрак скромный
Охотно делят». — «Ладно, я молчу,
Давай! А виноград твой — не скоромный?»
«О нет!» — «Моя признательность огромна.
Да, вкус отменный, что и говорить!
Ты знаешь: путешествовал давно я
По Сирии; в гостях бывал у Ноя,
В его шалаш случалось заходить.
Был чествуем я старым Авраамом,
А также Лотом, в городе том самом,
Чье имя оскорбляет красоту;
Везде меня радушно принимали,
Отборными плодами угощали...
Когда-то гроздь я пробовал и ту,
Которую посланцы Моисея
Из ханаанских кущей принесли.
Она была вкусна; твоя — вкуснее!»

Святые нахвалиться не могли.
Они не ощущали беспокойства,
Забыв гроздей магические свойства.
Был Израил немало удивлен:
Покинуло его благоразумье,
Шальное овладело им безумье...
Как весел стал, словоохотлив он!
Такой же грех с другими приключился:

Все охмелели. . . Своего добился
Не силою, а хитростью Амур;
Успех велик был, даже чересчур.
Блаженным он без всякого стеснения
Коварные вопросы задавал,
И про исход ночного приключенья
Приапа и сатиров разузнал.
Он отомстит: хоть мал он, да удал.

Как много их, жриц Бахуса задорных!
Как томен взор очей их страстных, черных!
Они ласкают взапуски святых,
Их лысины венками украшают,
И прямо в рот им гроздь выжимают;
Нескромны все прикосновенья их.
Остатки смысла здорового девались
Неведомо куда у бедняков.
Какие речи без обиняков,
Какие тут «амини» расточались!
Пьянеет быстро всяк слуга Христов. . .

Но кое-кто из старых ворчунов,
Шалить и бедокурить неспособных
(Амур к ним подступиться не дерзнул)
Не может, видя с завистью разгул,
От замечаний удержаться злобных.

Моисей

В обители священной как грешат!
Нечестие господь наш покарает:
Возмездья бог, он все на свете знает.

С в. В л а с и й

Прямехонько вы попадете в ад!

М о и с е й

Бесстыдники прикинулись глухими.

С в. В л а с и й

Забыли вы, что ваш создатель, бог,
За этот грех вас уничтожить мог?

И с р а и л

Врешь, мы богами созданы другими.

С в. В л а с и й

Ты еретик!

И с р а и л

Ужель не знает он,
Что всюду, с незапамятных времен,
В бесплотных духов верили народы:
Евреи, христиане-сумасброды
И прочие? Найдя на небе нас,
Просили жить, не ссорясь, с их богами.
Им Гавриил ответил: «В добрый час!»
Вот с этих пор мы и знакомы с вами.
Молчи и в школу ворочайся, Влас!

Св. Гвенолий

Вы крали у браминов, у халдеев,
У персов и у греков их богов,
Невежество заботливо взлелеяв
От Нила вплоть до Ганга берегов.
Вы шарили повсюду, подбирали
Обрывки и лохмотья всяких вер
И в Сирии их наскоро сшивали —
Безвкусица на собственный манер!
Напялив эту ветошь из химер —
Ее творцами слыть решили смело...

Св. Власий (Моисею)

Твой змий — из Финикии, знамо дело.
В другой Эдем пробраться он успел,
Но быстро неудачу потерпел.

Моисей

Мой — с яблоком. Оно красиво было.

Св. Карп

Однако любопытство соблазнило
До Евы и Пандору. Сей рассказ
Своим пером испортил ты, приятель.

Св. Власий

Какая чушь!

Св. Гвенолий (Моисею)

Скажи без дальних фраз:
Ты и потопа первый описатель?

Моисей

А разве нет?

Св. Гвенолий

Мой друг, ты — шарлатан!
Девкалион, Огигий...

Моисей

Правый боже!
Гвенолий наш учен!

Св. В л а с и й

Он просто пьян.

Моисей

Карп держит речь!

Св. В л а с и й

Он пьян, на то похоже.

Моисей

Наверное, в гроздях был скрыт дурман.

С в. К а р п

Верни же Вакху жезл его волшебный
И рог двойной, для пиршества потребный!

М о и с е й

Ей-богу, я нечаянно их взял.

С в. Г в е н о л и й

Он признает вину! Какой скандал!

С в. К а р п

А ваш Самсон, смешной и неуклюжий?
Он хуже Геркулеса, много хуже,
Хоть оба женщиной побеждены.

С в. Г в е н о л и й

А Иеффая глупая затея
Напоминает нам Идоменея.

М о и с е й

Вы замолчите ль, горе-болтуны?

С в. К а р п

Вы хвалите Навина, ввав в гордыню.
Он Амфиону плохо подражал:
Один построил пением твердыню,
Другой, фальшивя, стены разрушал.

Моисей

Несправедливо это замечанье!
 Глумятся над евреями они,
 Хотя давно б пропали без родни:
 Коль уберут подпоры — рухнет зданье.
 Христос — еврей; еврейка зачала
 От Духа...

Св. Гвенолий

Троица! Ха-ха! Не знают,
 В чем превосходство этого числа,
 И все ж его другим предпочитают.
 Давным-давно на Инда берегах
 Наводит Брама-Вишну-Шива страх.

Моисей

Так Троицу индусы тоже знали?

Св. Гвенолий

Свою и египтяне почитали:
 Изиды, Гор, Озирис — Бог-отец.
 Мы Троицу увидим, наконец,
 И в странах отдаленнейших. Сраженье
 Мы с Троицей языческой ведем.
 Ты убедишься, мой любезный, в том,
 Что все это не ново, сочиненье
 Философа Платона прочитав.

С в. К а р п

In vino veritas.* Он пьян, но прав.

С в. В л а с и й

По-гречески?

М о и с е й

Должно быть, по-латыни.

С в. В л а с и й

Вот пьянства вред! Он невменяем ныне.
Скажи, в Христа ты веришь, пустослов?

С в. К а р п

Так спрашивать, мой друг, неделикатно.
Distinguo.** Хоть я верую, понятно,
Что мудр Христос, но мало ль мудрецов?
Я чту и Зороастра, и Сократа,
И Лао-Цзы, седого азиата;
Им подражал Христос, и он не нов.

С в. Г в е н о л и й

А для чего, скажи без пререканий,
Для пьяниц воду превращать в вино?
Есть Филемон с Бавкидою давно,
И скверных нам не нужно подражаний.

* В вине — истина (лат.).

** Различаю (лат.).

Моисей

Что вижу я? Вдруг улыбаться стал
Ты, Иоанн?

Св. Иоанн

Смешно мне.

Моисей

О создатель!

Св. Иоанн

Выходит, что я просто подражатель?

Моисей

Но ты же сам о чуде рассказал.

Св. Иоанн

Я сам?

Моисей

Ну да.

Св. Иоанн

Узнайте, о тупицы:

Написаны евангелья страницы
Спустя сто лет не Марком, не Лукой,
И не Матфеем также, и не мной!

Мы неучены; где нам до писанья?
Сложили и «Апостолов деянья»
Монахи, но разумными никак
«Деянья» не назвать. Не приплетайте
Апостолов сюда, и не мешайте:
Как видите, мы заняты... Итак,
Оставьте нас, пожалуйста, в покое!

Моисей

Приди в себя! Да что это такое?
Не прикасайся к полным сим грудям,
Что прокляты...

Св. Иоанн

А, будь ты проклят сам!

Св. Власий

Довольно споров! Толку в них немного.
Придется в рай идти, нужна подмога.

Моисей

Идем, друг Влас!

Все святые

Идите, добрый путь!
Мы об уходе вашем не жалеем!

Отделавшись от Власа с Моисеем,
Задумали святители чуть-чуть

Испробовать яд неги непривычной,
И было их блаженство безгранично.
С Теоной Карп любезничал. Чудак
Проговорил, заискивая так:

«Желал бы я, прелестная Теона,
Чтоб трапезу делила ты со мной».

Вакханка улыбнулась благосклонно
И съела ломтик просфоры сухой.

«Еще кусок?» Она не захотела:

«Хлеб пресноват». — «Да нет, то —
божье тело!

У нас, святых, все — тайна. А теперь

Вот, выпей-ка! Глазам своим не верь:

Сие вино...» — «Вкусней вино Фалерна».

«Ты божью кровь вкушаешь!» — «Шутишь,
верно!»

«Нет, не шучу. То — кровь, а не вино.

Не бойся же! Пользительно оно:

Я тем вином болящих исцеляю.

Теперь и ты — святая, поздравляю!»

Гвенолия подход замысловат:

Ведь грешники по-разному грешат.

С Аглорою до неприличья пылок,

Он таинства высмеивает зло:

Кропит пьянящим соком он затылок

Хорошенькой вакханки, и чело,

И знаменье креста изображает.

«Во имя Купидона, — возглашает, —

И Вакха, и Венеры пресвятой

Я совершаю таинство крещенья».

Сложив щепоть как для благословенья,

Касается щеки ее тугой.

«А это что такое?» — «*Конфирмую*
 Тебя, дружок; напомним голос мой
 Тебе про долг приятный и простой.
 Его тремя словами обрисую,
 На них твой культ основан целиком.
 Сии слова: лоза, и мирт, и роза...
 Ты поняла? Ну, к *браку* перейдем.
 Священником, супругом, женихом
 Я стану сам. Скромней пусть будет поза!
 Взор потупи, дабы изобразить,
 Что девственна (чего не может быть)».
 «Вот так?» — «Ну да. Теперь дай руку
 снова!»

Ты в брак со мной вступить, скажи,
 готова?

*Conjungo nos.** Соединят сейчас
 Нас узы, что невидимы для глаз.
 Пусть наш союз во всем преуспевает,
 Желаний пыл пусть вечно возрастает,
 Плодиться бог благословляет нас.
 Теперь клянись, о милая супруга,
 Что будешь мужу верною подругой».
 «Но клятве я, конечно, изменю».
 «Ну, ладно, ладно! К таинству другому
 Я перейду, не менее святому.
 То — *исповедь*. Секрет я сохранию;
 Не лги, ответь: ты много ли грешила?
 Что за грехи, признайся, совершила?»
 «Мои грехи — особые грехи,
 Их угадать нетрудно вам, хи-хи!»
 «Так, понял я: Венерины забавы.

* Сочетаю нас (лат.).

А сколько раз?» — «Да не считала я».
 «Ну, круглым счетом?» — «Десять тысяч».
 — «Право?»

Не хвастайся! Как добрый судия,
 Absolvo te * — грехи тебе прощаю,
 Эпитимью за них я налагаю:
 Со мною точно так же согреши!»

Но чу — набат! Гвенолий, поспеши!
 Напрасный зов! Набата не услыша,
 Он говорит: «К тебе я послан свыше,
 Дабы во жрицы Вакха посвятить,
 Амура тож. Для этого служенья
 Дай, совершу я *рукоположение*,
 Подаю пример, как их обоих чтить!»

О Дух святой! Напрасно я пытаюсь
 Правдивым быть — писать я не решаюсь:
 Ведь целомудрия я дал обет.
 Гвенолий мой, ты не стоял, о нет!
 Вот, покорен Амура сладкой властью,
 Вздыхая томно, молвит наш святой:
 «О душенька! О милый ангел мой!»
 Аглора, вся охваченная страстью,
 Шепнула: «Очень рада я *причастью*».
 И таинство он совершает вновь,
 Лобзаннями, волнуящими кровь,
 Он покрывает грудь ее и руки,
 И ноги, нечестивец, без стыда...
 «А это что? *Соборованье*, да?»
 «На случай путешествия, разлуки».

* Отпускаю тебе грехи (лат.).

На землю ты идешь, чтоб меж людьми,
Под сенью виноградников Цитеры
Распространять культ Вакха и Венеры;
Напутствие последнее прими!»

Все под руку с вакханками, все пьяны,
Тут прочие святые к ним идут.
Себя предосудительно ведут
Отступники, весельем обуянные:
Шатаются и чепуху плетут,
Красоток хороводом обступают,
Танцуют, взявшись за руки, орут,
Хохочут, и бранятся, и толкают
Друг друга, обнимаются, поют:

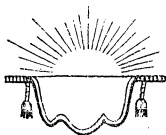
«Где троица? Да вот же, недалечко:
Уста, и грудь, и некое местечко!
На небе любят, любят на земле.
Ту троицу мы видим, осязаем,
Ласкаем, беспрепятственно лобзаем...
Амуру и Венере — эвоэ!

Волшебная была у Вакха палка,
Ее сменил жезл Моисея... Жалко!
К какой же мы приложимся струе?
Прочь палку ту, что воду исторгала!
Ведь нам вино другая даровала.
Лозе и Вакху — слава, эвоэ!»

Внезапно глас Нептуна раздается:
«Покончить вам с утехами придется!
Из рая многочисленный отряд
К нам движется. Девицы, берегитесь!

Вы также, преподобные, вернитесь.
Иначе угодите прямо в ад».

«Ни шагу мы не сделаем назад!» —
Так Израил ответил громогласно.
За ним Гвенолий: «Мы им зададим!»
Рек Иоанн: «Уж мы им всыплем, ясно!»
Добавил Карп: «И тошно станет им!»
Освободиться хочет он напрасно
Из рук своей любовницы прекрасной
(Они в него вцепились как клещи).
Смеясь, героев тянут за плащи.
Сперва они готовились сразиться,
И кулаки сжимали, чтобы биться;
Грозясь и хорохорясь без конца,
Икотою слова перемежая,
Нетвердою походкою ступая,
Они дошли до самого дворца
И на Олимп в конце концов попали.
Устав от непривычных вакханалий,
Все четверо уснули крепким сном,
Ни «Отче наш», ни «Деву» не читая.
Сон, маками их щедро осыпая,
Приосенил пьянчуг своим крылом

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Взятие Гартара христианскими чертями. Дружеский спор между лицами св. Троицы. Взятие Олимпа. Языческие боги бегут во владения скандинавов. Ночное сражение между Дианой и аохангелом Гавриилом.

Я видел, как атаковал Амур
Младую Эльму. Нежен и прекрасен
Был этот враг; хоть ласков, но опасен;
Почтителен, но ловок чересчур.
Боролась ты... Неясное смятенье
Закралось в грудь, ослабило тебя;
Ты грезила, забыв нравоученья,
И одолеть позволила себя.
Но не совсем твоя иссякла сила:
Ты, в бегство обратившись, победила.
Не отдавай же понапрасну дань
Воспоминаниям о днях минувших:
Опасностей страшись и промелькнувших:
Они вернуться могут. Даже лань.
Счастливо избежавшая погони,
Надолго страх запомнит, и дрожит,
И мчится прочь, хоть смерть ей не грозит:
Когда бы Карп с друзьями, эти сони,
Не позабыли о примере том —
Они не очутились бы в полоне
И не храпели б ныне вчетвером.

Над ними все смеялись беззаботно,
 Хвалили Купидона, свой оплот.
 «Увы, победа эта мимолетна, —
 Заметил он, — и нас гибель ждет.
 Нам изменил Приап. . . Порой ночью
 С сатирами он вздумал пошалить
 И дал себя охотно окропить,
 С поличным пойманный, святой водою.
 Отправились они без дальних слов,
 Чтоб вертоград возделывать Христов».

Известия такие огорчили
 Язычников: увидели они,
 Что скверные для них настали дни:
 Ведь их враги числом превосходили.
 Минервы долго нет, а на редут,
 Возможно, нынче приступом пойдут.
 Усугубив печаль их и кручину,
 Мрачней, чем ночь, является Плутон.
 Ведя свою супругу Прозерпину.
 За ними вслед идет седой Харон
 С веслом своей древнейшей в мире барки.
 Затем идут, потупив долу взор:
 Алекта, старшая из трех сестер,
 Мегера, Тизифона и три Парки.
 «Вы здесь? — вскричал Юпитер,
 поражен, —

Откуда вы?» Насупился Плутон
 И пробурчал: «Вестимо, мы из ада».
 «Но почему приспичило вдруг вам
 На небеса являться? Что вам надо?
 Вы привели весь ад к моим стопам!»
 «Увы! Нас всех из Тартара прогнали.

Нельзя ль, чтоб нам другое место дали?»
«Кто вас прогнал?» — «Да черти христиан.
Противиться им, право, не могли мы:
Был даже Цербер страхом обуян.
Их набольший — урод невыразимый,
Я побледнел при взгляде на него.
Не трудно вам представить, до чего
Он вежлив был! Узнавши об опале,
Сходил я с трона, плача от печали;
Он мне помог и руку протянул.
Гуманности не чужд сей Вельзевул:
Хотя слывет он крайне нечестивым —
С моей женой он был весьма учтивым.
И я покинул ад со всей семьей.
Увы, на возвращение едва ли
Надежда есть. . . С почетом провожали
Нас дьяволы под барабанный бой».

«Итак, они Элизий захватили?»
«Жизнь горькая их ожидает там.
В подземный край едва они вступили —
Как ринулись гурьбою к тем местам,
Где вечная весна царит, нарядна,
И где Забвенье обитает. . . Жадно
Они искали Лету, к нам попав:
Их прошлое, должно быть, тяготило.
Им показали Лету, и стремглав
Они в нее кидались, бросив вилы.
Однако тут постигла их беда:
Вдруг в пламя превращается вода. . .
Бранясь, они на берег вылезали,
Зефирам на полянках подставляли,
Чтоб освежиться, спины, животы,

Багровые морщинистые лица,
В тени валялись, нюхали цветы
И мяли, не умея насладиться.
А шум и гам от криков, беготни!
Зеленый луг впервые видел каждый.
И, мучаясь неутолимой жаждой,
До дна все речки выпили они.
Внезапно Стикс вскипает, разъяренный,
И, выступив из низких берегов,
Потоком лавы серной, раскаленной
Он заливает ад и мертвецов».
«О, как мне жаль, что сделался геенной
Элизий, светлых духов край блаженный!»
«Они отныне прокляты навек:
В них более не верит человек».

Плутона речь расстроила немало
Собравшихся. Что с их гордыней стало?
Все в ужасе, и было от чего:
Противники справляют торжество.
Но Аполлон, хотя и сам встревожен,
Их утешает: «Полноте скорбеть!
Об алтарях не стоит нам жалеть:
Ведь род людской так глуп и так
ничтожен!

С Олимпа хоть и прогоняют нас —
Есть верное убежище: Парнас.
Там властвовать мы будем без помехи.
Дар нравиться, способность просвещать,
Искусства, ум нельзя у нас отнять;
Там — Грации, Амуры, Игры, Смехи.
Не будет это худшей из невзгод!
Людское нас спасет непостоянство.

Когда-нибудь врагам придет черед
Освободить небесные пространства.
Освистаны, осмеяны, шуты
Уйдут, забрав и гвозди, и кресты.
Пристанище себе, всего скорее,
Они найдут в каком-нибудь музее».

Покуда он пророчествует так,
Раздался крик: ««Тревога! Христиане!»
Они идут на приступ натошак,
Победа им обещана заранее.
Добр, но суров, архангел Михаил
Передовых подхлестывает пыл;
Христос, в тылу устроясь безопасно,
Войскам своим вещает сладкогласно:

«Смелей, вперед! Сейчас мы победим.
Крест на Олимпе ихнем водрузим!
Дрожать от страха воинам негоже.
Ничем вы не рискуете, друзья.
Нас разобьют, по-вашему? Так что же?
Не бойтесь ран! От них, ручаюсь я,
Вы умереть не сможете вторично!»

Его витийство, голос мелодичный
Уверенность трусливым придают.
Зажмурившись, вперед они бредут,
До стен дошли и приступ начинают.
Их копьями и стрелами встречают.
Готова и кипящая смола,
И дротики, и с углями жаровни,
Гвоздями сплошь утыканые бревна,
Каменья, кучи битого стекла...

Расплавленный свинец потоком льется...
 О, сколько тут проклятий раздается,
 Как много тут расшибленных голов,
 Ослепших глаз и выбитых зубов,
 Носов разбитых, членов поврежденных,
 Власов и крыльев, начисто сожженных!

Сражение увидев, Дух святой
 Внезапное почуял вдохновенье
 И заявил: «Сложу я песнопенье,
 Чтоб ангелы рвались отважно в бой».

Христос

Вот глупости! На облако напрасно
 Взмостились вы. В резне такой ужасной
 Услышат ли дрожащий ваш фальцет?
 Не думаю. Скорей всего, что нет.
 К чему экспромт, когда идет осада?

Бог-отец

Мой сын, ты прав. Псалмов пока не надо!
 Победу одержав, мы их споем.

Дух святой

Ну, в правоте я вашей не уверен.

Бог-отец

Я не учен, таиться не намерен.
 Ведь люди, в неразумии своем,

Распределить решили все по вкусу:
 Ученость — вам, а кротость — Иисусу...
 А что же мне? Одна лишь борода,
 Да прозвище «отец». Ну, не беда,
 Спасибо и на этом! Ведь красива,
 Неправда ль, борода моя на диво?

Христос

Зачем вы, отче, гневаетесь так?

Бог-отец

Я гневаюсь? Вам кажется! Пустяк!
 Коль взять в расчет и триединство
 бога,
 То сам себя я критикую строго.

Покуда этот спор происходил,
 Осада началась, согласно правил.
 Вот лестницу уж кто-то притащил
 И к башне угловой ее приставил.
 Кто будет первым? — «Лезь, апостол
 Павел!»
 «Лезь ты!» — «Нет, нет!» — «А ты?» —
 «Я не решусь,

Боюсь смолы». — «Я тумакон боюсь».
 «Я — оплеух». Друг друга все ругают,
 Все в трусости друг друга упрекают.
 Тут Христофор является святой,
 Широкоплеч и кривоног — такой,
 Каким его в церквах изображают.
 Благодетельным рвенем он пылал,

Христа когда-то на спине таскал.
На лестницу он первым взгромоздился,
За ним десяток ангелов пустился.
И вот уж ухватился за зубец
Поднявшийся на башню удалец...
Увидел Марс его и разъярился.
Ряд статуй стены замка украшал;
Он к собственному бюсту подбежал,
Без сожаленья мощною рукою
Его от пьедестала оторвал
И, высоко подняв над головою,
Вскричал, смеясь: «Как видите, друзья,
Не пощадил своей персоны я;
Пусть каждый точно так же поступает!»
Бюст Христофору в брюхо попадает...
Сшиб остальных в падении своем
Святой толстяк, отделавшись испугом.
Сорвавшись со ступенек друг за другом.
Они летят на землю кувырком.

Неподалеку Азаил сражался,
Но и ему, увы, не повезло:
Лишь только он на парাপет взобрался —
Нептун его хватает за крыло.
Заверещал от страха ангел хилый,
Взмолиться о пощаде он готов.
Но, раскачав его что было силы,
Нептун кидает труса прямо в ров.

Силач Самсон ужасно рассердился.
Он, подбоченясь, встал перед стеной,
Подпер ее могучею спиной
И расшатать довольно долго тщился.

Свой толстый зад библейский великан
Употребил при этом, как таран.
Крепка стена; и, побледнев с досады,
Возобновил усилия Самсон.
Зависит от него успех осады...
Толкает, бьет и ударяет он,
И градом пот с лица его струится.
Алкид ему с усмешкою кричит:
«Иль отросла уже твоя косица,
Скажи-ка мне, давно ты не был бит?
Остерегись, не лопни от натуги!
Стена-то, вишь, покрепче той лачуги,
Что ты тогда сумел разрушить... Да-с,
Далеко филистимлянам до нас!
Ну, надрывайся, раз тебе охота.
Увидишь — ни к чему твоя работа».

Поблизости от них костер горел,
И в нем пылала ветка тамариска.
Эй, берегись, Самсон, опасность близко!
Взять головню твой давний враг успел.
С той головней приятно ли столкнуться?
Не удалось еврею увернуться,
Вмиг занялся его святой хохол,
Вот он сгорел; остался череп гол.
Как наш герой даст Геркулесу сдачи?
Он походил до этой неудачи
На племенного сильного быка,
На жеребца, или на петушка.
Все трое, как известно, горделивы,
И горячи, и резвы, и драчливы...
Однако же, едва у горемык
Отрежут то, в чем корень их задора —

Куда весь пыл девается? Где бык?
Увы, в вола он превратится скоро.
Где жеребец? Где петушок-драчун?
На месте их — откормленный каплун
И жалкий мерин, то-есть просто кляча,
Став робкими, сбавляют быстро тон.
Похож на них стал бедный наш Самсон,
Когда его постигла неудача.

Слабеет явно христиан напор,
В защиту переходит нападение.
Язычники, напротив, с этих пор,
Утроивши свое сопротивление,
Дрались, как бешеные, в исступление,
Как храбрецы, как боги, наконец.
Богини им ни в чем не уступали,
И со стены в противников бросали
Все, чем богат и славен был дворец,
Что попадало под руку: подушки,
Из золота литые безделушки,
Цветочные горшки и зеркала,
Сосуды из металла и стекла,
Горшки ночные (было их немало),
Старательно наполнив их сначала.

Когда б Навин, найдем осенен,
Не вспомнил, как был взят Иерихон,
Верх взяли бы язычники, быть может.
«Концерт в еврейском духе, — молвил он, —
Проклятую их крепость уничтожит.
Сюда, левиты, воины, жрецы
Израильские, храбрые певцы
И музыканты, что во время оно
Разрушили оплот Иерихона!»

И вот оркестр невиданный готов:
Собрание инструментов всех сортов.
Трещотки, флейты, бубны, барабаны,
Литавры, и кимвалы, и тимпаны,
Тромбоны, скрипки, трубы без числа,
Кларнеты, дудки и колокола,
Рога, котлы, подносы и кастрюли...
Приготовленья эти ужаснули
Всех осажденных; ждут они чудес.
Вот начали: кто по дрова, кто в лес.
Язычники, хоть уши и заткнули —
Услышали пиликанье смычков.
Тут раздается новая команда:
Их угощают яростным sforцандо.
А слух, известно, нежен у богов
И резала его невероятно
Та музыка (для нас она приятна).
Затем Навин ввел в действие басы,
Вопившие на разные гласы.
Умножив какофонию стократно,
Одни из них тянули ноту «соль»,
Другие — «ре», а третьи — «си бемоль»,
И слушателей этим доконали.
Они пытались пенью помешать,
Попробовав врагов перекричать,
Но певчие лишь пуще заорали.
Бранясь вовсю, чрез несколько минут
Защитники покинули редут.

И Бог-отец в воинственном задоре
Вскричал: «Победа полная близка!
Побеждены ударами смычка!
Погромче, братцы! Мы увидим вскоре,

Как рушатся высокие валы
Сей крепости... Они прочней скалы,
Но упадут, язычникам на горе.
Сейчас дворец повалится с горы.
Погромче! Весь Олимп — в тартарары!»

Но дело обошлось гораздо проще.
Четыре храбреца, которых в роще
Забрали в плен, храпели мертвым сном.
Очухавшись, придя в себя немного,
Припомнили пьянчуги со стыдом
Все шалости свои, томясь изжогой.
Раскаянье, негодованье, страх
Заставили их покраснеть впотьмах.
Душили Исраила гнев и злоба;
Ругаться начал Иоанн в сердцах;
Гвенолий же и Карп святитель — оба,
Пав на колени, каются в грехах,
Исправиться отныне обещают;
Затем они кидаются стремглав
И, с тыла на язычников напав,
Ударами их в гнев осыпают.
Охрану сняв и к запертым вратам
Пробившись, их немедленно открыли
Они своим удачливым друзьям,
Которые нестройно голосили.

Ломали боги голову себе,
Как уцелеть в неравной сей борьбе:
Они уже на грани пораженья.
Юпитер средь всеобщего смятенья
Благоразумье все же сохранил
И воинам спокойно заявил:

«Да, их взяла... В моем дворце отныне
Горланить мессы будут пришлецы.
Но пусть они не думают в гордыне,
Что прочен их успех! Велю дружине:
Пускай в каре построятся бойцы,
Пусть поместят богинь посередине.
Попробуем на север отступить!
Пределы христианской там державы.
Там Один правит; он, любитель славы,
Охотно нам поможет победить».

Разумному приказу подчинились.
Мечами, копьями вооружились,
Построились бойцы в походный строй,
Отвагою по-прежнему пылая
И на ходу удары отражая.
Седой Нептун и Аполлон с сестрой,
Беллона, Марс, и храбрый сын Алкмены,
Плутон, и Вакх, и родичи Елены
Заставили врагов трубить отбой.
Был бдителен Юпитер неизменно,
Внушала страх могучая рука,
Кидавшая перун издалека.
В порядке совершалось отступление,
День к вечеру клонился... В этот час
Произошло с Дианой приключенье.
Какое — я поведаю сейчас.

Вот, истощив все стрелы из колчана,
Сменила лук на острый меч Диана
И выходила часто из рядов,
Дабы разить зарвавшихся врагов.
Она была прекрасна, горделива,

И колотила их без перерыва.
Один из них, по имени Зефрил,
Оставшийся, как прочие, в накладе,
Удобное мгновенье улучил
Чтоб отомстить, и подобрался сзади
К богине. Без кольчуги та была,
Проворна, и легка, и босонога;
Движений быстрота ее спасла,
Но все же меч задел ее немного,
Тунику белоснежную пронзил
И ягодицу малость повредил.
Струится из божественного зада
Кровь алая (белее снега он).
Диана с превеликою досадой,
От боли легкий испустила стон.
Ну, попадет нанесшему урон!
Для отступленья преградить дорогу,
Лишить его надежды на подмогу,
Преследовать упорно и нагнать,
Поймать, затем расправиться с ним

круто

И беспощадно крылья отрубить,
Честь ягодицы тем восстановить —
На все это ушла одна минута.
Затем она свой продолжала путь
На дальний север, в поисках владений
Богов Валгаллы, ибо отдохнуть
Язычники хотят от поражений.

Но Гавриил шел тою же тропой,
Повеса-ангел, ангел-волокита,
Небесный щеголь, сердцеед, герой.
Он шествовал дозором деловито.

«Эй, кто идет?» — он спросил. —
«Свои!» —

Ответила Диана, усмехнулась,
Мечом на Гавриила замахнулась.
И взмах, и слово дерзкие сии
Одновременно поразили ухо
Архангела. Шатаясь, Гавриил,
Ошеломлен ударом, отступил.
Но твердости он не утратил духа:
Отомщена должна быть оплеуха!
Он поднял меч; но, встретившись,

КЛИНКИ

Со звоном разлетелись на куски.
«Ну что ж! Бороться будем без
обмана!» —

Сказал архангел и вступил в борьбу.
Противники стояли лбом ко лбу;
Воинственным задором обуянна,
Хранила все ж инкогнито Диана.

Прекрасны, юны, гибки и сильны,
Употребить усилья драчуны
Могли бы лучше (это между нами).
Но было Гавриилу невдомек,
Кто перед ним, покуда наш знаток
Стан недруга не обхватил руками
И, грудь его задев, не ощутил,
Что эта грудь округла и упруга;
Но разобратся не было досуга,
Ему мешал сраженья ярый пыл.
И, прочь откинув это подозренье.
Удвоил он запальчивое рвенье.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Языческие боги в последний раз пытаются вернуть себе власть над миром. Аврора, Нептун, Венера и сам Юпитер терпят неудачу. Амур тоже возвращается с позором, как видно из истории Таисы и Элинома.

Чтоб быть счастливым, нужно скромно
жить,

Не домогаясь почестей и славы.

Напрасно их так алчете всегда вы:

Судьба слепа и может наделить

Дарами вас; но иногда, превратна,

Свои дары она берет обратно.

Неприхотлив, не склонен к мишуре,

Всегда мечтал я сельским стать кюре,

Жить в хижине уютной, хоть и скромной,

И дни свои лениво коротать,

А вечерком спокойно попивать

Свое вино с кухаркой экономной.

Тиару, золоченые ключи

Оставь себе, святой наместник божий,

И громаы булл, и туфли из парчи,

И Ватикан, и фавориток тоже!

Но я бы все ж, пожалуй, предпочел

Господствовать, на римский сев престол,

И плыть на корабле довольно старом,

Что сделался, по воле пап, корсаром,
Чем жить в пустыне звездной, меж комет,
Быть божеством и ожидать паденья.
С престола пасть — ужасно, спору нет,
Но пасть с небес? Страшнее нет
крушенья,

Неправда ли? Но именно таков
И был удел языческих богов.
Теперь они пытаются — пустое! —
Вернуть себе владычество бывшее.

Вот на рассвете солнечный чертог
Аврора розоперстая открыла
(Летят зефиры роем на порог)
И спящую природу разбудила.
Зардевшись, слезы льет она... Чисты,
Росой они слетают на цветы.
Но где же толпа, что гимнами встречала
Ее приход? Рассеялся мираж,
И, не узнав возлюбленной Кефала,
Сквозь зубы люди шепчут «Отче наш».

Нептун своим трезубцем потрясает,
Разверзнул хляби грозный океан.
Лихая смерть матросам угрожает,
Несется, воя, буйный ураган.
Раздувши щеки, дуют Аквилоны,
Хвостами бьют могучие Тритоны,
Сама Фетида с роем Нереид
На судно вал за валом громоздит.
И бог морей кричит в великом гневе:
«Молитесь мне, иль вас я проучу!»
Но молятся матросы только Деве,

И ей сулят огромную свечу.
Она встает, подарку очень рада,
И говорит стихиям, покраснев:
«Quos ego!» * Прочь, с великою досадой,
Бегут ветра; волн утихает гнев;
Нет ни следа от бушевавшей бури,
Корабль плывет спокойно по лазури.

Мир напугать желая, царь богов
От полюса до полюса грохочет.
Кой-кто бледнеет, правда, от громов
И торопливо «Верую» бормочет.
Однако же спокойствие упрочит
Кропила взмах и звон колоколов.

О, как была, Венера, ты красива
В тот день, когда Амура родила!
Твои уста, прелестные на диво,
То глаз его касались, то чела.
В его чертах свои ты узнавала:
Он был, как ты, пленителен и мил.
И слабого младенца ты качала
(Вселенную он скоро покорил).
Три грации спешили сделать ложе
Для малыша из миртов и лилей;
Зефиров рой поторопился тоже
Умерить жар полуденных лучей.
И на губах кудрявого ребенка
Лукавая улыбка расцвела.
По ней судить, Киприда, ты могла
О будущем. . . Играючи, ручонка

* Я вас! (лат.).

Коснулась белой, словно снег, груди.
Он дрыгнул пухлой ножкою, гляди!
Бессмертные, при вести о рожденье,
Полюбоваться вами собрались.
У ложа твоего они сошлись
Толпою в молчаливом восхищенье
И улыбались сыну твоему...

Но все на свете бренно, о Киприда!
Картину эту — горькая обида! —
Разбили люди, бог весть почему
(Кисть Зевксиса ее нарисовала,
Мое ж перо лишь робко подражало).
Картине поклоняются другой:
Вот старый плотник с юною женой;
Убогий хлев, несвежая мякина,
Кормушка заменяет колыбель...
Кто же обступил ту жалкую постель,
Где спит дитя Марии? Лишь скотина:
Мычащий бык, жующий жвачку вол,
Ревущий оглушительно осел;
Да три волхва, три черных, словно сажа,
Благоговейных молчаливых стража,
Которых свет звезды туда привел.

Две разные картины эти все же
Между собой в какой-то мере схожи:
Вулкан, Иосиф — хмурые мужья —
Играют роль свидетелей, не боле.
Они отцами стали поневоле.
Сидят в углу, досаду затая.

Напрасно пляшет Момус со свирелью:
Печален мир, в нем места нет веселью.

До смеха ли, когда всех пекло ждет?
Куда серьезней стали люди... Четки
Сменились вдруг на бубны и трещотки.
Иеремии плач — взамен острот...
Разительна такая перемена!
Венками роз увитое чело
Усыпал прах... Ведь все на свете тленно,
До смеха ль тут? Вздыхают тяжело.
Взгляните: со святой водой кропило
Жезл Бахусов успешно заменило.
Увы, Силен, к чему твои дары?
Забыли мы про Комуса пиры
И предпочли румянцу Пресыщенья
Унылый Пост и чахлое Говенье.

Красавицы, отрекшись от утех
И позабыв, что есть на свете смех,
Вздыхают безутешно у распятыя:
Грешны и поцелуи, и объятия.
О ласках как ни стосковалась грудь —
О них теперь и думать позабудь,
Перебирай рукой прилежной четки!
Пусть градом сыплются удары плетки
На тело молодое, хоть оно
Нежнее шелка и белее снега,
И благовоньями умащено.
К пуховикам уже не манит нега:
На голых досках — грубое сукно...
Беги, Венера! Как тебе не злиться?
Твой пояс заменила власяница...
Закон наш строг, ему не прекословь!
Три грации, вы изгнаны, бегите!

Соперницам счастливым уступите!
Их звать: Надежда, Вера и Любовь.

«Как молятся Христу они слезливо!
Их племя скудоумно и трусливо.
Каков их поп, таков же и приход! —
Сказал Юпитер. — Без сопротивленья,
Благословляя рабство, сей народ
Надел ярмо, выносит притесненья.
И тянется к пощечине щека,
И ждет спина покорно тумака...
Они тиранов терпят без роптанья,
И Константин имеет основанья
Хвалить удобства новой веры сей,
Вошедшей в моду. Он теперь, злодей,
На мягком ложе мирно почивает...
Ему кровь сына руки обагрят;
Жену свою он в ванне утопил,
Зятьев своих обоих удушил
И кинул псам тела на растерзанье,
Но совесть не казнит за злодеянья,
И сладкий сон глаза его смежил...
Тигр этот спит, о мщенье Немезиды
Не думая... Его небесный гром
Не поразил! Летите, Эвмениды,
Чтоб исхлестать отступника бичом!»

Он рек, и вот ужасные богини,
Вооружась бичами и шипя,
Виновного толпою обступя,
Готовятся карать за грех гордыни.
Над головами змеи сплетены;
Зловещие, они озарены

Кроваво-красным зыблущимся светом,
И тени жертв являются при этом.

Но Константин, зевая, им сказал:
«Вы опоздали, милые старушки.
Меня страшили ваши колотушки
В былые дни; пребольно бич стегал.
В те времена изрядно тяготили
Меня грехи; язычников жрецы
Их не хотели отпускать, глупцы,
А христиан жрецы мне все простили.
Пронырливы, лукавы и умны,
С евангельем они мне царство дали.
Я принял дар, понятно, без печали.
С тех пор угрозы ваши мне смешны».

Вот захотел сыночек Кифереи
Испробовать на людях страсти яд.
На крыльях ветра мчится наугад,
Стрелы, из лука пущенной, быстрее.
Внезапно он замедлил свой полет:
Вот юноша и девушка верхами...
«Отлично! — он промолвил, — мне везет!
Таиса, ты — как роза меж цветами;
Дабы любить, ты рождена на свет:
Понравиться легко в шестнадцать лет.
Ты, Элином, чувствителен, послушен;
К такой красе и ты равнодушен
В осьмнадцать лет ... Куда же вам
спешить?»

А, понял я! Вы молоды, богаты,
Для вас готовы брачные палаты,
Но вы Христа решили возлюбить

И удалиться навсегда от мира,
Дабы своей души не погубить
(Родители доселе чтут кумира).
Бежать в пустыню — это ничего;
Но, вздумавши отречься от всего,
Вы возомнили, пылкостью влекомы:
„Святыми станем быстро и легко мы“.
Таков ваш план; но у меня есть свой.
Одежду ты напялила мужчины,
Красавица; для хитрости такой,
Наверное, имеются причины.
Но тонкий глас тебе природой дан,
От визга ты не можешь удержаться:
Выскальзывают ножки из стремян...
Недолго это будет продолжаться.
Посадка не уверенна твоя,
И белой ручкой, милая моя,
Ты предпочла не за уздечку взяться,
А за луку высокую седла...
Не думаю, дружок, чтоб ты могла
В одежде этой усидеть на кляче.
Нет, путешествуй как-нибудь иначе!»

Кольнул Амур невидимой стрелой
Бок скакуна; карьером тот пустился,
И на земле внезапно очутился,
Слетев с него, наш всадник молодой.
Оправившись от первого испуга,
Встает Таиса, вознося хвалу
За то, что так мягка трава, упруга,
И что господь не дал свершиться злу.
Красавица впадала в заблужденье:
Амур один причиной был спасенья.

Дабы беду в дальнейшем отворотить,
Два путника, подумавши немного,
Одно седло решают разделить
И вновь шажком пускаются в дорогу.
Но исподволь свершает Купидон
Свой замысел, и на ногах поджилки
У Буцефала ослабляет он.
Споткнулся конь, и без того не пылкий.
Споткнулся вновь, усталостью разбит...
Таиса (позади она сидела)
В небрежности товарища винит
И говорит: «Послушайте, в чем дело?
У вас совсем к узде вниманья нет!
Попробуйте исполнить мой совет:
Давайте, поменяемся местами.
Так будет лучше, убедитесь сами!»

Вот пересели; видят — Буцефал
Тотчас же спотыкаться перестал.
Таиса простодушная довольна,
Но Элиному за ее спиной
На крупе неудобно, и неволью,
Чтоб отыскать опору, наш герой
Ее груди касается рукой
И спутницу в объятиях сжимает,
И у обоих сердце замирает,
Хоть чистота и обитает в нем.
Да, нелегко святыми быть вдвоем!
Влечет к мечтам такая позитура.
И путники, по прихоти Амура,
Во власть соблазна сразу же попав,
В волненье сладком млели и мечтали,
И обо всем на свете забывали.

Но крест, глазам нечаянно представ,
Их помыслы внезапно очищает
И набожность в сердца их возвращает.
«Наш замысел похвален, Элином,
В том спору нет; но мы с дороги сбились
И роскошью чрезмерною прельстились.
Мне кажется, отшельники верхом
Не ездили; об этом я читала.
Пешком идти нам более пристало».
И продолжают путь они пешком.

Без отдыха идут они с часочек,
Утомлены; увидели лесочек
И думают: «Теперь мы отдохнем».
Амур хитро расставил им ловушки:
Там лег травы заманчивый ковер,
Прохлада, тень, и у лесной опушки
Ручей, струясь, увеселяет взор.
С деревьев там свисают апельсины,
И финики там зреют, и маслины,
И ананас — сей ароматный плод,
И смоквы рдеют, сладкие, как мед.
Понравилось, конечно, это место
Двум путникам — ведь их жара гнетет,
И Элином, касаясь легким жестом
Лба девушки, с него стирает пот.
Нарвав плодов, принять в подарок
просит;

Она ко рту с улыбкой их подносит
И, откусив, ему передает.
Затем они с развесистого клена
Срывают лист широкий и зеленый;
Его свернув как чашечку, друзья

Им черпают из быстрого ручья,
Из этого бокала пьют со смехом...

Лукавый бог обрадован успехом
Замысловатой хитрости своей.
Чтоб одержать победу поскорей,
Он посылает пару голубей...

Ну, кто ж не знает нравов и привычек
Хорошеньких и томных этих птичек,
Их грацию, игру их меж собой,
И легкое их крыльев трепетанье,
И горлышек их нежное клохтанье?
Им подражаем мы наперебой.

Что за игра! Она бы страсть вдохнула
И в статую... Невинная чета
На голубей воркующих взглянула
(Амур послал их, видно, неспроста)
И вновь забыли оба про Христа...

Нечаянно Таиса наклонилась,
Нечаянно затем облокотилась
На друга, чья нескромная рука
Нечаянно по прелестям блуждает
И стройный стан Таисы обнимает,
Сперва к нему притронувшись слегка...
«Я победил! — крылатый бог решает. —
Пусть прежде, чем отшельниками стать,
Узнают, как им время коротать».

Ошибся он: от церкви близлежащей
Донесся вдруг звон колокола к ним,
И, словно глас, от бога исходящий,
Зажег сердца желанием другим.
Забыв про чары, сильные вначале,
Спешат они от рощицы подале.

Тогда Амур велел, чтоб Аквилон
Грядую туч завесил небосклон.
Ночь близится, и дождик льется...

Скверно!

Красавица огорчена безмерно
И говорит: «Безжалостны вы к нам,
О небеса!» Однако спутник верный
Ее тревогу разделяет сам
И делит плащ с Таисой пополам.
Скользит она, хоть крепок локоть друга...
Тогда ее он на руки берет
И, бережно прижав к груди, несет.
Вот перед ними жалкая лачуга...
Им говорят: «Найдется лишь одна
Здесь комнатка; годится ль вам она?
Ведь в ней одно единственное ложе».
Смущения Таиса скрыть не может.
«Не бойтесь, — восклицает Элином. —
Вы ляжете, а мне довольно стула».
И страх Таисы как рукой смахнуло.
Хоть путники закутались плащом,
Но все-таки промокли под дождем;
Прилипла к телу мокрая одежда.
Снимать ее — поймет любой невежда —
Приходится друг другу помогать.
Для скромности какое испытанье!
Но, сократив немного описание,
Соблазна мы сумеем избежать.

Красавица в постель одна ложится,
И ждать себя не заставляет сон,
А Элином на жесткий стул садится,
Но отдыха там не находит он.

Ему Амур коварный угрожает...
«Ко мне, Борей!» И из полочных стран
Борей на зов послушно прилетает
И дует в щели, злобой обуян.
На юноше надета лишь рубашка,
И вскоре холод члены оковал.
Он, весь дрожа, зубами застучал...
Послышалось, как он вздыхает тяжело.
«Ты нездоров? Да ты озяб, бедняжка!..»
Окоченев, безмолствует герой.
«Увы, зачем не вместе мы с тобой?
Я сном была, беспечная, объята,
Ты ж замерзал; я в этом виновата».

И к юноше, вся — нежности порыв,
Она спешит, с постели соскочив.
Рук ледяных коснувшись сначала,
Затем — груди, Таиса прошептала:
«Ты жив еще! Ты дышишь, милый друг!
Иди сюда! Излечит твой недуг
Тепло моей нагретой постели».
И вот они легли в одну кровать...
На милосердье надо уповать:
Красавице не стыдно, в самом деле,
Прижалась крепко, словно жар горя.
Так некогда еврейка молодая
Делила ложе старого царя,
Теплом своим его обогревая.
Греха тут нет, но юношу согреть
Приятней, как на это ни смотреть.

Лекарство это вылечило живо
Болящего, и даже ощутил

Внезапно он избыток новых сил...
Промолвила Таиса боязливо:
«От страха я чуть-чуть не умерла,
Но нас рука всевышнего спасла.
И в будущем она придаст нам силы.
В пустыне жить мы будем до могилы
В двух келейках, воздвигнутых рядом,
И садик наш возделаем вдвоем...
Ужель меня покинешь ты, мой милый?»
«Нет, никогда! — воскликнул Элином. —
Тебе я — брат, а ты мне будь сестрою!
Для нас жить врозь — мучение,
не скрою.

Быть одному опасно, говорят,
И тягостно; не лучше ль во сто крат
Спасаться нам в одном и том же месте?
Мы дружбою наш освятим приют
Нежнейшею; святыми нас сочтут,
И чудеса творить мы будем вместе;
Умрем, и вместе похоронят нас,
И вместе в рай мы попадем тотчас!»

Отшельники, возжаждавшие схимы,
Из чувства дружбы за руки взялись,
Из чувства дружбы крепко обнялись.
Вздыхались груди, сладостно теснимы...
Амур уже готовит им подвох:
Уже горит в крови огонь желанья,
Уже Таисы робкое дыханье
И Элинома непорочный вздох
Сливаются, застигнуты врасплох;
Уж поцелуй обжег уста... Но (кстати ль
Для них, а также для тебя, читатель?)

Пропел петух, дремавший до утра.
Не больше произвел бы впечатленья
И гром с небес: раздавшись трижды,
пенье

Напомнило апостола Петра,
Напомнило тройное отречение.
От крика непоседы-петуха
Проснулось в них сознание греха.
Покинув ложе, стали на колени,
Лоб осенили знаменьем креста;
Молитву повторяют их уста:
«Спаси нас от бесовских наваждений!»
Амур в досаде прочь от них летит,
Пожаловаться матери спешит.

Так ловкий вор, покуда тьма ночная
Еще царит, тихонько лезет в дом,
Вооружась отмычкой, тайком.
Вот, поглядев с опаскою кругом,
Крадется он, на цыпочках ступая.
Уже рука нащупала сундук...
Но на беду тут раздается звук,
Шаги и кашель в комнате соседней:
Скупец не спит, и есть слуга
в передней.

И, не успев на золото кинуть взор,
Во все лопатки удирает вор.

Так хитрый волк, в лесной скрываясь
чаще,
Глядит на двух резвящихся ягнят.
Они играют, прыгают, шалят...
Следит за ними волка взор горящий.

Приблизились... Волк, жадностью объят,
Кидается: кусочек больно лаком!
Но в тот же миг бежит к нему пастух,
Бросает камни, «пиль» кричит собакам.
Волк вынужден спасаться во весь дух.
Ягнята мчатся к матери и стаду,
А волк в кустарник прячется густой
И, блеянье услышав за рекой,
Лишь ляскает зубами, скрыв досаду.

Блюди, пастух, блюди свое добро!
Не следует, чтоб скромное перо
Нескромные картины рисовало:
Загрызть ягненка волку не пристало
В моих стихах, сплетаемых хитро.

И глас его зарокотал как гром;
 Послышалось три разных тона в нем.
 Грядущее увидеть всем охота,
 И ангелы слетаются без счета,
 И взор на землю каждый устремил.
 Промолвил бог: «Архангел Гавриил,
 Твой чистый глас находят все приятным;
 Желая я, чтоб всем ты объяснил
 То, что тебе покажется занятным.
 Как в зеркале, ты мир увидишь весь».

Гавриил

Преемник Константина виден здесь
 И двор его с гурьбой попов строптивых,
 Лукавых, злых и льстивых — их не счесть.
 Творцы всех смут, они владык трусливых
 Используют несправедную месть.
 Страсть к богословью всеми овладела,
 Ни до чего другого нет им дела,
 На полках — фолиантов строй возник.
 Все заняты разбором, толкованьем,
 Подделкою или перевираньем
 Священных, хоть недостоверных книг.
 Где здравый смысл? Им все
 пренебрегают,
 И длится спор; а из полночных стран
 Вдруг варвары, как дикий ураган,
 Несметными ордами налетают,
 Империю они опустошают...
 Но для кого — спросите христиан —
 Ряды костров и виселиц готовы.
 И плахи, и темницы, и оковы?

Для варваров? О нет, для ариан.
Кровавое, слепое исступленье!
Взгляните: нивы заросли травой...
Любуйтесь на пожары, разрушенья,
Насилия, убийства и разбой,
Младенцев неповинных избиенья...
Все это — из-за слова одного!

Христос

Но для меня то слово много значит:
Ведь еретик в нем ловко ересь прячет.

Св. Гвенолий

Убейте всех!

Христос

Несторий — какво?
Пустился в спор и смело утверждает,
Что по натуре я своей двояк;
Об этом же, собрав толпу зевак,
И вкривь и вкось Евтихий рассуждает.
Пусть я двояк...

Бог-отец

Ну и галиматья!

Христос

И в одного поверить нелегко им,
А в двух — куда ж? Но тут бессилен я:
Натура ведь у каждого своя.

Один из епископов
Убьемте всех и совесть успокоим.

Гавриил

Но вот опять там завязалась пря.

Бог-отец

О чем же речь? Каков предмет раздора?

Гавриил

Опять Христос.

Бог-отец

Меж нами говоря,
Мой сын, они поймут тебя нескоро:
Неясен ты.

Христос

А вас постичь легко?

Бог-отец

Озлобятся — скажу вам на ушко —
Они вконец.

Христос

Известно, что мы — тайна.
Их любопытство дерзко чрезвычайно.

Гавриил

Вас все-таки постичь они хотят.
«Христос — в дарах!» — одни из них кричат.
«Нет, он — на них!» — другие голоса.
«Вокруг даров он!» — третьи говорят.
«Вы врете все! — четвертые вопят, —
Христос, вестимо, спрятан под дарами!»

Один из епископов

Убейте всех, и спорам всем конец.

Дух святой

Зачем же быть самим себе врагами?
Ведь диспуты нам на руку, глупец!
Оспаривать возможно убежденья
Лишь силою, и мучеников рать
Досуг людей поможет нам занять.
Пусть Библии исследуют реченья,
В их тайный смысл вникая наобум,
Чтоб изощрять свой любопытный ум.
Исчезните, о римские писаки,
Прочь с наших глаз, о греки-пачкуны!
Хоть молодежь любила ваши враки,
Но Библией они превзойдены.
У ног моих — премудрость вся людская.
Один я мудр, и нет меня мудрей.

Ливанский кедр я, выше и стройней,
Чем жалкая былинка полевая.
Извилистый и скромный ручеек
Течет привольно; быстрый же поток
Несется, ручейки все поглощая.
Ночь кончилась; горят лучи зари.
Погасните, о свечи, фонари
И факелы! Ваш слабый свет затмило
Сияние взошедшего светила!

Христос

О Дух святой! У вас ума палата,
Да толку что? Любитель громких фраз,
Вы без конца впадаете в экстаз,
Но речь пуста, хотя витиевата.
Любую околесицу — в псалом!
Чужд суесловью настоящий разум,
Он ясностью силен, а не экстазом,
Ни капли нет напыщенности в нем.

Гавриил

Взгляните же, с какою быстротою
Растет монахов жадная орда!
В Египте, даже в Азии порою
Она плетет интриги без стыда.
С короною клобук объединился,
И в Грецию, и в Галлию пустился.
В Италии, в Испании могуч,
То нагл и смел, законы он диктует;
То трусоват и робок, но живуч,
Везде проник и всюду торжествует.

Бог-отец (Христу)

Доволен ты?

Христос

Я рад, что знак креста
Все новые народы побеждает.
Хоть скромн я, но все-таки сдает
Меня честолюбивая мечта
И домогаться власти побуждает.

Дева Мария

Способствует немало слабый пол
Победам сим. Он многих к нам привел,
Восторги им суля за обращенье,
Убийствам чужд, настойчив и лукав.
В объятиях Клотильды побывав,
Воспринял Хлодвиг таинство крещенья.
И Англия сулит нам торжество:
Влюбленных легковерно большинство.
Вот красотой своей младая Берта
Рассеяла сомненья Этельберта.

Гавриил

Затем их сын взошел на отчий трон.
Запретный плод срывает дерзко он,
Сестру берет в супруги без стесненья.

Бог-отец

Какой разврат!

Гавриил

Епископ принужден
Бранить его за грех кровосмешенья:
«Тебе придется жариться в аду!»
«За пустяки? Тогда кропить довольно
Меня водой; уж лучше вновь пойду
К своим богам, чье сердце сердобольно».
И он Христу молиться перестал,
А вместе с ним народ забастовал.
Но охладел король к супруге вскоре.
К нему монах явился и сказал:
«Меня господь сурово наказал
За ваше маловерие, о горе!»
«Возможно ли?» — «Увы, то не был сон.
Пришел апостол Петр, вооружен
Увесистой и суковатой палкой;
Исколотил меня нещадно он.
Вот синяки... Ужели вам не жалко?
Я пострадал, зато господь отмщен».
«А ты не врешь?» — «Сочтите все ушибы!»
«Да, вижу я. Ну, в монастырь вернись
И своему святому помолись:
Пусть на меня не гневается, ибо
От идолов я отрекусь опять,
К обедне вновь начну ходить исправно».
И весь народ за ним вернулся вспять.

Бог-отец

Как? Колотить монаха? Презабавно!
Поведай, Петр; ужель твоей клюкой
Был сей монах избит ночной порой?

Апостол Петр

Да, господи.

Бог-отец

Поступок нелогичный:

Был виноват во всем король двуличный,
Его и нужно было наказать,
А не монаха.

Апостол Петр

Средство было смело,
Однако же успех оно имело.

Бог-отец

Ну, ладно, ладно! В рай беднягу взять.

Гавриил

Вот Карл Великий — чуть не прозевали!
Творить умел он тоже чудеса
Не хуже этих... Забрались в леса
Саксонцы и креститься не желали:
Их заблужденьям не было числа;
Часть этого упрямого народа
Он истребил за два или три года;
Другая часть крестилась и легла
К его стопам, их иногда кусая.
С мечом в руках он воздвигает крест,

И грабит, и сжигает все окрест,
Всех непосильной данью облагая.
Вот альбигойцы из соседних мест...

Весь клир

Убейте их! Искорените ересь!

Гавриил

Раймонд, спасти их души вознамерясь
(Хотя им всем погибнуть суждено),
Боролся с Римом. Но уже давно,
Согнувши выю, ставши на колени,
У папских ног вымаливает он
Прощение... Он папою прощен,
Хотя его и разорила пеня.

Испании отдельно честь воздам!
Религия неумолимо-злая
Особенно неистовствует там,
Всеобщее вниманье привлекая.
Там не спешит ревнитель веры в бой,
С оружием идя навстречу смерти;
Войны там не ведется никакой,
Нет никаких опасностей, поверьте!
Там убивать не любят второпях,
Убийцы величавы и суровы.
Вот собрались служители Христовы
Двумя рядами, в длинных стихарях.
Богатые жиды, а также мавры,
Опять-таки богатые вельми,
Еретики с их женами, детьми,

Закованы, шагают под литавры.
И палачи, блюдя церемоньял,
Их на костры торжественно возводят.
Поют Те Деум;* на балконы всходят
Король и свита, и гремит хорал.
Ханжи из ближних делают жаркое,
И смрад костров заменит фимиам...

Бог-отец

Принять ли поклонение такое?

Христос

Ну, придирайтесь нечего к друзьям,
Которые в усердье слишком рьяны.

Гавриил

От казней этих богатеет Рим;
Всё новые, обширнейшие планы
Лелеет он, тщеславием томим.
Стремится европейские пределы
Поработить, чтоб замки и уделы
Навек к монахам перешли простым.
Пришел из Палестины пилигрим;
К местам святым зовет на поклоненье,
Места святыя славословит он;
Их, дескать, взяли нехристи в полон,
Места святыя ждут освобожденья...
На Азию Европа поднялась:

* Тебя, бога, [хвалим] (лат.).

Спешат в поход крестьяне, горожане,
И дети их, и жены, и дворяне,
Нашив на платье крест и помолясь.
Охотно крест убийца нацепляет:
Преступникам прощенье он дарит,
От долга должника освобождает
И все грехи заранее отпускает;
На небесах за теми, кто убит,
Он теплое местечко закрепляет.

Но крестоносцы по уши в долгах;
К кому ж, как не к монахам, обратиться?
И за гроши пронырливый монах
Скупает все, непрочь и побожиться:
«В накладе я, ей-ей, не в барышах!»
Прощайте, родовые замки, башни,
Угодия: леса, луга и пашни,
Все без остатка церковь поглотит.
О рыцари! Вам не нужны именья,
Вас Азия обширная манит.
Она по праву вам принадлежит:
Провинцию получит во владенье
Любой из тех, кто знатен, именит.
Там офицеры станут королями,
Солдаты станут графами, князьями!

Бесстыдные блудницы и плуты,
Фигляры, скоморохи и шуты
Отважных рыцарей сопровождают.
Идет молва о воинстве креста:
Сменяют там обжорством дни поста,
Хулу вслед за молитвой изрыгают,
Евреев убивают, басурман,

Для выкупа хватают христиан,
Идут в собор, запачканные блудом,
И на грабеж спешат от алтарей;
Насилуют и женщин, и детей,
Терзаемые похотью, как зудом.
Иерусалим взят — новая резня...

Бог-отец

Вот зрелище! Смотрите, как рыдают
В одних сорочках женщины, стена.
Убийцы из окошек их кидают
На улицу, где копья ожидают,
И груди тел растут день ото дня.

Св. Карп

Где ж видано, чтобы жидов жалели?

Св. Гвенолий

Их заживо сжигают, в самом деле.

Гавриил

Взгляните, как из чрева матерей
Вырезавают маленьких детей.

Дева Мария

Вот ужас-то! Как это вы стерпели?

Бог-отец

Таков обычай набожных людей.

Гавриил

Хватает деву юную злодей,
И страсть свою бесстыдно утоляет,
Затем кинжал ей в сердце погружает...
Как, эту жертву богу предлагать?
Замаранный и кровью, и развратом,
Господень гроб идет освобождать.

Христос

Я победил! Хоть и людьми, и златом
Европа обеднела на века —
Свободен гроб мой! Этим результатом
Доволен я.

Бог-отец

Теперь нет уголка,
Где б новые порядки не вводились:
Эммаус, Кана сразу превратились
В баронство или даже в майорат.
Капернаум стал графством, говорят...
Привет, привет, виконт Иерихонский,
Князь Вифлеемский, герцог Елеонский!

Святой дух

О Магомет! Не спас ты басурман:
Кто верх берет? Тиара, не тюрбан.

Гавриил

Но ко всему успел привыкнуть Рим.
Соперничать два сына стали с ним.

Дева Мария

О грех какой!

Бог-отец

Хм... Вот как? Это ново.

Гавриил

Брат-кардинал терпеть не мог другого
(Тот — герцог был). И началась война:
Взгляните-ка: брат брата отравляет,
С отцом любовь сестрицы разделяет...

Бог-отец

Красива ли плутовка?

Гавриил

Недурна.

Священники, епископы, прелаты,
Каноники, бельцы и чернецы
Греховными желаньями объяты,
Увидевши такие образцы.

Христос

В чем, собственно, утехи их?

Гавриил

Дворцы,

Любовницы, алмазы и рубины,
Игра, охота, статуи, картины,
И скачки, и смазливые юнцы.
Богатства их не мог бы сосчитать я;
Но прихоти, да и наложниц платья
Обходятся так дорого — беда!
Безденежье их мучает всегда.
Установить, однако, им нетрудно
Мзду новую иль подать на грешок,
И снова их наполнен кошелек.
Приехав в Рим с мощной довольно
скудной,

Скупает там монах-иезуит
И ладанки, и крестики, колечки,
И отпущенья папские, и свечи;
И грешникам, которых ад страшит,
Втридорога перепродать спешит.
Мошеничеством Лютер недоволен
И голосит: «Торг этот недозволен!»

Один из епископов

А, протестант? Убейте, черт возьми!
Проклятье им!

Гавриил

Упущен час, пойми.

Весь клир

Убейте все ж!

Гавриил

Однако убивают
Уж ряд веков; пора и честь бы знать.

Весь клир

Ведь надо ж победителями стать!

Гавриил

Не удалось: Европой обладают,
Помимо папы, Лютер и Кальвин.

Дева Мария (Христу)

Мы людям стоим дорого, мой сын!

Один из кардиналов

Одно меня немного утешает...

Другой кардинал

Ага! Варфоломеевская ночь?

Весь клир

О дивная!

Гавриил

Еще вознаграждает
Испанцев пыл: кровь проливать непрочь,

Спешат они открыть для этой цели
Америку: индейцы там доселе
Не знают вас — какой великий грех!

Христос

Крестите их.

Гавриил

Уже убили всех.
Во имя ваше льется кровь людская
Повсюду, вплоть до самого Китая.
Тот — убивает, этот — умирает...
Все — в вашу честь, от края и до края

Дева Мария

О, сколько жертв! Какая в том нужда?
Как много крови пролито напрасно!
Не лучше ли — со мною вы согласны? —
Не делаться богами никогда?

Бог-отец

Философов читаете? Давно ли?

Дух святой

Ошиблись вы. Нельзя давать им воли,
Все это — наши ярые враги.
Коль прояснятся у людей мозги —
Мы задрожим при имени деистов;
Вы знаете: их дерзкий нрав неистов.

Христос

Ай-ай! Молчите!

Дух святой

Всюду и везде

Бог истинный, хотя его нигде
Не увидеть... Мы ж — выдумка людская,
Мы — сказка, мы — побасенка пустая...
Сомнение развеет нас, как дым.

Христос

Долой сомнение, и неверье — с ним!
Слепая вера разум уничтожит,
Невежество власть нашу приумножит.

Дух святой

И Библия.

Бог-отец

А ежели совсем

Ложь с разумом соперничать не сможет —
Что делать нам?

Дух святой

Тогда вновь станем тем,
Чем были мы, иль попросту — ничем.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Минерва рассказывает о том, что она видела, посетив богов разных народов. Скандинавские боги приходят на помощь языческим. Ночное времяпровождение в женском монастыре.

Я домосед: по целым дням сижу
У камелька, и уголья мешаю.
И все-таки от холода дрожу
И скверную погоду проклинаяю.
И так часы проходят в болтовне...
Когда же ночь напоминает мне,
Что спать пора, и я ложусь послушно
В свою постель, напяливши колпак,
И на меня за маком новый мак
Роняет из охапки сон воздушный —
На крыльях сна далёко я лечу:
Как Тавернье, я странствую повсюду.
Народов всех, каких ни захочу,
Выдумываю нравы и причуды.
На островах Таити задержусь.
Недолго над Японией витаю,
Затем в Китай легко переносюсь
И в Грузию с рассветом прилетаю.
Два слова: «женщина» и «красота»
Сливаются в одно и то же слово

На языке грузин; моя мечта —
Остаться там, но я — в Париже снова.
О, если бы на небеса, к богам
Сон перенес меня в часы досуга
И, странствуя от севера до юга
С Минервою, все видел бы я сам!

Минерва начала повествованье:
«Бессмертных небожителей собранье
(Вы слыли таковыми до невзгод),
По-вашему, я очень задержалась?
От нетерпенья это показалось.
Сейчас вы мой услышите отчет.
На полдень я направила полет
И встречена была богами Нила.
Им вовсе неохота воевать;
В бою поддержки можно ль ожидать
От Аписа-быка, от крокодила,
От аиста, от кошки, от жука?
Лечу оттуда в Сенегал: река,
По берегам — священные дубравы,
А в них — неядовитые удавы.
Там нечего мне делать, и лечу
Над Африкой я далее... Но — чу!
Вот подо мной забавное собранье
Жестянок, блях и всяких пустяков;
И все это — предметы почитанья:
Там негры сами делают богов.
Встав поутру, присядут за порогом;
Затем они глядят по сторонам
И первое, что предстает глазам,
Становится их амулетом-богом.
До вечера кадят ему; глядишь —

День кончился, и выброшен фетиш.
А завтра, начиная все сначала,
Они обожают что попало.
Но по ночам — безбожники они.

От новоявленной такой родни
Я уношусь, и вижу панораму:
Богов индийских предо мной семья.
На старшего из братьев, то есть Брамму,
Не очень-то рассчитывала я:
Создателю вести войну негоже.
Бог Вишну воевать не любит тоже,
Заботиться он должен обо всем.
И Шиву я на помощь приглашаю.
Он рек: «Я все охотно разрушаю,
И был бы рад помериться с врагом.
Но, видишь ли, нельзя оставить Брамму —
Бесстыдник он: не оберешься сраму!
Тебе его характер незнаком.
На матери он собственной женился
И сделался сестры своей отцом;
Дочь подросла — он и в нее влюбился.
Однажды я по делу отлучился,
А старикан дочурку подстерег
В лесу; она в испуге убегает.
Оленем став, и резв, и быстроног.
Кидается он вслед и догоняет;
Догнав — над ней насилье учиняет...
Хочу за честь племянницы отместить
(Хоть Вишну и советовал простить,
Его натуре ненавистна кара).
У Браммы, как известно, пять голов;
Слетела с плеч от моего удара

Одна; четыре же без дальних слов
 Я отхлестал за эти похождения.
 Но коль покину я свои владенья,
 То примется вновь Брама за свое,
 А Вишну той порой починит все,
 Что я разрушил. . . Нужно мне, богиня,
 Остаться дома. Верь, мне очень жаль
 (Не удивит тебя моя печаль),
 Что не могу я уничтожить ныне
 Твоих врагов и всех вас заодно».

Да, свойственны ему такие речи
 И обижаться было бы смешно.
 В дальнейший путь, в надежде новой
 встречи,

Пускаюсь; но в Японии опять
 Меня постигло разочарованье:
 Там божества — породы обезьянней,
 Уродство их мне трудно описать.
 Приветствовала новых я собратий;
 Ответом было множество гримас.
 Поведав о беде, постигшей нас,
 За красоту их похвалила кстати.
 Внимательно прослушав мой рассказ,
 Вновь эти боги начали кривляться,
 И прыгать, и скакать, и кувыркаться;
 Затем, приняв величественный вид,
 Мне старшая кривляка говорит:
 «Вас выручить могли бы мы, положим,
 Да времени нет лишнего у нас.
 С утра торчим мы в храмах; ни на час
 Мы отойти от алтарей не можем.
 Подохнуть от тоски немудрено!

Коль, одурев от скуки, мы задремлем,
То нас трясут, и вот мы снова внемлем
Молитвам, надоевшим нам давно.
Хоть кормят нас, могу сказать, изрядно,
Но пичкают конфетами нещадно.
Коль не съедем — зовет к нам докторов
Толпа благочестивых дураков.
От них порою убегаю вскачь я...
Хоть боги мы, но жизнь у нас собачья».
Промолвив это, сделала прыжок
И от меня пустилась наутек.

К другим богам я было полетела,
Однако же успеха не имела.
Я видела в одном из уголков
Два дряхлых и заброшенных начала
Добра и Зла, а дальше повстречала
Донельзя непристойных двух богов:
То были просто символы полов.
Огромные, они стояли прямо,
Как два тюльпана, в волнах фимиама.
Мне нечего богине было дать,
А бога дар я не могла принять.
На север я Европы полетела,
Там Одина могучего узрела
И у него поддержку обрела.
Он любит нас и помощь обещает,
За мною вслед с войсками поспешает.
Мы спасены, Юпитеру хвала!»

В то время как Минерва речь кончала,
Рог затрубил и забрякала сталь.
То с севера к ним конница скакала.

Ее ведет воинственный Геймдаль,
Чье бдительно и неусыпно око.
Он, между прочим, видит так далеко,
Что и с небес (так говорит молва)
Жемчужин рост заметит между створок
В глуби морской — вот до чего он зорок!
А слухом ловит, как растет трава,
Как вырастает за ночь шерсть овечья...
Куда там слух и зренья человечьи!

По длинному, широкому мечу
(Не каждому он будет по плечу),
И по насупленным бровям, по росту,
По увенчавшим голову рогам,
По молнии в руке довольно просто
Все узнают, что это — Один сам.

Тор, сын его, храбрец, тучеводитель,
Ветров и бурь воинственный властитель,
На колеснице мчался, в бой готов;
Она влекома парюю козлов.
В его деснице молот сжат чугунный,
Наводит страх сей молот на врагов
Не менее, чем Одина перуны:
Оружие, нехитрое на взгляд,
Сразив врага, летит опять назад.
Волк Фенрис тут: с цепи его спустили.
Нигде его страшней нет: всех осия,
Он может всю вселенную пожрать.

Три девы (их валькириями звать,
То сестры Тора) смело гарцевали
Верхом на белоснежных скакунах,
В доспехах белых, в белых шишаках,

И золотые копы их блистали.
За ними многочисленная рать
Богов второстепенных выступала.
Их вид свиреп, их мужественна стать.
Воители, кем славится Валгалла,
Под знамя Тора собрались. Любой
Из этих славных воинов — герой.
Не любят слабосильных скандинавы,
Их рай — для тех, кто в битвах ищет
славы,

Там пола женского в помине нет,
Наложен там на прелести запрет.
Туда ни трус, ни воин посрамленный,
Бежавший с поля брани, не войдет,
Ни тот, кто от хворобы злой умрет,
Ни старец, грузом лет отягощенный.
Позор тому, кто смерти дома ждет!

Изгнанники построились для встречи,
Приветственно раздался гром фанфар,
Но слышались невежливые речи:
«Последний выпьют варвары нектар!»
Юпитер сделал знак; все замолчали.
Союзников торжественно встречали,
Команда раздаётся: «На кра-ул!»
Бьет барабан, склоняются знамена...
Юпитеру приветливо кивнул
Сам Один, этой встречею польщенный,
И руку подал: «Здравствуй, старина!
Друзьями будем. В бой без промедленья!
Где тут враги? Мы завтра ж, без
сомненья,

В твоём дворце отведаем вина».

Но скандинав забыл: мудрец умерен,
Не следует ручаться ни за что.
Он мнил — не победит его никто.
Меж тем Приап, своей присяге верен,
Религии оплотом вскоре стал;
Успех его усердые увенчал.
Он проповедывал повиновенье
Чиновникам, вельможам, королям
(Тиранам даже), судьям и князьям;
А потому снискал благоволенье
Чиновников, вельмож и королей.
И множилось число монастырей,
И воздвигались пышные соборы...
На алтаре, забыв былые споры,
Весьма довольна глупостью людской,
Вкушала снова Троица покой,
Грядущее величье созерцала,
Могуществом довольная втройне.

Святая дева весело болтала
С Панфером и другими в стороне
И будущее с ними обсуждала.
Ей до-смерти хотелось бы узнать:
В монастырях — какие развлечения?
И тягостно ль монахинь заточенье?

«Я вам могу об этом рассказать, —
Шепнул Панфер. — Мне снился этой ночью
Забавный сон; увидел, как воочью,
Я все, интересующее вас.
Приснилось мне, что я — смиренный инок,
Попавший в монастырь визитандинок.
Вечерня уж окончилась; сейчас

Узнаем, спят ли сестры? С этой целью
Из кельи я заглядываю в келью.

Урсула первую предстала мне...
В волненье ты, прелестная Урсула?
Не демона ль ты видела во сне?
Но почему так сладко ты вздохнула?
То ангел был, не демон... Вижу я,
Понравилась тебе такая греза.
Улыбка недвусмысленна твоя,
И томен взор, и сладострастна поза.
Тебе блаженства тайного секрет
Уже поведал ангел, спору нет.

Гортензия! Зачем ты одеяло
Откинула? Его не отстраняй!
Не нужно, чтоб рука твоя блуждала!
Сперва груди коснулась невзначай
Атласно-гладкой юная черница,
И вот уже... Ну, можно ль так забыться?
Не смей шалить! Сокровища любви
Не трогай, и цветка ее не рви!
Под алебастром там эбен таится
И розы распускается бутон...
Пока еще не раскрывался он,
И гибкий пальчик ищет наслажденья
В запретном для него прикосновенье.

К Цецилии спешу из кельи сей.
Хоть ночь длинна — роман еще длинней.
Евангелье любви она читает,
И грезит, и на ус себе мотает.

Скучающим в таком монастыре
Природу может заменить искусство.
Я безделушку вижу на ковре:
Она разгорячает Зои чувства.
Вот на киоте, рядышком с Христом.
Стоит сосуд с мягчащим молоком. . .
Поздравим же находчивую Зою!
Любовник скромн, он всегда с тобою,
И обмануть не сможет ничем.

Ты пишешь, Клара? Милому, конечно?
Послушаем! „Жестокий мой отец
Нас разлучил насильно — о глупец!
Но я — твоя, твоею буду вечно.
Моей душой твой образ завладел.
Жар первого не стынет поцелуя. . .
О жизнь моя! Любить — вот мой удел,
Тебя, тебя любила и люблю я“.
Несчастливая! В то время, как в слезах
Ты изливаешь страсть свою и горе,
Утешился (иль это будет вскоре)
С другою твой любовник-вертопрах.

Агнеса, ты от этих дев отлична,
И твой ничем не нарушаем сон
(Предшествуем молитвой жаркой он).
В пример Агнеса ставится обычно
Черницам всем: ведь каяться в грехах
Не устает в течение всей недели.
Что за грехи? Не спрашивайте, ах!
Понежилась немножечко в постели,
Молясь — свое вниманье отвлекла,
Слова любви во сне произнесла,

Иль в зеркальце нечаянно взглянула,
Иль чуточку без умысла вздохнула
При мысли, что любовь, а также брак
Отныне недоступны ей никак,
И странное волнение испытала,
Когда о счастье этом возмечтала.
К подобным прегрешениям привык,
Перебирает четки духовник,
Молитву по-латыни он читает
И грешницу великую прощает.

Не все монашки, впрочем, таковы,
Как та Агнеса кроткая. . . Увы,
В ином грешке труднее им признаться,
Чем от грешка такого удержаться.
Но можно все рассказывать друзьям;
И слышал я, как три младых черницы
Друг другу признавались, бабовницы,
В наклонностях и слабостях; и вам
Я исповедь Анжелы передам.

„К несчастью, Флорваля я любила,
Ждала, чтоб церковь нас соединила, . .
Зачем скрывать привязанность свою?
Как сладостно проговорить: «люблю!»
Само собой сорвется это слово,
Да и потом оно слетать готово
С влюбленных уст, восторга не тая.
Как передать Флорваля упоенье?
К моим ногам упав, он в восхищенье
Проговорил: «Анжела, жизнь моя!
Владычица и сердца, и свободы!
Ты видишь: я от страсти изнемог.

Скажи: ужель мне только через годы
Любви твоей достанется залог?»
Я промолчала. . . Ах, скажу вам честно:
Его порыв был так неудержим!
Молчанье — знак согласия, как известно,
И он тотчас воспользовался им. . .
Да, я была весьма неосторожна,
И счастья мне обманчивого жаль.
Забыть тебя? Но это невозможно,
Неверный мой, любимый мой Флорваль!
И вскоре он нарушил обещанья. . .
Я брошена. . . Суди его Христос!
Забыть его, забыть его лобзанья
Пыталась я напрасно. Много слез
Я пролила; все стало мне противно.
В монастыре, средь набожных сестер,
Решила скрыть я горе и позор.
Желанье было тщетно и наивно.
Уносит время радость и печаль,
Меня бы утешенье не минуло. . .
Найду, кем заменить тебя, Флорваль!“

Злосчастная Анжела тут вздохнула.
Промолвила Адель за нею вслед:
„Со мною то же было: ведь дерзнула
И я любить: любви запрета нет.
Что делают еще в семнадцать лет?
И я тайком о браке возмечтала.
Но мой отец и слышать не хотел;
Я плакала — он даже не глядел.
Причин его упорства я не знала.
«Нет, Нельсона не будешь ты женой!»
Я поклялась, однако же, что буду,

Не ведая, что выйдет это к худу,
И Нельсону сказала: «Милый мой,
Устроим так, чтоб матерью я стала!
Нас обвенчают, убоясь скандала».
Подобным предложеньем восхищен,
Намеренье мое исполнил он
С охотою, и в результате спешки
Мой вид у всех стал вызывать
насмешки.

Увы! Жестокосердый мой отец
Не разрешил идти мне под венец,
И на меня разгневался ужасно,
И матерью я сделалась напрасно.
Заточена у вас в монастыре,
Я вяну здесь, как роза в январе,
Моя краса погибнет, без сомненья“.

„И я своей не вижу примененья, —
Так начала Инеса, — но кузен
Надеется, что у моих колен
Он обретет блаженство неземное.
Как он красив! В нем что-то есть
такое...

В приемную к нему я выхожу,
С ним говорю и на него гляжу.
В его очах желание блистает,
Мы взглядами друг с другом говорим...
Так хочется поцеловаться с ним!
Но нас, увы, решетка разделяет.
Счастливыми нам быть не позволяет.
Увы, блаженство нам запрещено!
Хоть близко — недоступно нам оно.
Как быть? И вот сегодня, безутешно

Оплакивая горькую судьбу,
 Кузен шепнул: «Услышь мою мольбу!
 Мои мученья знаешь ты, конечно.
 Меня ты любишь?» — «Да, люблю
 сердечно».

«Нет, все равно, не сбудутся мечты:
 Ты так робка, всего боишься ты».
 «А все-таки?» — «Хоть высока ограда
 Монастыря, в особенности — сада,
 Но я могу ограду перелезть».
 «О безрассудный!» — «Видишь, средство
 есть».

Ты любишь, да?» — «Попробуй
 усомниться!»

«Так будь смелей! А я на все готов».
 «Но в сад, увы, я не могу спуститься:
 Дверь заперта на ключ, не на засов».
 «Что за беда? Ты кинешь из окошка
 Две простыни, связавши их. Не трусь!»
 «Так рисковать?» — «Люби меня

немножко,

Инеса! Я на все тогда решусь!»
 Его слова надежду пробудили,
 Мое сопротивление победили,
 Я согласилась... Завтра он придет.
 О боже, что теперь произойдет?
 «Познаешь завтра счастье, дорогая!
 Мы будем ждать рассказа, милый друг».

Решил я, что Виктория младая
 Разумнее проводит свой досуг.
 Вот келейки ее убранство: слева —
 Картинок ряд; на них — Адам и Ева,

А справа — ложе жесткое для сна,
Над ним — распяты, гипсовая Дева.
Известно, как Виктория скромна.
Но вдруг впускает юношу она...
Святители наверно ужаснутся,
Глаза зажмурят или отвернутся:
Ведь женщина в расцвете красоты
Нимало не стыдится наготы.
Последнее спадает покрывало
И по плечам рассыпались власы.
Их никогда железо не кромсало...
Какие под холстиною красы!
В объятиях любовника Венера
Искуснее, нежнее не была.
Виктория страстнее, чем гетера,
И полное блаженство обрела.
Вы слышите ее? „От сладострастья
Я умираю! О, любовь моя,
О ангел мой! Найти такое счастье
На небесах не помышляю я“.

Как долго ночь в монастыре тянулась!
Из двадцати монахинь ни одна
Не спит... Ну вот, и Люция
проснулась,

Тихонько пробирается она
К Терезе... Для чего? Или подруги
Невинными секретами хотят
Делиться? Нет: улегшись, как супруги,
В одну постель, монахини молчат.
Как глубоко одна из них вздыхает!
Другая дерзостно изображает
Отсутствующий пол... Вот обнялись,

Их юные тела переплелись,
Становится прерывистым дыханье...
Бесплодная надежда их томит,
И ласки, от которых кровь кипит,
Перемежают жгучие лобзанья.
Иллюзия обманывает их:
Желаний пыл нимало не утих,
Напрасно воспаленными устами
Молить: „Мой пол перемени, любовь!“
Безумицы! Коль овладели вами
Влечения, волнующие кровь,
Коль вы не победили любострастье —
То монастырь покиньте поскорей:
Поверьте мне: вы и любовь, и счастье
Отыщете вдали от алтарей!

Так бегство Селестины совершилось,
Которая в монастыре томилась,
Эльмону благородному верна.
К побегу он давно ее склоняет;
Прекрасна и чувствительна, она
Своей тюрьмы неволю проклинает.
И вот решила: нынче убежит.
Из кельи выходя, она дрожит,
Бледнеет, озирается — трусиха!
Остановилась, слушает: все тихо.
Ее рука касается стены;
Дыханье затаив, среди тишины
На цыпочках идет по коридору.
Спускается по лестнице крутой.
Отмычка — инструмент хоть и простой,
Против нее не устоять запору;
И любящим порой, не только вору

Необходим полезный сей крючок.
Бесшумно отпирается замок,
Бесшумно дверь беглянка распахнула. . .
Ликует Страсть, Стыдливость же
вздохнула.

Высокою стеной сад окружен,
К ней лестница приставлена Эльмоном.
Легко наверх карабкается он. . .
Судьба благоприятствует влюбленным:
Раскидистый, высокий рядом клен,
И по нему спускается Эльмон.
Подругу он, томясь от нетерпенья,
Терзаемый тревогой, долго ждет.
Но вот навстречу милая идет.
Увидевши его, она волненья
Не в силах скрыть: краснеет и скользит,
И — в обморок! Испуганный, в смятенье,
Эльмон скорей к возлюбленной бежит.
Подхватывает на руки, ласкает,
Лобзает и тревожно окликает.
Ее приводят медленно в себя
И голос, что зовет ее, любя,
И поцелуи, жаркие как пламя.
Эльмон спешит корсаж ей расстегнуть;
Орошена горячими слезами,
Вздывается трепещущая грудь.
Очнулась; взор на милого кидает
И вновь в его объятьях замирает.
Эльмон торопит: время их не ждет.
Он Селестину к дереву ведет,
Плечо ей подставляет, как ступеньку,
Чтоб удалось взобраться помаленьку,
И всячески старается помочь.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Общее сражение. Храбрость св. Иосифа. Испуг и бегство Иисуса Христа Разграбление рая. Критическое положение девы Марии и св. Троицы. Приход св. Приапа и торжество христианских богов.

О Дух святой! Я огорчен немало:
Обуреваем набожностью я,
А под твоим влияньем кисть моя
Нескромные картины рисовала...
Покинул я любви чудесный край,
В нем проведя полжизни беззаботно,
Любовников и сумасбродов рай
(Мудрец, завидуй доле их вольготной!).
Так человек по прихоти судеб
За океан однажды отплывает,
Чтоб добывать в чужом краю свой хлеб
Попутный ветер парус надувает
И за кормой запенилась волна...
Земля вдали в туманной дымке тает.
Рукою машет путник и вздыхает:
«Прощай навек, родимая страна!»
Но в сердце сохранит он нерушимо
Свои мечты о родине любимой.

Как отдыха мне хочется вкусить!
О Дух святой, зачем ты в самом деле

Воспоминая вздумал оживить
И искушать меня без всякой цели?
Иные песни должен я слагать.
Что мне весталок христианских нравы?
Я им прощу невинные забавы,
Бой с Одним спеша живописать.

На наш отряд, стоявший на границе,
В то время, как молитвы он читал,
Внезапно полк язычников напал.
Ну, как от них псалмами защититься?
Струхнули все, понятно и без слов:
Наводят ужас лица их врагов,
Суровых и свирепых великанов,
Пришедших из страны снегов, туманов,
В горах рожденных, вскормленных
В лесах.

Они не знают, что такое страх;
До самых пят закованы в железо
Те скандинавские головорезы.
И мужество покинуло войска,
У всех святых душа уходит в пятки.
Они кричат: «Намнем врагам бока!»
А сами прочь бегут во все лопатки.
Вернувшись, расхрабрились хвастуны:
«Нам эти скандинавы не страшны!»
Архангелу их мнимый пыл угоден...
Бой закипел, когда явился Один.

Поведай мне, о вдохновитель мой,
В сражении кто первый был герой?
Святой Иосиф битву начал смело.
Не улыбайтесь! Вот как было дело:

Вооружен рубанком, выходил
Он из рядов, и кулаком грозил
Противникам, поспешно прячься снова.
Один из них был сильно раздражен
Бесстрашием (иль трусостью) такого
Воителя плюгавого, смешного;
Поколотить беднягу хочет он.
Иосиф знал (ученым мог он зваться),
Как от медведей следует спасаться:
Лежать пластом. И вот он наземь — бух! —
Кидается, издавши возглас «ух!»
(Был заключен впоследствии в бутылку
Сей крик и чтим молящимися пылко).
Споткнулся враг — ведь он стремглав
бежит —

И кувырком на хитреца летит.
Подняться на ноги не успевает,
Как на него Иосиф нападает,
Рубанком по спине его тузит...

Ликуют все... «Счастливого начало! —
Громоподобным гласом объявил
Своим войскам архангел Уриил. —
Вперед! Чтоб им, проклятым, жарко
стало!»

Но не прошел и двух шагов хвостун,
В него метнул Юпитер свой перун.
Перун был ветх, и от бывшего жара
В нем слабый отблеск тлел, а не пылал;
Но кинут был зато он с силой ярой
Десницею могучею, не старой;
Он был тяжел, и если не сжигал,
То головы неплохо разбивал.

И вот почти не дышит горемычный
Архангел наш; лежит недвижим он,
В небесный госпиталь перенесен.
Сей случай, на земле весьма обычный,
В уныние поверг и крикунов.
Хотят молиться, взяли часослов...
Но Рафаил вскричал тогда с досадой:
«Псалмы сейчас не время голосить!
Сражаться вам, а не молиться надо!
Не только скандинавов — силы ада
Господь поможет в пух и прах разбить!»
Но тут второй перун его сражает,
И зрения несчастного лишает.
От ужаса напал на всех столбняк,
Но кое-кто резонно замечает:
«Поправится, наверное, вожак:
Глаза лечить он, знаете, мастак».

На правом фланге лучше защищались,
Там Гавриила доблести — простор.
Там храбрецы отчаянно сражались.
Но вот на колеснице мчится Тор
И руку с грозным молотом простер.
Нагнулся ангел, избежал удара;
Вот молот сызнава ему грозит...
Но он быстрее молнии разит
Не Тора — враг такой ему не пара —
А упряжного рослого козла.
От боли тот внезапно зашатался;
В испуге, закусивши удила,
Возницу чуть не вывалив, умчался
Далеко этот раненый козел.

Волк Фенрис и Юпитера орел
В той битве достопамятной, кровавой
Великою себя покрыли славой.
Волк грыз вовсю; орел, вверху паря,
По временам стремительно кидался
На ангелов, и снова ввысь взвивался,
Сорвавши шлем. Он делал так не зря;
Прямой расчет был в этой стратагеме:
Врагу орел прицеливался в темя;
Шлем уронив, он сразу разбивал
Ту голову, на коей шлем сверкал.

Валькирии верхом везде носились
И храбростью в той битве отличились,
Гарцуя и сражаясь на скаку.
Все наутек пускались перед ними...
Противникам секирами своими
Они срубали сразу же башку.
Вот Гавриил пред ними, горд и строен,
Красив, и лучезарен, и спокоен.
Они врага достойного нашли,
И три копья в щит целятся... Коли!
Но отскочило от упругой стали
Железо — только искры засверкали,
Да гром пошел. Архангел отступил
И красоту своих врагинь заметил,
И на удар ударом не ответил.
«Вы превосходством пользуетесь сил,
Как в доблести такой не сомневаться?
Ведь вы — верхом, чего же вам бояться?
Я — без коня, и мне вас не догнать.
Коль не смогу пред вами устоять,
То ваша слава сильно пострадает:

Вам скакуны победу принесут.
По совести, гордиться нечем тут.
Однако пусть никто не полагает,
Что струсил я. Нет, я не откажусь,
Чтобы меня вот эта ручка вздула,
Красивая и белая». — «Клянусь,
Мы спешимся!» — воскликнула Гондула
И, соскочивши, лошадь оттолкнула.

Но в бой не рвется хитрый Гавриил.
Помедлив, он с улыбкой возразил:
«Уступка эта, знаете ль, ничтожна.
Ведь соткан мой наряд из полотна;
На вас — броня железная... Надежна,
Но все-таки стеснительна она,
Движениям излишняя помеха».
Любезностью дышали те слова,
Таился в них намек, прикрыт едва.

Не удержались всадницы от смеха
(Любезность — все; все можно
ей простить).

«Он прав!» — сказала Риста, от потехи
Всегда непрочь, и скинула доспехи.
Что за момент! Нельзя его забыть.
Узревши сквозь прозрачные покровы
Красы, каких не видели альковы,
Глазами в них впивается знаток.
Валькирии, его остерегайтесь!
«Теперь пора! Ну что же, защищайтесь!» —
Воскликнула Гондула, скрыв смешок.
«Нет, я готов заранее покориться!
Чтоб прелести такие победить,

Их надо ранить или повредить.
На этот шаг я не могу решиться,
Их лучше поцелуями покрыть.
С оружием в руках зачем сражаться?
Давайте, по-другому будем драться,
Бороться то есть». Всем опять смешно.
И говорит Гондула: «Очень мило!
Я б эту просьбу удовлетворила:
Как одолеть — не все ли нам равно?»

На правом фланге начали бороться,
На левом просят помощь оказать,
А в центре битва ярая ведется:
Сам Михаил — он Одину подстать —
Сразился с ним, не обратившись вспять.
Был на коне он, словно кипень, белом
И мужеством неукротимо-смелым
Своих бойцов все время вдохновлял.
От гнева Один весь затрепетал.
Рогатиной огромной потрясая
(В его руках — соломинка простая),
Он на врага как молния напал.
Но вовремя, к большой его досаде,
Нагнулся тот и, с шлема гребень сбив,
Удар пришелся мимо, поразив
Апостола, который плелся сзади.
Святой Фома, оставшийся в накладе,
На тучу вверх тормашками упал.
Вставая, он печально возроптал:
«Пришлось мне за другого поплатиться!»
«Зачем же подвернулся ты, тюлень?»

Противники мечами стали биться.
Успел меч Михаила притупиться,

Коснувшись кожи, жесткой как шагрень.
Бог усмехнулся, и удар ответный
Был нанесен им с силой несусветной.
Удар его настолько страшен был,
Что всадника и лошадь разрубил.
Две половины наземь покатались,
А вслед за тем опять соединились.
Но Михаил от боли изнемог,
В небесный госпиталь он тоже слег.
Произойдя некстати, то паденье
Причиной явилось отступленья,
Все ангелы пустились кто куда:
«Спасайтесь, братцы! Вишь, стряслась
беда!»

И Троица струхнула не на шутку,
За ходом боя с облаков следя.
Наш Бог-отец, вняв наконец рассудку,
Решил войскам дать нового вождя.
«Иди, мой сын! Возьми перуны, милый!»
С гримасой их берет небесный царь.
Покинут им ягненка образ хилый:
С плеча его спускается орарь,
Напяливает белый он стихарь
И со святой водой берет кропило.
Блестит венцом сияние над ним,
Стал громче глас, осанка стала строже,
Увереннее поступь. . . Да, похоже,
Что этот новый вождь непобедим!

И доблесть вновь вернулась
к христианам,
Героем стал и трус в порыве рьяном.

Перунами Христос вооружен,
И наобум один из них бросает.
И что ж? Геймдаль перуном вмиг
сражен!

Христос весьма успехом ободрен;
Второй перун и знамя повергает,
И знаменосца... Один, страшно злой,
Приказывает Тору: «Милый мой,
Отколоти-ка этого монашка!
Отца здесь нету: струсил старикашка.
Сразись, мой сын, с его сынком! Пора!
Ты победишь! Ни пуха, ни пера!»

Отважный Тор, доволен порученьем,
Спешит на поле бранное; туда ж
Отправился Юпитер. Входят в раж
Соперники; они с ожесточеньем
Сражаются. Тут начался содом:
На зов владык спешат ветра, могучи;
Со всех сторон застлали небо тучи
И смерчи поднимают пыль столбом.
Борьбу стихий как описать в поэме?
Встречаются в одно и то же время
И дождь, и снег, и вихри, и туман,
И жар, и хлад, и засуха, и влага...
Льет ливень и бушует ураган,
Град барабанит... Что за передряга!
Кромешный мрак... Лишь молнии излом
Слепительный подчас его прорежет,
Его сменяют грохот, лязг и скрежет;
Тройное эхо отражает гром.
И, видя, что взбесилась вся природа,
Бормочут люди: «Скверная погода!»

Уверенный в могуществе своем,
 Заранее победу торжествуя,
 Готовился Христос петь «Аллилуйя!»
 Не тут-то было! В кавардаке том,
 Напоминавшем хаос первозданный,
 Противники приблизились к нему;
 Он не успел заметить их сквозь тьму.
 Уже Юпитер, гневом обуянный,
 За шиворот схватить его хотел...
 Спаситель побледнел и оробел.
 К отцу спешит вернуться горемычный
 Воитель наш; нет силы и следа.
 Приняв опять ягненка вид обычный,
 Заблеял он от горя и стыда.

Уж если вождь сам в бегство
 обратился —
 Понятно отступление бойцов.
 Лишь Гавриил, когда б здесь очутился,
 Остановил бы наших беглецов.
 Увы, он задержался, как мы знаем,
 И пылом был иным буруеваем.
 Валькирии, не ведая того,
 Упрочили отцово торжество.

Помчался разъяренный победитель,
 Одним прыжком легко перескочил
 Ров, окружавший Троицы обитель,
 Затем ограду рая сокрушил
 И скинии палатку повалил.
 О стыд! О грех! Язычники сначала
 Колотят все *Господства* и *Начала*,
 Все девять знатных ангельских чинов.

Повержены *Престолы* — что за страсти!
Побеждены на этот раз и *Власти*,
Дождались даже *Силы* тумачков...
С охраной *Троицы*, однако же, нет сладу:
Одной рукой держась за балюстраду,
От заседавших на алтарь врагов
Другой рукою стражи отбивались.
Язычники хитрее оказались:
Швыряться стали... Знаете ли, чем?
Кудрявых *Херувимов* головами,
Которые витали в этом храме.
Охрана разбегается... Затем
В алтарь они пробрались, к духам тем,
Что день и ночь горят, неугасимы,
Задули их... Прощайте, *Серафимы!*
Увы, погас сиянья ореол...
На голубя кидается орел.
С бедняжкой расправился он круто,
И клочьями летел по ветру пух,
И мне Святой сам признавался дух,
Что здорово он струсил той минутой.

Волк *Фенрис* — тот, оскалив зубы люто,
Схватил ягненка, словно воробья.
«Тебя едят? Попробую и я!»
Божественные кости захрустели...
А Один на Марию кинул взор
(О бедная! Глаза бы не глядели!)
Кощунственную руку он простер
И выругался. — «Девка миловидна!
Красотка, эй! По праву ты моя.
Напрасно прикрываешься, тая
То, что у вас зовется „место стыдно“».

Бледнея, сходит с трона Бог-отец.
 Решил удрать он, на худой конец.
 Но за рукав схватил его Юпитер,
 И бороду холеную рванул...
 «Не рвите! О, не рвите! Караул!
 Послушайте! — (слезу Всевышний

вытер) —

Поистине, я этим алтарем
 Не дорожу: ведь мало проку в нем.
 И ладан весь отдам без сожаленья,
 Лишь бороду не трогайте мою!»
 Но враг, смеясь, без всякого стесненья
 За клоком клок рвал бороду сию...

При виде святотатственного дела
 Отчаяние всеми овладело.
 В молчании, повергнутые ниц,
 Ждут гибели уныло горемыки.
 Вдруг раздались восторженные крики.
 Да что случилось? Тучен, краснолиц,
 Является монах. Его фигура
 Знакома всем: на темени — тонзура,
 Веревка вместо пояса. Несли,
 Пыхтя, его шесть ангелов с земли.
 Монах сей был (я думаю, вам ясно?)
 Святой Приап. Он молвил громогласно:

«Довольно драться! Эй вы, дурачье!
 Вас люди рассудили. Хорошо ли
 Иль плохо — это дело не мое.
 Язычники, смиритесь поневоле!
 Принес я императорский указ:
 Вас упразднили, вот и весь вам сказ.
 Соперникам немедля уступите

Наследство их, законное вполне.
Конец войне! Вы верить не хотите?
Взглянувши вниз, поверите вы мне».

Он не солгал. Уже по всей стране
Указ, им принесенный, выполняли:
Языческие храмы разрушали,
Влачили их жрецов по мостовой
И все добро у них конфисковали,
А статуи богов уничтожали.
Многоголосый раздавался вой:
«Воздвигнем крест! Юпитера — долой!»

Что делать! Видно, надо покориться.
Приходится с добычей распротиться
И Одину, и волку, и орлу...
Так не было дано свершиться злу.
Сзывает Один воинов брюзгливо
И шествует на север горделиво.
Юпитера могучая рука,
Что дергала, преступна и дерзка,
За бороду творца, вдруг ослабела,
Разжалась, опустилась, помертвела...
И, присмирив, зубами скрежеща,
Языческие боги отступают.
От ярости бессильной трепеща,
Они с Олимпа кубарем слетают.

Так кончилась великая война.
Она святых порядком измотала,
И снова долгожданная настала
В небесном Шарантоне тишина.
А смертные глядят на небо бодро
И говорят друг другу: «Нынче вёдро».

ЭПИЛОГ

Конец мира и конец поэмы.

Я сердцем чист, душа моя правдива,
О братие! Лишь то я описал,
Что Дух святой мне лично рассказал;
Он нрав богов обрисовал на диво.
Прощай, святых блаженная семья!
Вас рассадил по райским кущам я
И в дольний мир опять спешу, счастливый.

Что ж вижу я? О горе, о позор!
О Суламифь, дочь набожная Рима,
Французами когда-то столь любима,
В опале ты, и с некоторых пор
Грустит Сион. . . Тебе наперекор
Соперниц возрастают домоганья.
Внезапно воротившись из изгнания,
Они за храмом воздвигают храм.
Кошунственный курится фимиам
На алтарях, воздвигнутых ехидно
В твоих церквах — ты приютила их!
Увы, уже на улицах не видно
Крестов твоих, хоругвей дорогих
И певчих, разукрашенных цветами,
Чьих голосов далеко слышен звук,

И машущих кадилницами рук,
И ларчиков серебряных с мощами.
Разбили медь твоих колоколов,
Столь звучную, столь громкую доселе,
Разбили тамбурины и свирели,
Торжественный уже не слышен зов...

Приблизилось предсказанное время,
День светопреставленья наступил.
Дало ростки антихристово семя,
Всех праведных нечистый совратил.
Чтоб нравиться французскому народу,
Лукавый дух использовал Свободу,
Ее обличье принял Вельзевул,
И глас ее присвоить он дерзнул.
И вот Европа сбросила оковы...
Врат монастырских падают засовы,
Невесты непорочные Христовы
Земных мужей внезапно обрели,
Небесному супругу предпочли.
Вот алтаря преступнейший служитель
Решается, покинувши обитель,
Греховной страстью к женщине влеком,
Стать гражданином, мужем и отцом...
Страдалице, которую безбожно
Тиранил муж придиричивый и злой,
Расторгнуть узы тягостные можно,
Разрешено в союз вступить другой...

Но трепещи, о грешный род людской,
Час наступил, Адамов род ничтожный!
Погибнешь ты: обилием грехов
Наполнена вся чаша до краев.

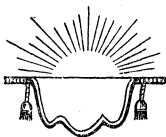
Покарано нечестие людское...
Как стихло все! Спокойствие какое
Царит везде! Но вот среди могил
В свою трубу архангел вострубил.
Вселенную те звуки потрясают,
И мертвецы немедля воскресают.
«Воспряньте же!» Услышав сей призыв,
В могилах от испуга подскочив,
От саванов освободившись тесных,
Свои зеницы тусклые раскрыв,
Встают они при звуках тех чудесных.
Но кое-кто, заснув мертвецким сном
Иль угадав свой приговор грядущий,
Не слышит зова... Захрапели
пуше.

Их растолкав безжалостно мечом,
Архангел им кричит без церемоний:
«Пора вставать! Эй вы, лентяи, сони!»

Вот Судия; нельзя его узреть
Без ужаса. Гремят громов раскаты,
И полосует молния, как плеть,
Все небо от восхода до заката.
«Иль решено с лица земли стереть
Нас за грехи?» Напрасное желанье!
Воскреснуть можно — сказано в Писанье,
Но не дано вторично умереть.
И снова стонут грешники, взывая:
«Открой нам недра, мать-земля сырая!
Обрушьтеесь, Альпы, Этна, нас разя,
Нас раздави, Везувий!» Нет, нельзя
Отделаться простою нахлобучкой,
На темя нахлобучив пару гор!

И только я, который слепо верил,
На небеса за это вознесен.
И вот, Эдем окинув робким взглядом,
Вхожу, сажусь с Элеонорой рядом
Средь ангелов, блаженных и святынь,
И вижу, как геенна поглощает
Тех, кто Христа заветы извращает,
Насмешками всех набожных смущает,
Сестер моих лукаво обольщает,
Стихи мои бранит и запрещает...
In saecula saeculorum.*

* На веки вечные (лат.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВАРИАНТЫ

(из первого издания 1799 г.¹)

Песнь I, стр. 5

В первых трех изданиях поэмы (1799) нет обращения «О братие!» и упоминания о священном писании (Евангелии). Поэма начиналась так:

Однажды я в своей каморке тесной,
Задумавшись, готовился ко сну.
Царила ночь.

Песнь III, стр. 40—41

* Мир перед ним внезапно завертелся,
В очах его мелькнули искры вдруг;
Он на ногах огромных зашатался,
Оружье чуть не выпало из рук...
Такой удар ему впервой достался,
От злобы он и гнева задыхался.
Пробормотав: «Ты предо мной — комар!»,
Ударом он ответил на удар
Нахального язычника... Подмога
К Самсону, наконец, пришла от бога:
Хоть палица Алкида и была
Усажена гвоздями, тяжела, —
Пред челюстью она не устояла,
Внезапно разлетелась на куски,

¹ Звездочкой отмечены предшествующие и последующие стихи текста последнего прижизненного издания 1814 г.

- Чем Геркулес был удивлен немало.
 Теперь его оружие — кулаки...
 Но, радости Самсона вопреки,
 В лицо ему противник запускает
 * Обломок, остававшийся в руках...

Стр. 44

- * Чем здесь, в раю, бездельничать, скучая,
 Такая роль нам не к лицу... Айда!
 Нас называют «слабой половиной»,
 Но это же неправда, что мужчина,
 Имея дело с женщиной, всегда
 Одерживает верх... Докажем делом,
 Что мнение такое устарело.
 * Кто мне поможет в замысле лихом?

Стр. 47

- * Он произнес при этом два-три слова
 (Заклятие, наверно) и тотчас
 То место выросло... Во сколько раз?
 Ей выгоднее было б, чтоб поболее;
 Но Феб, ее коварством недоволен,
 Расщедриться не захотел... И вот
 Вопрос она невольно задает
 Себе самой, смущенья не тая:
 * «Кто — женщина или мужчина я?»

Песнь V, стр. 70

- * Красоточки; бояться их не надо». —
 «Как снег белы их стройные тела...
 Увидев их, забудешь все дела!
 Не правда ль, сложены они на диво?
 Как лядвия округлены красиво!
 А перси-то! Упругие, видать.
 На каждой — словно ягодка малины...
 Прелестнее не может быть картины!
 А бедра! Так и манит их ласкать!»
 «Скорей, мой друг, свои глаза руками

- Из осторожности прикрыть изволь!»
* «Какие кудри! Черные как смоль,

Стр. 84

- * Эпитимью за них я налагаю:
Со мной разок ты согрешить должна». —
Аглору наземь — не могу солгать я —
Толкнуть спешит (непрочь упасть она),
Освободив ее красы от платья,
Он заключает их в свои объятия...
* Но чу — набат!

Стр. 85

- * Напутствие последнее прими!»
Тут прочие святые подоспели,
Всяк под руку с вакханкою, смеясь.
«А мы свершить все таинства успели!» —
Аглора заявляет им, гордясь.
«Мы тоже!» — отвечают ей подруги.
Веселые отступники-пьянчуги
* Шатаются и чепуху плетут.

Песнь VI, стр. 95

- * Увидишь — ни к чему твоя работа». —
Был, на беду, разложен там костер,
Пылали ветви тамариска рядом.
Взор Геркулеса меток и остер,
Он головню хватает... Искры — градом!
Со всех сторон кричат Самсону: «Эй!
Власы спасай! Беги, беги скорей!»
Но, яростно толкая стену задом,
Опасности не видит иудей.
* С той головней приятно ли столкнуться?

Стр. 102

- * Архангел руку с умыслом держал
Известно где (вы снова улыбнулись?)

Что ж далее? Колени подогнулись
 Дианы; равновесье потерял
 За нею вслед архангел. Да, не скрою:
 На небе подражают нам порою.
 Ни слова не промолвил наш герой,
 Как и она. Что вызвало молчанье —
 Страх, или осторожность? На прощанье
 Кивнули только оба головой.

Песнь IX, стр. 151—152

- * Хоть близко — недоступно нам оно:
 Препятствуют ему решетки прутья,
 Хотя рука, пробравшись порой
 Меж них (мешать не думаю ничуть я),
 Касается и не груди одной.
 Я не противлюсь... Нынче, безутешно.
- * Оплакивая горькую судьбу,

Стр. 153

- * Глаза зажмурят или отвернутся:
 Под власяницу дерзкая рука
 Крадется... И — вот грудь белее снега,
 Что соблазнила б даже новичка,
 Обнажена, волнуемая негой:
- * Ведь женщина в расцвете красоты

Песнь X, стр. 160

- * Господь поможет в пух и прах разбить.
 Смелей вперед!» Но тут его сражает
 Второй перун (хоть метили в вождя).
 Вонзился в глаз он на манер гвоздя
- * И Рафаила зрения лишает.

Стр. 167—168

- * Кошунственную руку он простер
 И выругался. — «Эй ты там, молодка!
 Не голубок застал тебя врасплох,
 А ястреб; но и он, поверь, неплох.

Теперь моя по праву ты, красотка!»
* Бледнея, сходит с трона Бог-отец.

Эпиллог, стр. 171—172

* Наполнена вся чаша до краев.
Покараны нечестье и пороки.
Кто заселит — скажите, о пророки!
Пустую землю? Вот среди могил
* В свою трубу архангел вострубил.

Стр. 174

Вместо:

Вхожу, сажусь с Элеонорой рядом

в первых изданиях:

Вхожу, сажусь я с Женевьевой рядом.

Е. Г. ЭТКИНД

ПОЭЗИЯ ЭВАРИСТА ПАРНИ

Друзья, найду ли в наши дни
Перо, достойное Парни?

А. Пушкин

1

Эварист Парни не принадлежит к числу тех великих поэтов, которых называют «вечными спутниками» человечества: имени его никто не произнесет в одном ряду с именами Данте, Гете, Гейне, Шекспира, Байрона, Гюго, Пушкина, Мицкевича; читателем, не изучавшим специально историю литературы, оно в сущности почти забыто. В этом забвении сказывается столь часто встречающаяся историческая несправедливость. Тем более, что забыто имя Парни, а не его поэзия — в особенности в России. Кто же не помнит прекрасных стихов юноши Пушкина «Добрый совет» (около 1818), проникнутых радостным приятием жизни, легким изяществом и светлой печалью:

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнь играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветренная младость
Потонет в неге и вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отыдем
Все, что отыметса у ней.

Многие ли знают, что это перевод из Парни? Заключительное афористическое двустипшие передано Пуш-

киным с редкой точностью, воспроизводящей даже столь важный здесь повтор глагола. У Парни:

Et dérobons à la vieillesse
Tout ce qu'on peut lui dérober.

(«И отнимем у старости | Все, что можно у нее отнять»). Конечно, Пушкин вложил в эти стихи и свое, пушкинское. Парни, сочинивший свою элегию в семидесятих годах XVIII века, пожалуй, не мог бы и помыслить написать что-нибудь вроде: «Когда же юность легким дымом | Умчит веселья юных дней...». Его строки рациональнее, условнее, традиционнее: «Un jour il faudra nous courber | Sous la main du temps qui nous presse» («Когда-нибудь придется нам согнуться под гнетущей десницей времени»). И все же «Добрый совет» — перевод, и даже перевод, близкий к оригиналу.¹

Можно ли забыть, что Парни был в течение нескольких лет первым иностранным поэтом для нашего первого поэта? Позже его обаяние для Пушкина померкло — вернее, Пушкин, не отказавшись от своего пристрастия к Парни, увлекся Вольтером, Андре Шенье, Байроном, Данте. Но Парни по-прежнему жил в пушкинском сознании, ему мы обязаны и «Платонизмом» (1819), и — в известной степени — «Гавриилиадой» (1822), некоторые строки которой представляют собой перевод из «Войны богов», и «Прозерпиной» (1824). Парни оставался для Пушкина своеобразным мериллом элегической поэзии. «Каков Баратынский? — писал Пушкин П. Вяземскому 2 января 1822 года. — Признаюсь, он превзойдет и Парни и Батюшкова». Самого же Батюшкова Пушкин перифрастически именовал «Парни российский». В поэме «Тень Фонвизина» ее герой, вернувшийся «с того света» на землю и разочаровавшийся в столь знаменитых прежде поэтах, как Державин и

¹ Анализ этого перевода Пушкина см. в статье А. В. Федорова «Приемы и задачи художественного перевода» (в кн.: К. Чуковский, А. Федоров. Искусство перевода. «Academia», Л., 1930, стр. 167—168).

Ломоносов, видит в шалаше поэта, который «с венчанной розами главой» и «подрумяненный фиалом» возлежит на ложе «с прелестной Лилою». Фонвизин

... смотрит изумленный.

«Знакомый вид; но кто же он?

Уж не Парни ли несравненный,

Иль Клейст? иль сам Анакреон?»

— «Он стоит их, — сказал Меркурий. —

Эрата, грации, амуры

Венчали миртами его,

И Феб цевницею златою

Почтил любимца своего...»

Это — Батюшков, предающийся блаженной лени. Парни, как видим, для Фонвизина, а значит и для Пушкина — «несравненный» и поставлен в один ряд с Анакреоном. Характеристика, данная Меркурием русскому поэту Батюшкову, относится и к француззу Парни, чье имя стало для Пушкина устойчивым символом «легкой поэзии».²

Впрочем, дело сложнее. Во-первых, творчество Парни не сводится к понятию «легкая поэзия». Во-вторых, само это понятие не так уже просто — оно весьма далеко от бездумного изящества. Термин «легкая поэзия» введен у нас К. Батюшковым в его «Речи о влиянии легкой поэзии на язык»,³ произнесенной в 1816 году при избрании Батюшкова членом Общества любителей российской словесности. «Легкую поэзию» Батюшков — вслед за французами (ср. «Альманах муз» Клода

² О многочисленных цитатах из Парни в «Евгении Онегине» см. содержательную статью: R.-D. Keil. Parny-Anklänge im «Evgenij Onegin». Festschrift für Margarete Woltner, herausgegeben von Peter Brang, Universitätsverlag, Heidelberg, 1967. — По мнению автора, отклики из Парни содержатся в следующих главах (римская цифра) и строфах (арабская): I 2, 5, 11, 12, 16, 25, 31, 34, 35, 38, 44, 45, 55, 58; II 1, 2, 9, 15, 18, 20, 21, 22, 29, 34, 35, 40; III 9, 10, 11, 12, 13, 25, 27, 28, 29; VII 55; в Посвящении.

³ К. Н. Батюшков, Соч. в трех томах под ред. Л. Н. Майкова, т. II. СПб., 1885, стр. 239 сл.

Лора) — противопоставляет поэзии «важной», к которой относятся произведения высокого стиля — эпопея и трагедия; однако наряду с Гомером, Эсхилом, Софоклом и Еврипидом древние греки высоко чтили Мосха, Феокрита, Анакреона и Сафо, а римляне рядом с Вергилием и Горацием ставили Катулла, Тибулла, Проперция. К «легкой поэзии» Батюшков относит, пользуясь словом Эвариста Парни, поэзию «эротическую», любовную, говорящую «языком страсти и любви, любимейшим языком муз»,⁴ — это и ода, и послание, и элегия, и басня, и сказка в стихах. «Поэзия и в малых родах есть искусство трудное и требующее всей жизни и всех усилий душевных...»⁵ То, что в начале XIX века называли «легкой поэзией», мы называем теперь лирикой и сатирой. Парни для Батюшкова и Пушкина был образцом лирической и сатирической поэзии.

2

Творчество Эвариста Парни составляет гордость литературы его родины, острова Реюньон (до 1793 г. — о. Бурбон), и в то же время Франции. Он жил в самую бурную пору французской истории: на его глазах выходили тома Энциклопедии Дидро—Даламбера, разыгрывался драматический поединок Вольтера с католической церковью, ставились — вопреки сопротивлению уже обреченного короля — смертоносные для монархического режима комедии Бомарше, появлялись романы и трактаты Руссо; на его глазах пала Бастилия, а потом и скатилась с эшафота голова Людовика XVI, родилась французская Республика, сменившаяся режимом Консульства, а затем наполеоновской Империи; на его глазах шли многочисленные войны — сперва против наступавших на революционную Францию союзных войск, позднее — против всех государств Европы, сопротивлявшихся императору, — от Испании до России; он был свидетелем того, как Франция одерживала одну за

⁴ Там же, стр. 240.

⁵ Там же, стр. 241.

другой баснословные победы над Австрией, Пруссией, Англией, а потом потерпела сокрушительное поражение. Парни пережил расцвет Империи и ее падение, — он умер в Париже 5 декабря 1814 года, в дни вступления во французскую столицу войск антинаполеоновской коалиции; в то время Наполеон был сослан на Эльбу и готовился к возвращению — Парни нескольких месяцев не дождался до Ста дней.

Парни не был эпическим поэтом, он не писал стихов о революции или империи; по его творчеству восстановить историю эпохи нельзя. Все же он был сыном своего времени, и поэзия Парни раскрывает внимательному читателю характер человека, каким он сложился в конце XVIII и начале XIX века. Написано о Парни мало, его творческий путь почти не изучен. Между тем жизнь и деятельность этого соратника и последователя Вольтера заслуживает серьезного внимания. Он был первым лирическим поэтом Франции после классицизма, принципиально чуждого лирике. Он был истинным поэтом-просветителем, соединившим в многочисленных стихах и поэмах высокую элегию своих римских учителей, Тибулла и Проперция, с революционным рационализмом своих старших современников, прежде всего таких, как Вольтер и Руссо. Именно он поднял до уровня подлинного искусства «легкую поэзию», измельчавшую в стихах поэтов «взбитых сливок» — Эмбера, Гюдена, Дора, Колардо и выродившуюся в эпикурейские миниатюры рококо. «Французская обмелевшая словесность» — писал Пушкин в плане статьи «О ничтожестве литературы русской» (1834), называя бесчисленных мелких поэтов французского рококо — «бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корней дубов».¹ Однако зрелый Пушкин скептически высказывался не только об этих «грибах», но и о поэтическом наследии XVIII столетия в целом: «Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов,

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VII. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 701.

а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная...». И дальше: «Следы великого века (как называли французы век Людовика XIV) исчезают. Истощенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия; роман делается скучною проповедью или галереей соблазнительных картин».² Эта характеристика точна, но именно Парни был тем стихотворцем своего времени, кто с философией XVIII века соединил поэзию, кто успешно противостоял превращению поэтического искусства «в мелочные игрушки остроумия». Известно, что в истории литературы идет постоянное взаимодействие между тем, что Ю. Н. Тынянов называл «старшей» и «младшей» линиями:³ так, в творчестве Блока возвысился до настоящей поэзии жанр цыганского романа, а, скажем, у Бальзака или Достоевского приобрели черты высокого искусства жанры готического или уголовного романов. В творчестве Парни «младшая линия» поэзии XVIII века — линия мадригалов и героид, фривольных стихотворных сказок и повестей — оказалась возведенной в ранг «старшей» лирической поэзии. «Вместо рассудочного объективизма и прозаического скептицизма, торжествовавших в поэзии XVIII века, — писал один из лучших советских знатоков литературы того времени Б. В. Томашевский, — элегия Парни раскрывала душу любящего и страдающего человека; она внесла в лирику субъективные переживания поэта, показала путь к тому индивидуализму, который в основном определил развитие литературы XIX века и в первую очередь ознаменовал творчество Байрона».⁴

² Там же, стр. 312—313.

³ Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 23 сл. — Ср. также статью «Поэтика» В. В. Иванова в Краткой литературной энциклопедии (т. 5, М., 1968, стлб. 940).

⁴ Б. В. Томашевский. Пушкин и французская литература. «Литературное наследство», 31—32, М., 1937. Цит. по кн.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Изд. «Советский писатель», Л., 1960, стр. 146.

Жизнь Парни представляет существенный интерес для историка литературы, да и для историка общественных отношений и общественной мысли. В ней скрестились многие линии стремительного и легендарного времени. О Парни можно было бы повторить слова Тютчева, написанные в год другой французской революции, в 1830 году: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые. Его призвали всеблагие как собеседника на пир...».

Виконт Эварист-Дезире Дефорж де Парни родился 6 февраля 1753 года в городе Сен-Поль на острове Бурбон (в 1793 году распоряжением Конвента переименованном в о. Реюньон), в Индийском океане, восточнее Мадагаскара. Детство Парни прошло среди роскошно-экзотической природы, в условиях колониального режима; позднее — одним из первых в литературе — он написал проникновенные страницы, исполненные сочувствия к угнетенным неграм, своим отверженным землякам. В девять лет он был привезен в метрополию и отдан отцом в ораторианский коллеж в Ренне, где обучение носило еще вполне средневековый характер. «Держа в руках ферулу, мастера плетения словес (*des enfilerurs de mots*) учили нас говорить, но не учили думать», — писал Парни впоследствии, в 1777 году, в стихотворном послании «Письмо IV», адресованном одному из своих однокашников.¹ Увлечшись религией, Парни поступил в католическую семинарию Сен-Фермена и, как сообщает его биограф Тиссо, собирался стать монахом ордена траппистов, который отличается особо суровым уставом. Впрочем, религиозность его развеялась довольно скоро под влиянием Библии, чтение которой отнюдь не укрепило в нем благочестия, а также комментариев к ней, принадлежащих перу французских просветителей, — с их творчеством он, видимо, теперь и начал знакомиться. Парни пошел не в монахи, а в военные (его стихи, публиковавшиеся в «Альманахе муз» с 1781 по 1785 год, подписаны: «Парни, драгунский капитан»).

¹ *Ceuvres choisies de Parny*. Paris, 1826, p. 468.

Молодые офицеры пользовались почти неограниченным досугом и, отдавая дань времени, пиروвали и, велочась за красотками, изощрялись в остроумии и стихоплетстве. В 1770—1773 гг. Парни и его земляк, поэт Антуан Бертен (1752—1790) — подобно Парни он был креолом — основали веселый «Орден Казармы», члены которого встречались за пиршественным столом чаще всего вблизи местечка Фейанкур (между Сен-Жерменом и Версалем), где род Парни владел небольшим имением. Исследователь французской элегии Анри Потез, описывая праздничную атмосферу этих сборищ офицеров-эпикурейцев, остроумно заметил: «Казарма была своеобразным Телемским аббатством, где церемониймейстером мог бы быть Ватто».²

В мае 1773 года Парни по требованию отца вернулся на о. Бурбон и провел там более трех лет. По-видимому, этот эпизод имел решающее значение для его жизни и мировоззрения. Двадцатилетний офицер и поэт увидел на колониальной земле то, о чем прежде, в детстве, он и догадываться не мог. В письме к Антуану Бертену (его отец несколько лет, с 1763 до 1767 года, был губернатором острова — эта деталь усиливает общественную значимость цитируемой переписки) Парни в январе 1775 года рассказывал: «Детство этой колонии было подобно золотому веку: удивительные черепахи покрывали поверхность острова; дичь сама подставляла себя под ружье охотника; набожность заменяла закон. Общение с европейцами погубило все: креол развратился незаметно для самого себя; вместо простых и добродетельных нравов появились нравы цивилизованные и порочные; корысть разъединила семьи; крючкотворство стало необходимостью; шабук разодрал в клочья тело несчастного негра; алчность породила мошенничество; и вот мы теперь вернулись к медному веку».³ Все, что дальше пишет Парни о судьбе тузем-

² H. Potez. *L'élegie en France avant le romantisme (de Parny à Lamartine)*. Paris, 1898, p. 94.

³ P a r n y, op. cit., p. 467. — Шабук — зверское избиение, которому подвергнулся провинившийся негр; его

ного населения, говорит о том, что этот офицер-эпикурец, любимец Вакха и Венеры, не только читал «Общественный договор» Руссо, но и глубоко задумывался над социально-политическими проблемами, над путями развития общества: «Нет, мне не может быть хорошо в краю, где взоры мои созерцают лишь картину рабства, где удары бичей и звон кандалов оглушают мой слух и гремят в моем сердце». Прервем здесь цитату, чтобы заметить, что, по мнению видного пушкиниста П. Морозова, эти строки Парни отозвались в стихотворении Пушкина «Деревня» (1819):

Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство гощее влачится по браздам
Неумолимого владельца. . .

П. Морозов аргументирует свое соображение, в частности, словом «бичи», взятым, как он считает, из письма Парни: русские помещики бичей не употребляли, — они секли крестьян розгами.⁴ Может быть, эта параллель и покажется несколько натянутой — во всяком случае она справедливо указывает на сходную политическую настроенность Парни и Пушкина, для которого в 1819 году Парни был любимым иностранным поэтом.

Вернемся к письму Парни. Он продолжает: «Я зрю лишь тиранов и рабов, и не зрю себе подобных. Что ни день, человека обменивают на лошадь; не могу привыкнуть к столь возмутительной дикости. Надо признаться, что с неграми здесь обращаются лучше, нежели в других наших колониях: они одеты, у них здоровая и обильная пища; но они держат в руках кирку с четырех утра до захода солнца; но хозяин, осмотрев их труд, твердит каждый вечер: „Эги негодяи не работают“; но они — рабы, друг мой: мысль об этом не может не отравить маис, который они едят и который смочен их потом. Их родина — за двести лье; им ка-

полосовали плетью из бычачьей жилы, иногда забивая до смерти.

⁴ П. Морозов. Пушкин и Парни. В кн.: А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., Изд. Брокгауза—Ефрона, т. 1, СПб., 1907, стр. 390.

жется, что до них доносится оттуда пенье петухов и что они видят дымки трубок, которые курят их земляки. Иногда они сговариваются по двенадцать-пятнадцать человек, похищают пирогу и отдаются на произвол океанских волн. Почти всякий раз они теряют на этом жизнь — но какая это малость, когда потеряна свобода! Все же некоторым удалось добраться до Мадагаскара; однако земляки их всех истребили, говоря, что они вернулись от белых и что все они стали чересчур умными. Несчастные! Вы должны были бы сделать другое — изгнать белых с ваших мирных земель. Но уже поздно: вместе с нашими пиастрами вы взяли у нас наши пороки! Теперь эти люди продают своих детей за ружье или за несколько бутылок водки».⁵

Такая обширная выписка из письма Парни казалась нам необходимой: сам автор неизменно — с 1782 года — включал это письмо во все собрания своих сочинений, завершая им даже сборники элегий. Между тем французские критики и историки литературы обычно его игнорируют: даже упомянутый выше Анри Потез проходит мимо этого важнейшего документа: он помешал бы его концепции Парни — элегического поэта. А ведь теперь, когда стала ясной тирано-борческая, революционная настроенность Парни, нас уже не удивит, что, оказавшись снова во Франции, он сразу же, в 1777 году, сочинил и пустил по рукам стихотворное «Послание к бостонским мятежникам» («Une Epître aux Insurgents de Boston»); первый биограф Парни, Тиссо, замечает, что «оно принесло бы ему честь оказаться в стенах Бастилии, если бы власти заподозрили в нем автора».⁶ В этом «Послании» Парни с иронией обращается к американским повстанцам — «господам из Бостона», которые почему-то, живя в наш век, осмеливаются нарушать всемирную гармонию и «делают вид, что они — люди». Далее цитирую отрывки из этого послания в подстрочном переводе:

⁵ P a r n y, op. cit., pp. 463—464.

⁶ Œuvres inédites d'Evariste Parny précédées d'une notice sur sa vie et ses ouvrages par M. P.-F. Tissot. Bruxelles, 1827, p. VIII.

«Говорят, что вы не раз отказывались читать любовные записки, которые вам изволил адресовать Георг III. Вот и видно, бедные мои друзья, что вы никогда не учились европейской учтивости и что из воздуха Парижа вы не впитали той христианской терпимости, цену которой вы не знаете... Прошу вас, давайте порассуждаем! Почему же вы имеете большее право, чем мы, на благословенную свободу, к которой вы так стремитесь? Безжалостная тирания господствует повсюду в покорном мире, — под разными именами это чудовище раздавило поработленную Европу; а вы, несправедливый и мятежный народ, не знающий ни папы, ни королей, ни королей, вы не хотите плясать под звон цепей, отягощающих людской род? Нарушая прекрасное равновесие, царящее во вселенной, вы имели бы дерзость вкушать свободу под носом у всего мира?». Стихотворение кончается не менее ироническим обращением к англичанам: «Европа взывает к мести: к оружию, герои Альбиона! В Бостоне воскресает Рим; задашите его в младенчестве. Разбейте колыбель рождающейся Свободы, внушающей такой страх: пусть она умрет, и пусть имя ее, которого почти и не слышали наши внуки, станет для них пустым звуком, да и само ее существование — сомнительным».⁷

Так откликнулся начинающий Парни на американскую революцию; к тому, чтобы с такой страстью поддержать ее, он был подготовлен и вольнолюбивым «Орденом Казармы», и наблюдениями над жизнью французской колонии в Тихом океане. Через десять лет, в самый канун революции, возвратясь во Францию после второй поездки на о. Бурбон, Парни, уже прославившийся поэт, опубликовал цикл «Мадагаскарских песен» (1787), в которых еще раз отозвался на судьбу несчастных негров, поработанных французами. В небольшом «Предуведомлении» он сообщал читателю: «Остров Мадагаскар разделен на бесчисленное множество маленьких государств, которыми управляют столь же бесчисленные царьки. Все эти царьки всегда воюют друг с другом, и цель этих войн — пленные, которых

⁷ Œuvres choisies de Parny, pp. 321—323.

продают европейцам. Так что без нас этот народ жил бы тихо и счастливо. В нем соединяются уместность и ум. Он добр и гостеприимен».⁸

Парни говорит о патриархальных нравах туземцев, любящих музыку и пляски, и заканчивает: «Я собрал и перевел несколько песен, которые могут дать представление о их обычаях и нравах. Стихов у них нет; их поэзия — это изящная проза; их напевы просты, нежны и всегда печальны».⁹ Трудно сказать, действительно ли Парни «собрал и перевел» песни мадагаскарских негров — может быть, это умелая мистификация, осуществленная по примеру шотландского учителя Джеймса Макферсона, который незадолго до того, в 1762 году, опубликовал столь любимые Парни эпические поэмы Оссиана, — как раз в 1775 году Сэмюэль Джонсон выразил сомнение в подлинности Оссиановых оригиналов и была создана комиссия по проверке текстов Макферсона. Так что если Парни и решился на подделку, то у него был уже знаменитый предшественник. Но, видимо, Парни не слишком смущался вопросом о подлинности Оссиана: он написал в подражание ему поэму «Иснель и Аслега» в 1802 году, когда спор о подделке был в полном разгаре. Парни увлекался и своеобразием нравов первобытного народа; в этом смысле он включался в общее движение предромантизма, ведшего борьбу с классицистической абстрактностью и, так сказать, греко- и латиноцентризмом; кроме того, Парни пользовался возможностью приобщить французского читателя к судьбе угнетенных негров, о которых он с таким проникновенным состраданием рассказывал в письме к Бертену. Здесь, в «Мадагаскарских песнях», важнейшие положения этого письма получали живое подтверждение. Так, в песне V говорится:

«Остерегайтесь белых, обитатели побережья!
Во времена наших отцов белые высадились на
этом острове; им сказали: вот земли; пусть ваши

⁸ Ibid., p. 429.

⁹ Ibid., p. 430.

женщины воздвигают их. Будьте справедливы, будьте добры и будьте нам братьями.

Белые обещали, а между тем стали сооружать укрепления. Поднялся угрожающий форт; медные рты затаили гром; их священники захотели дать нам бога, которого мы не знали; наконец, они заговорили о покорности и рабстве: лучше смерть! Резня была долгой и страшной; но, хотя они и изрыгали молнию, уничтожавшую целые дружины, все они были истреблены. Остерегайтесь белых.

Мы видели, как новые тираны, более сильные и более многочисленные, водрузили знамя свое на побережье: за нас сражалось небо; оно обрушило на них дожди, бури и ядовитые ветры. Их более нет, а мы живем, и живем свободными. Остерегайтесь белых, жители побережья!»

Парни, таким образом, продолжал вести бой в защиту негров, теперь выступая от их имени, заставляя читателя заглянуть в душу тех людей, которых французские колонизаторы за людей не считали. «Мадагаскарские песни» полны истинного гуманизма. Это можно сказать не только о бунтарских песнях — вроде приведенной пятой, но и о тех, где от лица негров поется о любви, радостях или горе столь чуждого европейцам африканского племени. В русской литературе особую известность приобрела песня VIII — благодаря переводу К. Батюшкова, исполненному в стихах (1811). Это — монолог царя, обращенный к его женам:

... Приблизьтесь, жены, и руками
Сплетая дружно в легкий круг,
Протяжно, тихими словами
Царя возвеселите слух!

Да тихи, медленны и страстны
Телодвиженья будут вновь.
Да всюду с чувствами согласны
Являют негу и любовь.

Но ветр весенний повсвает,
Уж светлый месяц над рекой.
И нас у кущи ожидает
Постель из аистьев и покой.

«Мадагаскарские песни» были созданы уже знаменитым поэтом.¹⁰ Слава пришла к Парни очень скоро, почти сразу после опубликования им анонимного «Послания к бостонским мятежникам». В 1778 году он издал на о. Бурбон «Любовные стихотворения» (*Poésies érotiques, par M. le Chevalier de Parny*), которые приобрели широкую известность во Франции, доставив их автору имя первого лирического поэта.

«Любовные стихотворения» посвящены возлюбленной поэта, носящей условное имя Элеонора. Ее прообразом была юная «белокурая креолка» Эстер Труссаль, которую Парни обучал музыке в 1775 году на о. Бурбон и жениться на которой ему помешала семья, не желавшая потворствовать столь неравному браку — Эстер не была дворянкой. В 1777 году Эстер вышла замуж за врача, некоего Канарделя, и, кажется, забыла о страстном воздыхателе. Тогда-то, в 1778 году, Парни и напечатал свои стихотворения о любви — первые три книги «Элегий»; четвертую, самую известную, он присоединил к сборнику в 1781 году. В первом издании, кроме Элеоноры, фигурировали еще две девы, Эвфросиния и Аглая, с которыми поэт утешался после любовных неудач. В издании 1781 года их обеих нет, — осталась одна Элеонора. Парни, видимо, уступил вкусам сентиментальной публики. Он и вообще шел постепенно ей навстречу. Так, в позднейших изданиях исчезло упоминание возраста возлюбленной — поначалу ей было... тринадцать лет. В позднейших изданиях стихотворение «Ложный страх» лишилось своей первоначально весьма откровенной мотивировки:

Помнишь ли, мой друг бесценный,
Как с амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,

¹⁰ См. первый их русский перевод, исполненный П. А. Пельским и опубликованный в его кн.: «Мое кое-что» (М., 1803). Сопоставление перевода К. Батюшкова «Источник» с оригиналом, «мадагаскарской песней» Парни «Le torrent» — в содержательной статье В. Н. Топорова (в кн.: Семиотика. Труды по знаковым системам, т. 4, Изд. Тартуск. унив., 1969).

Я к тебе прокрался в дом?

Слышен шум! — ты испугалась!
Свет блеснул и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный час!

(Перевод К. Батюшкова, 1810)

До издания 1781 года включительно испуг объяснен тем, что под резвыми любовниками подломилась и рухнула кровать. В 1808 году, в условиях чопорной и добродетельной Империи, Парни не мог себе позволить того, что проходило вполне естественно в легкомысленную эпоху рококо, при ветреном Людовике XVI.

«Любовные стихотворения» — это не отдельные, как бывало часто до того, без плана следующие друг за другом вещи; это сборник, в котором элегии разбиты на четыре книги, развивающие единый сюжет — как бы роман в 47 элегиях. В первой книге повествуется о рождении пылкой страсти; во второй — о мнимой измене возлюбленной: после выяснения ошибки наступает примирение; в третьей — о возвращении к страстной любви, более зрелой и глубокой; в четвертой — об окончательном разрыве, об отчаянии покинутого поэта. Парни с изящным искусством анализирует свои переживания — первоначальную легкую и веселую влюбленность, мрачно-ревнивые подозрения, оттенки чувств — иногда нежных, иногда чуть ли не жестоких. Парни с пристальностью рассматривает чувства влюбленного и, не утрачивая непосредственности, умеет показать их сложную противоречивость, их диалектический характер, соединение непроизвольного с намеренным:

Она придет! К ее устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страсти я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье;
Мы ими счастью вредим
И сокращаем наслажденье.

(Из книги III.

Перевод Е. Баратынского, 1825)

Особенно содержательны и глубоки элегии IV книги, в которых Парни достигает небывалой во французской поэзии сосредоточенности чувства, драматической напряженности переживания. Такова элегия XI — размышление о течении времени, о надежде и счастье:

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит! . . .
. . . Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
В самом несчастье сердцу вянет! . . .

(Перевод К. Батюшкова, 1804)

Парни — первый поэт XVIII века, стихи которого были не абстрактно-обобщенным безличным набором традиционно-элегических формул, но непосредственно-лирическим выражением чувств единственной в своих переживаниях человеческой личности. Характерна в этом смысле и сохранившаяся в памяти мемуаристов и современников-биографов реальная подоснова этих элегий: стихи Парни отличаются столь неподдельной подлинностью, что читателя неудержимо влечет узнать — кто же она, эта Элеонора? Кем она стала? Почему бросила своего преданного возлюбленного? Роман Парни и Эстер, конечно, в духе эпохи — любовь между учителем музыки и его ученицей повторяет ситуацию Жюли и Сен-Пре в «Новой Элоизе» Жан-Жака Руссо, только у Руссо дворянкой была она, Жюли, а плебеем — учитель, здесь — наоборот. Можно сказать, что элегии Парни — лирический роман, в стихах повторивший «Новую Элоизу», но отличающийся большей подлинностью и непосредственностью чувств, а также крутым переходом от фривольно-жизнерадостных стихов книги I к трагическим элегиям книги IV — такова, например, элегия IX, переведенная К. Батюшковым под названием «Мщение» (1816) и содержащая строки:

Ты будешь с ужасом о клятвах вспоминать;
При имени моем бледнея,
Невольно трепетать.

Не удивительно, что современники с восторгом встретили это возрождение лирической поэзии. Известный критик Эли-Катрин Фрерон в основанном им журнале «Литературный год» («L'Année littéraire») приветствовал Парни — поэта, «чей вкус формировался на основе вкуса античных авторов» и который «почти неизменно черпает свои образы в собственном сердце»; Фрерон противопоставляет Парни мелким рифмоплетам, воспевающим эротику. Критик, поэт, историк литературы (в частности, итальянской) Пьер-Луи Женгенэ опубликовал стихотворное «Послание к Парни» («Épître à Parry», 1790), где с иронией и презрением говорил об измельчавшем салонном искусстве, в котором «остроумие и ремесло изгнали чувство»; наступило время, когда великий бог поэзии стал «будуарным Аполлоном», «наши Сафо млеют от иероглифов, изготовляемых присяжными стихоплетами», а «плоские наши журналы твердят: таков придворный тон». После этой уничтожающей характеристики литературы рококо Женгенэ торжественно произносит:

Тогда явился ты — и говорить заставил
Наивную любовь, чуравшую правил,
И сердце юноши, познавшее впервой
Все муки ревности и страсти роковой.

(Перевод мой, — Е. Э.)

Эта оценка элегий Парни оказалась устойчивой: ее повторяли Гарá, Мильвуа, Мари-Жозеф Шенье («Нашей любовной поэзии делает честь г. де Парни...»)¹¹ Даже молодой Рене Шатобриан увлекался элегиями Парни. Накануне революции он встретился с ним и впоследствии в своих «Замогильных записках» так рассказал об авторе «Любовных стихотворений»:

«Я знал наизусть элегии шевалье де Парни, и до сих пор их помню. Я написал ему, прося разрешить мне увидеться с поэтом, чьи сочинения доставляли мне

¹¹ Tableau historique de l'état et des progrès de la littérature française depuis 1789, par M.-J. de Chénier. Paris, 1821, p. 24 (первое издание — 1808).

истинную радость; он учтиво ответил; я отправился к нему на рю де Клери.

Передо мной был довольно молодой человек, весьма благовоспитанный, высокий, сухощавый, со следами оспы на лице. Он нанес мне ответный визит; я представил его моим сестрам. Он не слишком любил свет, а вскоре политика и вовсе изгнала его из общества: в то время он принадлежал к старой партии. Никогда я не знал писателя, который бы так походил на свои творения: ему, поэту и креолу, нужно было немного — небо Индии, родник, пальма и женщина. Он боялся шума, стремился незаметно проскользнуть в жизни, всем жертвовал во имя своей лени, и его, погруженного в сумрак безвестности, выдавали только изредка звучащие струны лиры... Именно эта неспособность преодолеть ленивое безразличие превратила шевалье де Парни из страстно убежденного аристократа (*furieux aristocrate*) в презренного революционера (*misérable révolutionnaire*), который оскорблял преследуемую религию и священников у подножия эшафотов, любой ценой покупая себе покой, и научил свою музу, некогда воспевавшую Элеонору, жаргону тех мест, где Камилл Демулен выискивал себе недорогих любовниц.¹²

Встреча Шатобриана с Парни — факт в высшей степени знаменательный в жизни обоих писателей, ставших позднее непримиримыми идейными противниками. Именно Шатобриан создал легенду о Парни, который был якобы в лагере страстных приверженцев «старой партии», а потом из склонности к безмятежно-покойному существованию переметнулся на сторону революции, ввязался в ее кровавые дразги и стал — из корыстолюбия? — обливать грязью религию. Все это, мягко говоря, несправедливо. При внешнем легкомыслии автор «Любвных стихотворений» был человеком большой принципиальности: мы уже видели, как он в 1777 году приветствовал американских повстанцев в Бостоне, как еще до того он с наименьшей решительностью осудил

¹² R. Chateaubriand. *Mémoires d'outre-tombe*. Hachette, Paris, s. a., pp. 164—165. — Приведенная запись относится к июню 1821 года.

французские колониальные порядки, как он открыто встал на защиту истребляемых негров Мадагаскара. Мы увидим ниже, что свои просветительские убеждения он отстаивал в такие годы, когда это меньше всего могло принести ему выгоду или обеспечить безмятежный покой.

4

Революцию 1789 года Парни встретил в Париже и, видимо, сразу поддержал ее. Впрочем, до недавнего времени об этой поре его жизни было известно немного. Лишь в 1928—1930 годах Рафаэль Баркиссо опубликовал 25 писем Парни, относящихся к самым бурным годам революции. Политическая позиция Парни ясно вырисовывается, например, в письме от 10 марта 1791 года к сестре: «Мы все еще на той же точке; все еще царят смута и анархия; и вот что хуже всего: сам дьявол, как он ни хитер, не мог бы предвидеть, чем все кончится... Вы жалуетесь, что у вас дуют ветры; тот, который трясет теперь нас, не унимается вот уже два года и может быть еще долго будет бушевать... Но сдается мне, что и у вас там разыгрывается ваша маленькая революция (*voire petite révolutionnette*), а ведь вам, казалось бы, только и думать, что о кофе да доходах. Вы прогнали вашего губернатора и ловко овладели финансовой администрацией. Смелее, друзья, вы молодцы! Вам не пристало быть благоразумнее нас!»¹

Речь идет о событиях, разыгравшихся в начале 1791 года на о. Бурбон. Огромные толпы собирались перед дворцом в Сен-Луи, где на главной площади, под окнами губернатора, воздвигли виселицу; генеральный губернатор французских колониальных островов и острова Бурбон вынужден был подать в отставку. Заметим, что ровно через два года, 19 марта 1793 года, о. Бурбон будет переименован в Реюньон. Все эти события Парни недвусмысленно одобряет. Правда, якобинский

¹ «Revue d'histoire littéraire de France», t. 35, Paris, 1928, p. 569.

террор пугает его — и не без оснований: его младший брат — первый паж герцога д'Артуа, вождя «старой партии», старший — маркиз, оба они эмигранты. Парни, однако, больше, чем якобинцев, опасается вторжения во Францию иностранных войск. «Видимо, нас ожидает война с внешними врагами, к тому же нас убивают внутренние распри»,² — пишет он сестре 1 апреля 1792 года и заключает: «Один бог знает, чем это кончится». Несколько позднее: «У нас все еще политические конвульсии. Все иностранные державы ополчились на нас, чтобы нас раздавить».³ Характерно это местоимение «мы», «нас», настойчиво, постоянно повторяемое: Парни не отделяет своей судьбы от судьбы французской республики, хотя и возвращается в каждом письме к мечте: уехать бы на остров Реюньон, поступить учителем в школу, преподавать там арифметику, историю, географию и словесность, даже просто грамоту! В то же время имеются сведения и о том, что в грозном 1793 году он аристократ Парни, был вице-президентом трибунала, во главе которого стоял Фукье-Тенвиль,⁴ знаменитый общественный обвинитель, сам погибший на эшафоте в 1795 году. Может быть, этот эпизод и имел в виду Шатобриан, когда сетовал на то, что Парни превратился в «презренного революционера», и в этом видел измену Парни аристократизму. Как можно судить по фактам, Парни оставался верен себе, своим убеждениям. Конечно, он был аристократом. Конечно, издавая свои первые книги, он с известной горделивостью подписывал их «шевалье де Парни». Но не следует забывать, какова роль передовых дворян в революции. Был же дворянином и Мирабо! Правда, сохранился анекдот, очень пикантно рисующий умонастроения той поры: Мирабо, вернувшийся домой после того, как он проголосовал за отмену дворянских званий, уцепился за ухо своего камердинера и, хохоча, громогласно провоз-

² Ibid., p. 572.

³ Ibid., p. 574.

⁴ Об этом сообщает Р. Баркиссо в комментариях к публикациям писем Парни («Revue d'histoire littéraire de France», t. 37, 1930, p. 243).

гласил: «Надеюсь, плут, для тебя я по-прежнему — господин граф!» Подобная двойственность характерна и для Парни. И все же Р. Баркиссо едва ли прав, утверждая: «Он должен был родиться на двадцать пять лет раньше, блистать при дворе Людовика XV, общаться с Вольтером и энциклопедистами и коротать между „Казармой“ и Малым Трианоном благообразную, беззаботную и обольстительную старость, которая не была бы принуждена терпеть Робеспьера и одобрять Бонапарта».⁵ Нет никакой надобности отправлять Парни к предшествующим поколениям — он был человеком своего времени и с этим временем находил общий язык.

В 1795 году Парни вследствие падения курса асигнаций окончательно разорился. Ему пришлось поступить на государственную службу в Министерство народного образования, потом сделаться одним из четырех администраторов Художественного театра (Théâtre des arts). В 1799 году он создал ироикомическую поэму «Война древних и новых богов», имевшую огушительный успех — за один год она выдержала шесть изданий. К разбору этой поэмы мы вернемся позднее. Здесь же заметим, что она вызвала полемику во Франции и за ее пределами и навлекла на голову Парни такие поношения, каким он до того не подвергался. В 1804 году Парни выпустил в свет примыкавшую к «Войне богов» книгу «Украденный портфель» («Le Portefeuille volé»), в которую, в частности, вошли две скабрёзно-сатирические поэмы, пародирующие Библию, — «Утраченный рай» («Le Paradis perdu») и «Галантная Библия» («Les Galanteries de la Bible»). Вероятно, в эти же годы возникли некоторые небольшие поэмы в духе средневековых фавлю — «Счастливый отшельник» («L'Heureux ermite»), «Портрет Борджиа» («Portrait de Borgia»), «Паломничества» («Les Pèlerinages»), «Мои литании» («Mes Litanies»), «Ничего нет нового» («Nil novi»), «Обращенный Алкивиад» («Alcibiade converti»). Все они были опубликованы посмертно, за пределами Франции — они вошли в сборник «Неизданные сочинения Эвариста Парни», появившийся в Брюсселе (изд. Тардьё)

⁵ Ibid., p. 243.

в 1827 году с обстоятельной вступительной статьей Пьера-Франсуа Тиссо (1768—1834), друга Парни, автора замечательного исследования о Вергилии и члена Французской Академии, а несколько позднее — в «Полное собрание сочинений Парни», вышедшее у брюссельского издателя Лорана в 1830 году. Сохранились сведения о том, что Парни замышлял обширную сатирическую поэму «Христианида». Сразу после июльской революции 1830 года в Париже вышли избранные сочинения Парни в четырех томах, — здесь в томе четвертом содержится «Рассказ святой Магдалины» («*Récit de Sainte Magdeleine*») с подзаголовком «Эпизод из „Христианиды“» («*Episode de la Christianide*») и примечанием издателя: «Под этим заглавием Парни подготовил новое издание „Войны богов“, увеличенное на 14 песен».⁶ В том же томе находим и «Пролог к одной из песен „Христианиды“». Впрочем, и в уже не раз называвшейся статье Тиссо содержится сходное упоминание: «Парни переделал „Войну богов“, прибавив к ней четырнадцать песен, которые являются сокровищем поэзии, и дал ей новое название — „Христианида“».⁷ Осуществил ли Парни свой замысел в полном объеме — неизвестно: текст «Христианиды» дошел до нас лишь в виде названных отрывков и эпизодов, да и те рассеяны по разным изданиям; французы никогда не собирали их вместе, — вообще не только на родине Парни, но и во Франции так и не существует ни одного сколько-нибудь полного критического издания его произведений.

Публикация в мае 1804 года «Украденного портфеля» была актом мужества и свидетельствовала об идейной принципиальности Парни и его непреклонной верности вольтерянству, вообще — просветительским идеям. Времена изменились. 10 сентября 1801 года был заключен Конкордат между Наполеоном Бонапартом,

⁶ *Œuvres choisies de Parny avec une préface de H. D.*, t. 3. Paris, 1830, p. 167.

⁷ *Œuvres inédites d'Evariste Parny précédées d'une notice sur sa vie et ses ouvrages par M. P.-F. Tissot.* Bruxelles, 1827, p. XLIX.

Первым Консулом, и римским папой Пием VII; вступив в силу семь месяцев спустя, он завершил период революционной борьбы с церковью и восстановил католический культ во Франции. «Это соглашение[...], — писал в своих мемуарах князь Талейран, — примирило Францию с папским престолом; оно встретило оппозицию только со стороны некоторых военных, весьма честных, впрочем, людей. ум которых не мог, однако, возвыситься до такого рода понятий».⁸ Талейран изображает реакцию на Конкордат тенденциозно, потому что, как он и сам признавался, «великому примиренью с церковью» он «немало способствовал», — на самом деле сопротивление было велико, особенно среди интеллигенции, унаследовавшей идеи просветителей. Так, 23 января 1803 года Бонапарту пришлось распустить «Отдел нравственных и политических наук» Французской академии, где группировались наиболее влиятельные из свободных мыслителей того времени — Вольнэй, Гара, Женгенэ, Кабанис, Мерсье, Лаканаль, Нэжон, — «все те идеологи, — как пишет Олар, — которые относились враждебно к католической церкви и стали относиться враждебно к честолюбию Бонапарта».⁹ Некоторые из перечисленных Оларом «идеологов» были и лично близки Парни — Гара, Женгенэ. Замечательно, что в том же 1803 году, 28 декабря, Эварист Парни был избран в члены Французской академии на место умершего Девэна и что приветственную речь, восхвалявшую автора «Войны богов», произнес тот самый Доминик-Жозеф Гара (1749—1833), философ, который был одним из вождей антиклерикальной оппозиции, — он стоял в 1792—1793 годах, после Дантона, во главе министерства юстиции, затем — внутренних дел, а впоследствии позволил себе голосовать против присвоения Наполеону Бонапарту и пожизненного консульства, и императорской короны. Видимо, Гара, в то время президент Разряда французской литературы и языка, считал Парни

⁸ Талейран. Мемуары. Изд. ИМО. М., 1959, стр. 164.

⁹ А. Олар. Политическая история Французской революции. Соцэкгиз, М., 1938, стр. 903.

принадлежащим к одной с ним партии — избрание Парни членом Академии было безусловным актом общественного протеста.

Гара, разумеется, воздал должное Парни — автору элегий (официально именно за них Парни и был избран) — и возвысил его выше Проперция: «Элеонора в ваших элегиях, как Цинтия в элегиях Проперция, — героиня каждой строки, от первой до последней; между тем сколько у вас различных ситуаций! Сколько разных эпизодов в истории этой любви!..»¹⁰ Но затем, подробно разобрав все четыре книги элегий, Гара с большой настойчивостью, хотя и не меньшим дипломатическим тактом, говорил о значении «Войны богов», заметив, что Французская академия в прошлом не раз отвергала блестящих писателей именно за те произведения, которые составили их мировую славу — он привел в пример Монтескье, автора «Персидских писем». В зале воцарилось молчание. Тогда Гара сказал: «Это молчание я мог предвидеть. Я не боялся его — ни для вас, ни для себя». И затем, обращаясь к Парни, заявил: «Создавая эту поэму, публикуя ее и, главное, поставив на ней свое имя, — что делает честь вашему мужеству в глазах всякого человека, как бы он к вам ни относился, — вы, без сомнения, не могли рассчитывать на безоблачный успех и на спокойный триумф (*des succès sans regrets et des triomphes sans douleurs*). Далее Гара развивал мысль о том, что христианина и философа отнюдь не разделяет пропасть враждебности и непонимания, как это может показаться, ибо «бог евангелия и христианства — это, как его называют, бог истины; подлинный философ тоже обращает свою любовь и свои хвалы к истине, к Вечному Существо, которое есть ее эманация, ее осуществление». Вражду между христианами и философами раздувают клеветники, но это война не богов, а людей, и ее можно избежать. Гара искал путей объединить нацию вокруг общего лозунга — истины, и считал поэму Парни вкладом в это объединение. Приведем заключительные строки речи Гара, пол-

¹⁰ *Reponse de M. Garat au discours de Parny.* В кн.: *Œuvres inédites d'Evariste Parny...*, pp. 110—111.

ные глубокого смысла и достаточно явно (хотя и во вполне допустимой форме) направленные против безнравственно-тиранической политики Наполеона. Гара напоминает своим соотечественникам о судьбе заговорщика Катилины, которого удалось обезвредить лишь тогда, когда Сенат забыл о своих внутренних партийных распрях и объединился против врага Римской республики. Вот как завершил свою речь Гара:

«Когда поджигатель, который замышлял уничтожение высокого Сената, вершившего судьбы Рима, и козни которого разоблачил отец отечества, направился к своему месту, чтобы занять его, — весь Сенат в полном составе, хотя он и был всегда разделен на две враждующие партии, поднялся как один человек и оставил поджигателя, охваченного страхом и бешенством перед лицом внезапно раскрывшегося ему одиночества. Пусть же всякий, кто носит на земле звание человека и кто достоин этого звания, — как бы ни были различны наши верования и наши доктрины, — с ужасом отстранится от этих врагов разума и человечества, пусть оставит их в одиночестве на скамье позора, на этой скамье подсудимых, на которую они сели сами, по собственной воле, и на которой они должны остаться навсегда».¹¹

Напомним, что звание «отца отечества» было присвоено римлянами в 62 г. до н. э. Цицерону, победителю Катилины (последний, уезжая из Рима, поручил своим единомышленникам поджечь город, поднять восстание и убить Цицерона), и что речь Гара произнесена 20 апреля 1803 г. — за полтора года до коронования пожизненного консула императором французов. Гара почти открыто призывает нацию — христиан и не христиан — объединиться против нового Катилины. Для нас в данном случае особенно интересно, что он приурочил этот призыв к избранию во Французскую академию Эвариста Парни.

Оценивая речь Гара, друг Парни Тиссо писал в уже цитированном предисловии к «Неизданным сочинениям Парни» 1827 года: «Соединение откровенности и сдержанности, смелости и целомудрия, ... уважение к рели-

¹¹ Ibid., pp. 123—124.

гии, печать XVIII века на каждом слове оратора... делают эту речь... равно образцом умелой дипломатичности — и памятником духа времени». ¹² Тиссо придает особенный вес словам, сказанным Гара о поэме «Война богов», оценка которой и составляла центр его речи. Вероятно, в то время друзьям Парни уже были известны эпизоды из «Христианиды», частично опубликованные в «Украденном портфеле» лишь два года спустя, а частично появившиеся за границей после смерти Парни.

Можно ли после сказанного удивляться, что император Наполеон неоднократно отвергал ходатайства об определении Парни на службу библиотекарем в Дом Инвалидов, о назначении ему государственной пенсии, — несмотря на то, что хлопотами об этом занимались тогдашний министр внутренних дел, брат императора Люсьен Бонапарт и близкий друг Парни маршал Макдональд, многие годы поддерживавший деньгами бедствовавшего поэта? Такой пенсии — размером в три тысячи франков — Тиссо удалось добиться «через министра» только уже в 1813 году, незадолго до смерти Парни, последовавшей 5 декабря 1814 года. У заступников поэта было не слишком много доводов, которые в глазах Наполеона могли бы перевесить его бунтарские, антирелигиозные и антиклерикальные сочинения: они ссылались на его славу лучшего элегика Франции, на сатирическую поэму, направленную против англичан, — «Годдам» («Goddam», 1803), на поэму в духе Оссиана «Иснель и Аслега» («Isnel et Asléga», 1802; расширена в 1808 году), на огромный эпос — средневековую поэму «Рыцари розового креста» («Les Rose-Croix», 1808). Вещи это художественно слабые, за исключением, может быть, «Иснеля и Аслеги», поэмы, ставшей одним из важнейших эпизодов французского оссианизма.

Песни Макферсона-Оссиана появились во Франции в 1777 году в прозаическом переводе Пьера Летуэрнера, прославленного переводчика Юнга и Шекспира, и произвели сильное впечатление, открыв читателям новый художественный мир, не похожий на классицистическую

¹² Ibid., p. LXIII.

античность; стихотворное переложение Оссиана, исполненное Бауром-Лормианом, вышло под названием «Гальские стихи» («Poésies gaëlliques») в 1801 году. Почти сразу же после книги Баура-Лормиана появилась и поэма Парни, еще больше приблизившая французскую поэзию к романтизму, в эти годы оформлявшемуся в творчестве Шатобриана. Поэма «Иснель и Аслега» особенно важна для русской литературы — эпизоды из нее переводили Пушкин («Эвлега», отчасти «Осгар», 1814), К. Батюшков, Д. Давыдов, В. Туманский, О. Сомов, даже И. Крылов. Может быть, лучше других мрачно-меланхолическую атмосферу оссианизма воспроизвел Денис Давыдов в своем «Вольном переводе из Парни» (1817) романа Эрика, одного из героев поэмы:

Сижу на берегу потока,
 Бор дремлет в сумраке; все спит вокруг, а я
 Сижу на берегу — и мыслию далеко,
 Там, там... где жизнь моя! ..
 И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока,
 Снедаем ревностью, задумчив, молчалив...
 Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
 Ты счастлив — но я жив...
 И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока...
 Вдохнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг...
 И точно ль он любим? — ах, эта мысль жестока! ..
 Кипит отмщеньем дух,
 И меч в руке моей мутит струи потока.

И все же несмотря на успех оссианической поэмы, в известной мере продолжавшей элегическую линию Парни 70-х—80-х годов, а также на успех фривольных «Превращений Венеры» («Les Déguisements de Vénus»), вошедших в «Украденный портфель», несравненно большее значение имели боевые произведения, составляющие антирелигиозный цикл и вместе образующие несостоявшийся ироикомический эпос «Христиниада». Впрочем, между вольнолюбивым эротизмом Парни — и богоборчеством, между его элегической искренностью, открывшей сложный внутренний мир влюбленного и покинутого, счастливого и обманутого юноши — и его политической революционностью связь была не внешняя, не случайная, а органическая. Это отлично понял Беранже,

посвятивший памяти Парни песню (1814), из которой приведем два куплета, первый и последний:

Я говорил эпикурейцам:
— «Будите песнями Парни!
Он пел о чувстве европейцам,
Он славил радостные дни».
Но от гостей обычных пира
Не пенье — стоны слышит свет:
Парни уж нет!
Угас певец, замолкла лира,
Парни уж нет!

Его уж нет! И не узнает
Он больше зависти врагов.
Бессмертным жизнь он покидает,
По мнению общему богов.
Умолкни, ненависть! вне мира
Бессилея яд твоих клевет!
Парни уж нет!
Угас певец, умолкла лира.
Парни уж нет!

(Перевод И. и А. Тхоржевских)

К стиху о «зависти врагов» французский издатель Беранже (а может быть и сам песенник) сделал подстрочное примечание: «Намек на поношение памяти автора „Войны богов“». Тиссо напечатал эту песню Беранже, озаглавленную «К Парни», в подготовленном им брюссельском издании 1827 года, куда вошла большая статья самого Тиссо и речь Гара, а также «Похвальная речь» в честь Парни Этъена-Жуи (Victor-Joseph Etienne, dit de Joüy, 1764—1846). Драматург и автор оперных либретто, Жуи был избран во Французскую академию в 1814 году на место, освободившееся после смерти Парни, и «похвальная речь» в честь предшественника была данью обязательному ритуалу. Но по каким-то причинам, о которых можно лишь догадываться, речь эту ему произнести не удалось, и лишь через десятилетие он опубликовал статью о жизни и творчестве своего предшественника в Академии, снабженную примечанием: «Обстоятельства, которые излишне напоминать, помешали мне произнести эту речь...».¹³

¹³ Œuvres inédites d'Evariste Parny... , p. 126.

5

Ироиколическую поэму «Война древних и новых богов» Парни написал в Домоне (близ Монморанси, где некогда жил Жан-Жак Руссо); она была опубликована в феврале-марте 1799 года. Вспомним: осенью того же года, 9 ноября (18 брюмера), был осуществлен переворот, вследствие которого Наполеон Бонапарт захватил неограниченную власть и, собственно говоря, кончилась Французская республика. Чтобы представить себе, как могла быть воспринята эта поэма современниками, следует вспомнить, каково было в ту пору официальное отношение к христианству, и в частности к католической церкви. Приведем несколько фактов.

5 ноября 1793 г. Мари-Жозеф Шенье произнес в Конвенте речь, в которой предлагал заменить католичество «религией Отечества». Оратор говорил: «Освободите сынов республики от ига теократии, еще тяготеющего над ними...». Он призывал основать единственную и универсальную религию, «у которой нет тайн, единственный догмат которой — равенство, единственные проповедники которой — наши законы, а священнослужители — должностные лица, и которая сжигает свой ладан только перед алтарем общего нашего божества — Отечества».¹

10 ноября 1793 г. в Соборе Парижской богородицы происходил антихристианский праздник Свободы — на «алтаре Разума» горел «факел Истины»; Собор Парижской богородицы специальным декретом был переименован в «Храм Свободы».

В конце 1793 года во Франции всюду уже господствовал культ Разума, заменивший дискредитированное христианство. Церкви были превращены в храмы Разума. Впрочем, движение это было скорее стихийным, потому что даже Робеспьер в это время с трибуны якобинского клуба призывал к терпимости относительно католической церкви, провозглашая: «Атеизм аристо-

¹ А. Олар. Политическая история Французской революции. М., 1938, стр. 570.

кратичен. Мысль о Великом существе, бодрствующем над угнетенной невинностью и карающим торжествующее преступление, в высшей степени демократична... Если бы бога не существовало, надо было бы изобрести его» (речь 21 ноября 1793 года).² А через несколько недель Конвент принял «Ответ на манифесты королей, составивших лигу прогив республики», в котором между прочим говорилось: «Французский народ и его представители уважают свободу всех культов и не подвергают гонению ни одного из них... они осуждают крайности философской точки зрения так же, как безумие суеверия и преступления фанатизма».³

Вскоре после этого атеизм был официально осужден как доктрина, враждебная республике. Робеспьер обличал как атеистов казенных им врагов революции — Гебера, Дантона и других. Был принят декрет, учреждавший культ Верховного существа, — этот декрет начинался словами: «Французский народ признает существование Верховного существа и бессмертие души». Таким образом, была создана новая государственная религия, отменившая прежде провозглашенную свободу вероисповеданий. Приведенные выше слова 1-й статьи декрета Конвента были начертаны на фронтонах всех храмов. В день культа Верховного существа Робеспьер, избранный президентом Конвента и ставший ныне как бы первосвященником новой религии, сам поджег аллегорическую статую атеизма.

После падения якобинской диктатуры церковь была отделена от государства. В феврале 1795 года был принят закон, провозглашавший свободу всех культов, запрещавший их оскорбление и заявлявший, что государство снимает с себя всякие заботы об их отправлении. Всюду немедленно поднял голову католицизм, и в то же время активизировались «философы». В газете «Feuille villageoise» появилась статья «Религиозное упорство и причиненные им убийства», где подсчитывались жертвы христианской религии — их оказалось около десяти

² Там же, стр. 575.

³ Там же, стр. 576.

миллионов; в газете «*Décade philosophique*» появился первый отрывок из пока никому неизвестной и, видимо, даже еще не законченной поэмы Парни «Война богов». Такой была общественная обстановка, когда впервые прозвучала эта поэма: она шла против течения, являясь выражением идеологии «философской партии» Конвента, партии, сохранившей верность просветительским идеалам XVIII века, революционному деизму раннего якобинства.

В мае 1795 года церкви были возвращены католическому духовенству на том условии, чтобы оно подчинялось законам государства.

Позднее, при Директории, была подтверждена свобода культов и одновременно шло постепенное восстановление католицизма как основной религии населения Франции. Такое более или менее установившееся равновесие, косвенно приведшее — вопреки намерениям Директории — к усилению католической церкви, продержалось до переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года), который оказался для церкви спасительным. Уже и до того Бонапарт отменил ряд антицерковных постановлений. А 18 брюмера было восторженно принято священниками. Епископ Руайе произнес апологию 18 брюмера в Соборе Парижской богородицы. В самом деле, с этого дня все шло с неуклонной логикой к Конкордату с римским первосвященником, который и был заключен 10 сентября 1801 года, но обнародован лишь спустя семь месяцев, 18 апреля 1802 года. Теперь было недалеко и до тех дней, когда император Наполеон принесет присягу на евангелии и назовет себя «императором милостью божией» (1804), отменит республиканский календарь (1806), повелит положить в основу преподавания в императорском университете «принципы католической религии» (первоначально в постановлении Государственного совета было — «христианской»; сам Наполеон заменил это слово на «католической») (1808), восстановит многие конгрегации и монастырские общины и т. д. «Более сделать для нее (церкви) не мог бы самый христианнейший король... Во всей совокупности разрушительной и реакционной деятельности Бонапарта, более или менее сознательно направленной

им против революции, самым реакционным актом является Конкордат».⁴

Парни опубликовал «Войну богов» накануне 18 брюмера; «Галантную Библию» и «Утраченный рай» — в год провозглашения империи; во время же самой империи он сочинял «Христианиду», фрагменты которой увидели свет за границей уже в последние годы Реставрации. Его антирелигиозное и антиклерикальное творчество представляло собой деятельность просветителя, воевавшего за идеи «партии философов». Эта партия существовала, хотя ей с каждым годом приходилось со все большим трудом отстаивать свои принципы. То были еще оставшиеся в живых деятели великой Энциклопедии, которые превыше всего ставили «организованную науку»; большинство из них принадлежали к Французской академии. За некоторыми исключениями, они исповедовали деизм.

В числе этих ветеранов Просвещения были Гара, Женгенэ, Мари-Жозеф Шенье. Последний отличался, вероятно, наибольшей активностью среди своих собратьев — как политический, общественный, литературный деятель и как идеолог. В 1806 году Наполеон предложил Французской академии составить обзор развития литературы после 1789 года; эту работу выполнил Шенье, который прочел свой доклад в Государственном совете в присутствии императора в феврале 1808 года, — расширенное издание обзора увидело свет в 1815 году под названием «Историческая картина состояния и развития французской литературы после 1789 года» («Tableau historique de l'état et des progrès de la littérature française depuis 1789»). Шенье дает здесь очень высокую оценку «Войны богов», созданной его единомышленником. Он напоминает о Буало, затмившем своей ироикомической поэмой «Налой» холодного Тассони — автора «Похищенного ведра», и Вольтере, который сумел по меньшей мере сравняться с Ариосто; не называя «Орлеанской девственницы», Шенье имеет в виду именно ее. Далее он пишет: «Г-н де Парни достоин

⁴ Там же, стр. 904—905.

того, чтобы его имя было названо рядом с этими образцовыми авторами». Затем следует характерная оговорка: «Шаг, который нам предстоит теперь сделать, кажется, быть может, нелегким; во всяком случае речь пойдет только о литературных достоинствах. Набожное рвение, полагая, что оно обязано быть строгим, может присвоить себе право быть несправедливым; зависть, чтобы воспользоваться тем же правом, усваивает речь и маску лицемерия. Проявляя осмотрительность, но и высоко ценя талант, мы не хотим ни возмущать чью бы то ни было совесть, ни присоединяться к несправедливости». Совершив этот осторожный лукаво-дипломатический ход, Шенье продолжает: «Было бы проявлением смехотворной осторожности не назвать „Войну богов“, как было бы явным недоброжелательством отрицать красоты, сверкающие повсюду в этой поэме: от первой строки до последней ее возвышает то чудесное, которое так необходимо эпопее... Как не заметить оригинальной композиции, драматического начала, постоянно перебивающего повествование, искусства соединения поэтических фраз, естественности и в то же время строгости форм в этой длинной череде десятисложных стихов, которым тем труднее придать изящество, что они, казалось бы, так легки для вульгарного пера! Как не восхвалить прежде всего великое множество счастливых деталей, — одни из них относятся к высокому стилю, в котором г-н де Парни еще не испытал себя, другие более нежны и дышат мягкостью тех элегий, которые в прошлую пору столь справедливо создали его репутацию!». Сказав еще несколько слов об «Утраченном рае» (в котором Парни по мнению Шенье, стремился «весело разработать деликатный и своеобразный сюжет, о котором Мильтон, более смелый в ином отношении, написал серьезно; но мы не можем иметь об этом суждения») и «Рыцарях Розового креста», М.-Ж. Шенье возвращается к оговоркам, предшествующим окончательной оценке: «Наш долг — с уважением отстранив опасные вопросы, выходящие за пределы изящной словесности, ограничиться единственным пунктом, входящим в нашу компетенцию, и признать в г-не де Парни один из самых чистых, самых блестящих и самых гибких та-

лантов, которыми может сегодня гордиться французская поэзия».⁵

Шенье сделал все возможное, чтобы высказать свое мнение о «Войне богов», — надо понимать, что сочинять для Наполеона заказанный им обзор было нелегким делом. Так или иначе первая оценка поэмы, данная единомышленником автора, оказалась весьма точной. Прежде всего это относится к установлению связи «Войны богов» с Вольтером.

Вольтер был для Парни главным литературным авторитетом, и не только учителем, а идеалом. Сам Вольтер сразу очень высоко оценил автора «Любвных стихотворений». Тиссо рассказывает, что Вольтер «увидел в появлении элегий Парни победу, одержанную над дурным вкусом; он нежно расцеловал их автора, назвав его „Мой дорогой Тибулл“».⁶ Парни впоследствии не раз вспоминал об этом, но сам себя именовал иронически «Tibullinus» («Тибульчик»). Тиссо, проводя в той же статье сравнение Парни с Вольтером, считал, что их объединяет независимость суждений, презрение к пред-
рассудкам, ненависть к лицемерию, срывание всех покровов с истины, взгляд на истину как на залог счастья народов, любовь к человечеству. Можно добавить, что Парни, подобно Вольтеру, был деистом — по его собственным словам, он верил в Высшее существо, олицетворяющее Разум, и полагал, что люди профанируют его, приписывая библейскому богу свирепость, мстительность, деспотичность — вообще склонность к тирании и кровавым расправам. Деистические убеждения Парни отчетливо выразились в «Войне богов». В начале песни III ангел, стоящий у райских врат, впускает по очереди представителей разных верований: магометанина, еврея, лютеранина, квакера, католика. Шестой на вопрос ангела: «А ты какой же веры?» — отвечает: «Никакой».

⁵ Tableau historique de l'état et des progrès de la littérature française depuis 1789, par M.-J. de Chénier. Paris, 1821, pp. 287—288.

⁶ Œuvres inédites d'Evariste Parny... p. VIII.

А н г е л

Но каждый ведь во что-нибудь да верит!

Ш е с т о й

Я веровал в бессмертие души
Да в бога, что поступки наши мерит.

(Точнее, в прозаическом переводе: «В бессмертную душу, в бога, который вознаграждает и карает, больше ни во что».)

Нет сомнений, что литературным образцом для автора «Войны богов» послужила «Орлеанская девственница»: вслед за Вольтером он написал свою поэму легким и гибким десятисложным стихом с нерегулярными — то смежными, то перекрестными — рифмами, а также, подобно Вольтеру, разбил ее на песни, снабженные — каждая — развернутым заглавием, излагающим краткое содержание песни. Да и самый тон поэмы, характер повествования, внимание к деталям, сочетание легкого эротизма с замаскированно-серьезными философскими пассажами, даже образ автора, время от времени появляющегося со своими мнениями, насмешками, отступлениями, — все это в большей или меньшей степени восходит к Вольтеру. Наконец, подобно своему учителю, Парни старался охватить в поэме возможно большее число проблем — философских, нравственных, религиозных, даже бытовых. Обе ироикомиические поэмы носят энциклопедический характер — по ним можно изучать нравы и философию эпохи. Обе они при внешнем легкомыслии отличаются высокой идейной напряженностью и плотностью содержания. Но предметом пародирования для Вольтера явилась прежде всего поэма Шаплена «Девственница» и уж попутно — Библия; Парни избирает предметом своей насмешки непосредственно само священное писание.

Античное язычество и христианство — эти начала, противоборствуя, формируют сюжет поэмы Парни. Однако не только сюжет: основываясь на этом противоборстве, Парни искусно строит и стилистическое движение. Так, в самом начале автор внемлет гласу го-

лубя — Святого духа, который диктует ему рассказ. Это прямое пародийное использование обращения древнего поэта к Музе — только место Музы заступает Святой дух. Правда, как, впрочем, и у Гомера, призыв к боже-ству имеет условный характер: автор больше не сошлется на своего вдохновителя и будет говорить от себя, в начале каждой песни занимая читателя собственными делами и раздумьями; так, в начале песни IX:

Я домосед: по целым дням сижу
У камелька, и уголья мешаю,
И все-таки от холода дрожу,
И скверную погоду проклиная.
И так часы проходят в болтовне...
Когда же ночь напоминает мне,
Что спать пора, и я ложусь послушно
В свою постель, напяливши колпак...

Такого домашнего, бытового, в ночном колпаке автора не знали предшественники Парни — ничего похожего не было ни у Буало в «Налое», ни у Вольтера. В сущности аналогию ему можно найти только в русской поэзии XVIII века, у Державина. Но особенно разительное впечатление производят эти строки, если, с одной стороны, вспомнить, что за подлинного автора поэмы выдается Святой дух, а с другой, сопоставить их с пародийно-гомеровскими описаниями, развернутыми сравнениями, мифологическими перифразами и проч. Это — один из контрастов, лежащих в основе поэтической системы «Войны богов».

Другой, еще более разительный контраст — между фривольными, скабресными, иногда изящно-галантными, иногда даже вульгарно-непристойными эпизодами, с подчеркнутой дерзостью и свободой вставляемыми автором в повествование независимо от логики сюжетного развития, и вполне серьезными, философски аргументированными размышлениями о религии, политике, нравственности. Таких пассажей много, они перемежаются с эпизодами первого типа, иногда переплетаются или сливаются с ними. В первой же песне Парни дает многостороннюю характеристику христианской религии. Устами Юпитера сообщается о том, что христианство

религия рабов, что Христос — лучший союзник власть имущих, деспотов:

Тиранов он поддерживает гнет,
Рабу велит: чти свято господина!

Таков политический аспект этой веры. Он будет подробнее раскрыт ниже, в песне VII, где Юпитер продолжит свое рассуждение:

... Без сопротивленья,
Благословляя рабство, сей народ
Надел ярмо, выносит притесненья.
И тянется к пощечине щека,
И ждет спина спокойно тумака...
Они тиранов терпят без роптанья,
И Константин имеет основанья
Хвалить удобство новой веры сей,
Вошедшей в моду. Он теперь, злодей,
На мягком ложе мирно почивает...
Ему кровь сына руки обагрят;
Жену свою он в ванне утопил,
Зятьев своих обоих удушил
И кинул псам тела на растерзанье,
Но совесть не казнит за злодеянья,
И сладкий сон глаза его смежил...
Тигр этот спит, о мщенье Немезиды
Не думая...

В, казалось бы, шуточной поэме Парни таких патетических мест немало: обличение политической реакционности христианства — важная тема «Войны богов». Но и с эстетической точки зрения новые божества «скучны, напыщенны, убоги — и неумны» (песнь I). Радость жизни, свойственную античному миру, эллинской мифологии, сменила унылая обреченность:

Венками роз увитое чело
Усыпал прах... Ведь все на свете тленно,
До смеха ль тут?..
... Красавицы, отрекшись от утех
И забыв, что есть на свете смех,
Вздыхают безутешно у распятыя:
Грешны и поделуи, и объятя...
Беги, Венера! Как тебе не злиться?
Твой пояс заменила власяница...
Закон наш строг, ему не прекословь!

(Песнь VII)

Такая религия не может способствовать развитию искусства — она всем своим строем враждебна поэзии. За несколько лет до Парни сходную мысль развивал Фридрих Шиллер в стихотворении «Боги Греции» (1788); обращаясь к ним, немецкий поэт восклицал:

Не печаль учила вас молиться,
 Хмурый подвиг был не нужен вам;
 Все сердца могли блаженно биться,
 И блаженный был сродни богам.
 Было все лишь красотою свято,
 Не стыдился радостей никто
 Там, где пела нежная Эрато,
 Там, где правила Пейто.

(Перевод М. Лозинского)

Парни формулирует в своей поэме и те обвинения против христианской религии, которые до него настойчиво выдвигали философы-энциклопедисты, прежде всего Вольтер и Гольбах. Он говорит о преступлениях, совершенных именем Христа. Эта тема получила развитие в песне VIII, где речи о злодеяниях церкви вложены... в уста архангела Гавриила — повесы, бабника, очаровательного сластолюбца и покорителя сердец. Гавриил демонстрирует ангельской рати будущее. Перед зрителями проходят «ряды костров и виселиц... и плахи, и темницы, и оковы», «...пожары, разрушенья, насилия, убийства и разбой» — и все это из-за одного неверно истолкованного слова священного писания. Сам Христос вполне поддерживает и оправдывает злодеяства. А священнослужители и святые, рассматривая эти картины грядущего, неизменно повторяют одно: «Убейте всех!». Всех убивают, чтобы таким путем решить пустой богословский спор, отлично пародированный Парни:

«Христос — в дарах!» — одни из них кричат.
 «Нет, он — на них!» — другие голосят.
 «Вокруг даров он!» — третьи говорят.
 «Вы врете все!» — четвертые вопят, —
 Христос, вестимо, спрятан под дарами».

Вообще песнь VIII рассказывает историю распространения христианства, уничтожающего все вокруг,

Здесь повествуется об испанской инквизиции, о крестовых походах, об истреблении евреев, о Варфоломеевской ночи, о преступлениях папы-кровосмесителя Александра VI, об убийстве индейцев. Эта очень важная часть поэмы кончается беседой между богом-отцом, Святым духом и Христом, — они предчувствуют близкую гибель, которую им готовит разум.

Парни находят любопытный сюжетный поворот — бог сам опровергает себя, произнося те слова, которые мог бы сказать автор. Вот этот замечательный разговор:

Д у х с в я т о й

... Коль прояснятся у людей мозги —
Мы задрожим при имени деистов;
Вы знаете: их злобный нрав неистов.

Х р и с т о с

Ай-ай! Молчите!

Д у х с в я т о й

Всюду и везде
Бог истинный, хотя его нигде
Не увидать... Мы ж — выдумка людская,
Мы — сказка, мы — побасенка пустая.
Сомнение развеет нас, как дым.

Х р и с т о с

Долой сомненье, и неверье — с ним!
Слепая вера разум уничтожит,
Невежество власть нашу приумножит.

Д у х с в я т о й

И Библия...

На протяжении всей поэмы ощущается этот контраст: наука и вера, знание и невежество; в ряд с невежеством ставится Библия. Но и этот контраст приобретает эстетический характер. С одной стороны — слог прозрачный, ясный, логически-отчетливый; с другой — темный, загадочный. Дух святой воплощает в своих речах эту вторую стилистическую манеру. И с ней спорит

автор — на этот раз устами Христа, который выражает эстетическую программу Парни в следующих словах:

О Дух святой! У вас ума палата,
 Да толку что? Любитель громких фраз,
 Вы без конца впадаете в экстаз,
 Но речь пуста, хотя витиевата.
 Любую окошечку — в псалом!
 Чужд суесловью настоящий разум.
 Он ясностью силен, а не экстазом,
 Ни капли нет напыщенности в нем.

Реплика Христа переключается со стихотворением «Некоторым поэтам» («A quelques poètes»), эстетическим манифестом Парни. Его главные строки — речь этих «нескольких поэтов», утверждающих, что «поэзия — язык богов, далекий от грубой речи толпы и устремляющийся в небеса». На это возражает автор: «Возможно, что там наверху говорят, как вы... Но, спускаясь на землю, боги, если только они разумны, для нас лишают свою речь напыщенности (*désenflent pour nous leur langage*)». И далее: «Соблаговолите не быть божественней, чем боги; подобно им, очеловечьте ваши рифмы. Оставьте волосатым жрецам стиль чудес, пусть темные пророчества вопят оракулы со своего лживого треножника. Загадочность, которая дозволена пророкам, не обязательна для поэтов. Гений имеет древние права: согласен; но язык имеет свои законы». Итак, Парни за поэтическую речь простую, ясную, сниженную до разговорности. В конце стихотворения он предает анафеме «темного поэта, и двойной анафеме — выпренного». Все это относится к стилю Библии, к псалмам, а в контексте «Войны богов» — к монологам Святого духа. Не даром в эпилоге поэмы автор с торжеством говорит о том, что прежние христианские церкви превращены в храмы нового божества — Разума, и вместе с тем наступило царство Вельзевула, принявшего обличие свободы.

Парни ухитрился в легком десятистопнике, не нарушая течения сюжета, популяризировать и данные исторической науки о тех элементах христианства, которые заимствованы из других религий. В песне V читаем о том, что уже древние иудеи «крали у браминов, у халдеев. | У персов и у греков их богов. | Невежество

заботливо взлелеяв | От Нила вплоть до Ганга берегов». У предшественников похищены и Моисеевы рога, и Троица, и Христовы чудеса, и многое другое. Об этой проблеме настойчиво писал незадолго до Парни Вольтер, например в трактате «Бог и люди» (1769), где целая глава посвящена «плагиатам» иудейской религии и представляет собой два параллельных столбца: слева — источник, справа — Библия. Из Вольтеровых сопоставлений (иногда, впрочем, фантастических) следует, что Еве соответствует Пандора, Моисею и Иисусу Навину — Вакх, Аврааму и Исааку — Агамемнон и Ифигения, Юдифи, жене Лота, — Ниоба, Самсону — Геракл, ослице Валаама — ослица Селены, и т. д. «Если бы кто захотел, — заключает Вольтер, — взять на себя труд сравнить все события мифологии и истории древних греков, он бы удивился, не найдя в иудейской книге (Библии, — Е. Э.) ни одной страницы, которая не была бы плагиатом».⁷ Именно эти соображения составляют идею песни V, в которой сплетаются в один клубок два непохожих поэтических стиля — библейский и античный, классический, причем это сплетение стилей оказывается образным воплощением религиозных «плагиатов».

«Война богов», как видим, построена на идейных и стилистических контрастах. Их усиливают и многочисленные пародии, обогащающие и углубляющие текст: на гомеровские поэмы, на католические молитвы (например «Ave Maria» и «Te Deum»), на псалмы, на жития святых, на апокалипсис, на средневековые богословские диспуты, даже на исторические сочинения. Общая иронически-пародийная интонация «Войны богов» должна привести читателя к убеждению, что на идеях христианской религии, угрюмой, призывающей к умерщвлению плоти и воздержанию, к насилию и нетерпимости, никакое искусство возникнуть не может.

Именно эта эстетическая мысль Парни навлекла на его голову наиболее многочисленные осуждения и проклятия

⁷ Вольтер. Бог и люди, т. 1. Изд. АН СССР, М., 1961 стр. 189—190.

6

Появление «Войны богов» вызвало в европейской литературе бурную реакцию. О поэме сочувственно и даже восторженно писали единомышленники Парни — Женгенэ, Тиссо и другие поздние энциклопедисты. Некоторые из таких отзывов (например, Гара) приводились выше. Однако интереснее мнения идейных противников — они убедительнее, чем похвалы друзей, говорят о значении поэмы. Остановимся на двух писателях начала XIX века — немце Августе Вильгельме Шлегеле и французе Шатобриане. Оба они — крупнейшие деятели зарождающегося романтизма.

Август Вильгельм Шлегель (1767—1845) опубликовал в журнале «Атенеум», который он издавал в Берлине с 1798 года, статью о «Войне богов» (1800). Чтобы понять позицию Шлегеля, нужно вспомнить некоторые теоретические послышки его учения. По Шлегелю, романтизм связан с христианством, открывшим «созерцание бесконечного», которое «уничтожило конечное». Современная, романтическая поэзия — искусство меланхолии, томления, в противоположность радостной поэзии Древней Греции. Средние века — время веры, рыцарства, любви и чести. Шлегелю чужда литература античности, являющаяся «просветленной и облагороженной чувственностью». Понятно, что творчество французских просветителей ему еще более чуждо. О «Женитьбе Фигаро» Бомарше, например, он говорил в «Чтениях о драматическом искусстве и литературе» (1807), что эта комедия отличается «нравственной распущенностью, но и в эстетическом аспекте должна быть подвергнута порицанию за множество диковинных уродств».¹

Понятно, как мог отнестись к поэме Парни Шлегель, видевший в христианстве источник поэзии. Его статья начинается с рассказа о двусмысленном успехе поэмы Парни во Франции и о том, что в Германии на

¹ Н. И. Балашов. Август Вильгельм Шлегель. В кн.: История немецкой литературы, т. 3, Изд. «Наука». М., 1966, стр. 120—122.

нее тотчас наложили запрет — даже книготорговцам запретили ее продавать. И Шлегель спрашивает: «В самом ли деле перед нами столь могучий титан и богоборец — или он кажется великаном лишь на фоне окружающего его всеобщего ничтожества?»² Шлегель видит в самой теме залог высокой поэзии: разрушение старой мифологии, полное разделение старого и нового мира — величайшее событие в истории человечества. Поэзия не решалась взяться за эту тему — слишком трудно подняться выше обеих великих религий, античной и христианской. Впрочем, эта тема могла бы стать и предметом комического эпоса, — ведь «комический поэт обладает привилегией пренебрегать законами реальности и заменять их шутливым произволом» (95). План, положенный Парни в основу поэмы, «создан разумно» (mit Verstand angelegt) и выгодно отличается от «Орлеанской девственницы», автор которой мечется между Ариосто и ироикомическим эпосом, постоянно ударяясь в тяжеловесные отступления. В отличие от Вольтеровой поэмы, «Война богов» «высечена из одного куска» (96).

Вот и все, что Шлегель видит положительного у Парни. Он упрекает его и в отсутствии истинного действия, и в чрезмерной аллегоричности, и в недостаточной смелости («Еретик в религии мог бы отважиться и на ересь в поэзии», 98), и в недостоверности диалогов (постоянно нарушается тон и характер персонажей), и в отсутствии юмора. Шлегель видит у Парни «угрюмый догматизм» (99) и «серьезное богохульство»: «горькая серьезность лежит в основе поэмы, автор ее обрушивается на католицизм и христианство с открытой ненавистью» (100). Все это не главное для Шлегеля. А главное вот что: Парни утверждает, что христианство — антипоэтично. Но ведь оно призывает лишь к убиению плоти, тогда как просветительство выступает за убиение воображения; просветители исполнены вражды к мистике, они «обрубают корни у мистического древа» (102). Шлегель кончает свою статью

² August Wilhelm von Schlegels sämtliche Werke, Bd. 12. Leipzig, 1847. S. 94. — В дальнейшем страницы указываются в тексте после цитаты.

следующими словами: «Если Парни хотел создать серию обольстительных будуарных картинок, то он полностью достиг цели... Несмотря на титаническое название, поэма Парни всего лишь миниатюра... Парни, пожалуй, вполне сделал все то, чего можно было ожидать от француза нынешней эпохи» (105—106).

Шлегель отвергает художественную ценность не только «Войны богов», но и вообще всякого сочинения, отрицающего мистику, в особенности — мистику христианскую. Спор идет о том, что благоприятнее для искусства — разум или вера. Решая этот вопрос, Парни (а вместе с ним Вольтер, Бомарше, Дидро, все Просвещение и весь классицизм) и Шлегель оказываются антиподами.

Шатобриан специально о «Войне богов» ничего не написал. Известно, однако, что книгу «Гений христианства» (1802) он создал отчасти из желания опровергнуть идеи Парни. В самом деле, каждая страница этого сочинения кажется направленной против «Войны богов» — недаром оно первоначально должно было называться «О поэтических и нравственных красотах христианской религии и о ее превосходстве над всеми другими культурами на земле» («Des beautés poétiques et morales de la religion chrétienne et de sa supériorité sur tous les autres cultes de la terre»). Так формулировал свой замысел Шатобриан в письме к Фонтану 25 октября 1799 года — через полгода после выхода в свет «Войны богов». Фонтан и написал о «Гении христианства» первую статью, извещая публику о появлении этой книги и отмечая ее своевременность — она вышла в то самое время, как первый консул восстановил католический культ во Франции, заключив Конкордат с Ватиканом. Шатобриан казался столь же актуален, сколь Парни — архаичен. Он демонстрировал эстетическую и нравственную привлекательность христианства (т. е. католицизма) и отсюда делал вывод о его истинности. Шатобриан рассмотрел одну за другой все проблемы, которых касался Парни, и дал им противоположное толкование. В первой части его книги есть даже почти комическая глава, названная «Анализ девственности в поэтическом отношении». Здесь говорится о целомудрии Дианы, Ми-

нервы, девы Марии; о девственности пчел, улей которых более всего подобен женскому монастырю; о старцах, которым девственность сообщает черты божественности. Части II и III посвящены отношению христианства к искусствам и литературе. В противоположность Парни Шатобриан утверждает, что подлинная поэзия чужда античному и свойственна только христианскому мироощущению.

«Встающее солнце и заходящее солнце, ночь и светило, одушевляющее ее, не могли сообщить грекам и римлянам тех чувств, которые все это возбуждает в нашей душе. Им виделись розовоперстая Аврора, Оры, которые запрягают или распрягают колесницу бога света. Вместо тех лучей света, которые каждое утро напоминают нам о чуде творения, древние видели повсюду лишь однообразное действие оперной машины» (часть II, кн. IV, гл. 1). Языческие боги древности отличаются чрезмерной, чуть ли не смешной определенностью; когда они исчезли, то пустыни и леса наполнились присутствием вездесущего, незримого и бесконечного бога.

Шатобриан был не одинок: почти одновременно с «Гением христианства» появилась книга Пьера-Симона Баланша «О чувстве и его отношениях к литературе и искусствам» («*Du sentiment considéré dans ses rapports avec la littérature et les arts*», 1801), в которой католичество рассматривается как самая поэтичная религия, как источник всех возвышенных чувств и мыслей. Неокатолицизм начала XIX века укреплялся, ширился, рос, просветительские идеи Парни казались анахронизмом.

Но Парни не делал уступок. Он оставался верен «партии философов» и самому себе. Но не вполне определенным сведениям, Директория купила у него рукопись его «Христианиды» и уничтожила поэму. Но Парни продолжал ее писать — несмотря на Конкордат, на грандиозный успех Шатобриана, на гнев императора. Тиссо в уже не раз цитированной статье приводит две фразы Парни, которые автор «Войны богов» любил повторять и которые отлично характеризуют позицию последнего из просветителей XVIII века, не поступившегося ни одним из своих убеждений и до конца жизни

сохранившего преданность идеям Вольтера и революции. Первая из этих фраз гласит: «Будем просвещать народы, мы сделаем их лучше и счастливее; им выгодно стремиться к добру». И вторая: «Писатель должен всегда быть впереди своего века».

Парни оказался прав. Многие из его современников думали, что он отстал от времени, что он и его единомышленники уступили место Шатобриану. На самом же деле именно он, Парни, и был впереди века.

КОММЕНТАРИИ

- Стр. 5. Сон пролетал... и маки рассевал — настой мака является снотворным, поэтому мак в греческой мифологии — атрибут бога сна Гипноса.
- Стр. 6. Амброзия — в греческой мифологии пища богов; нектар — напиток богов, дававший им бессмертие.
- Стр. 9. Скиния — переносный храм-шатер.
- Стр. 20. Два богоподобных близнеца — Кастор и Поллукс, сыновья Леды, дочери спартанского царя Тиндарея, которою Юпитер овладел, приняв образ лебедя.
- Стр. 22. Булла — папская грамота.
- Стр. 23. Аллилуйя (по др.-евр. — «славьте бога») — славословие в христианском и иудейском богослужениях.
- Стр. 25. Исполать (по-греч. — «многая лета») — хвала, слава.
- Стр. 30. Политес — вежливое, учтивое обращение (галлицизм).
- Стр. 32—33. Это место переведено А. С. Пушкиным и вошло в его «Гавриилиаду»:

... Упоена живым воспоминаньем,
В своем углу Мария в тишине
Покоилась на смятой простыне.
... И что же! Вдруг мохнатый, белокрылый
В ее окно встает голубь милый.
Над нею он порхает и кружит
И пробует веселые напевы,
И вдруг аstit в колени милой девы,
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, копышется, вертится,
И носиком, и ножками трудится.

- Стр. 36. *Квакеры* — христианская протестантская секта.
- Стр. 42. *Архистратиг* — верховный военачальник (греч.).
- Стр. 50. *Эгида* — в греч. мифологии — щит Зевса (Юпитера); *перун* — молния, гром (от имени древнеславянского бога грома и молнии).
- Стр. 55. *Метресса* — любовница (галлицизм).
- Стр. 57. *Которым в Кельне ставят столько свечек* — в Кельне чтится память «одинадцати тысяч дев», которые якобы были замучены там вместе со св. Урсулой королем гуннов Аттилой (V в.). Легенда эта обязана своим происхождением имени спутницы Урсулы Ундецимиллы, которое по-латыни означает «11 000».
- Стр. 66. *Игнорантинцы* и т. д. — монашеские ордена.
- Стр. 66. *Тонзура* — выстриженное или выбритое место на макушке головы у католических монахов.
- Стр. 72. *В городе... чье имя оскорбляет красоту* — подразумевается Содом, который, согласно Библии, был сожжен богом за то, что его жители предавались содомскому греху (скотоложству).
- Стр. 85. *Прочь палку ту, что воду исторгала* — согласно Библии, Моисей во время перехода евреев через пустыню исторг из скалы воду ударом жезла.
- Стр. 96. *Левиты* — иудейские священники.
- Стр. 97. *Сфорцандо* — музыкальный термин, внезапное и резкое усиление аккорда или отдельных его звуков.
- Стр. 103. *Тиара* — тройной венец римского папы; *золоченые ключи* — одна из эмблем папской власти.
- Стр. 105. *Quos ego!* — Я вас! (лат.) — грозный окрик, с которым бог морей Нептун обращается в «Энеиде» к ветрам.

- Стр. 106. *Картину эту... разбили* — в древности картины писали не на холсте, а на обожженной глине или на дереве.
- Стр. 107. *Пояс Венеры* — мифический пояс, наделявший его обладательницу непреодолимыми чарами; *власяница* — аскетическая грубая одежда (из волос какого-нибудь животного).
- Стр. 115. *Еврейка молодая делила ложе старого царя* — согласно Библии, престарелого царя Давида согревали в постели теплом своего тела юные девушки.
- Стр. 117. *Тройное отречение* — Иисус Христос предсказал апостолу Петру, что тот трижды отречется от него, прежде чем прокричит петух.
- Стр. 121. *Ариане* — последователи ересиарха Ария (IV в.), отрицавшего догмат о «единой сущности» св. троицы.
- Стр. 128. *Альбигойцы* — приверженцы ереси, распространенной в X—XI вв. в Западной Европе, выступавшие против католичества.
- Стр. 129. *Места святые* — Вифлеем, Иерусалим и другие места Палестины, посещенные, по Евангелию, Христом.
- Стр. 131. *Иерусалим взят* — в результате первого крестового похода Иерусалим был в 1099 г. взят и разграблен крестоносцами.
- Стр. 132. *Майорат* — имение, переходящее по наследству старшему в роде.
- Стр. 134. *Брат-кардинал* — Цезарь Борджа (ум. 1507), сын папы Александра VI, был, по слухам, любовником своей сестры Лукреции, так же как и его брат и отец; *бельцы* — лица, готовившиеся к пострижению в монахи (послушники); *чернецы* — постриженные монахи.
- Стр. 136. *Варфоломеевская ночь* — ночь на 23 августа 1572 г., когда по приказу короля Карла IX и по наущению его матери Екатерины Медичи в Париже было убито католиками несколько

тысяч их религиозных противников, гугенотов, собравшихся на свадьбу своего вождя Генриха Наваррского с принцессой Маргаритой Валуа.

- Стр. 137. *Деисты* — сторонники философского учения, распространенного в XVIII—XIX вв., допускавшие существование бога лишь как первопричины мира и отрицавшие его вмешательство в жизнь природы и общества.
- Стр. 140. *От Аписа-быка, от крокодила, от аиста, от кошки, от жука* — перечисляются животные, птицы и насекомые, считавшиеся в древнем Египте священными.
- Стр. 146. *Визитандинки* — монахини ордена визитации, основанного в честь описанного в Евангелии посещения девой Марией ее двоюродной сестры Елисаветы.
- Стр. 147. *Эбен* — черное дерево.
- Стр. 156. *В Швейцарию коляска покатилась* — в Швейцарии в конце XVIII в. уже царила свобода вероисповедания, и бежавшие туда монахи и монахини могли укрыться от преследований со стороны католической церкви.
- Стр. 158. *Весталки* — жрицы богини Весты в древнем Риме, дававшие обет целомудрия.
- Стр. 159. *Заключен в бутылку сей крик* — Парни издевается над «реликвиями», почитаемыми католической церковью, вроде «слез девы Марии», ее «молока», «зубов» и «слез» Христа и т. д.
- Стр. 164. *Орарь* — часть облачения христианских священнослужителей в виде длинной ленты, перекинутой через плечо; *стихарь* — другая часть облачения.
- Стр. 168. *Принес я императорский указ* — речь идет о Миланском эдикте (313 г.), которым император Константин окончательно признал христианство господствующей религией, велел

разрушить все языческие храмы или превратить их в христианские.

- Стр. 169. *Шарантон* — дом умалишенных в окрестностях Парижа.
- Стр. 170. *Соперниц* *возрастают домоганья* — в результате свободы вероисповедания, провозглашенной Французской революцией конца XVIII в., католицизм временно перестал быть во Франции господствующей религией.
- Стр. 171. *Лукавый дух* *использовал Свободу* — Парни, притворяясь набожным, описывает достижения революции — снятие с себя сана многими духовными лицами, возвращение их к светской жизни — как результаты происков дьявола.
- Стр. 173. *Одесную* — справа, *ошую* — слева (церк.-слав.); *козлица* — грешники (согласно Евангелию, в день страшного суда все люди будут разделены на агнцев и козлиц, т. е. на праведников и грешников).

С Л О В А Р Ь

МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авраам — согласно библейской легенде, родоначальник еврейского народа.

Аврора — в римской мифологии богиня утренней зари.

Адонис — в греческой мифологии прекрасный юноша, возлюбленный богини красоты Афродиты.

Аквилон — в римской мифологии бог северного ветра.

Александр — Александр VI Борджа, римский папа с 1492 по 1503 г., известный своим развратным нравом и сделавший родную дочь Лукрецию своей любовницей.

Алекта — в римской мифологии одна из трех фурий, богинь-мстительниц.

Алкид — прозвище мифологического богатыря Геркулеса (Геракла), как внука царя Алкея.

Алкмена — жена тиринфского царя Амфитриона, родившая Геркулеса от Юпитера.

Амур — поэтическое название древнегреческого бога любви Эроса.

Амфион — сын Юпитера и фиванской царевны Антиопы, своей игрой на кифаре якобы покорявший даже камни, которые, заслышав ее звуки, сами укладывались в стены.

Аполлон — в греческой мифологии бог солнца и света, покровитель искусств. Он же — Феб и бог Пинда.

Бавкида — см. *Филемон*.

Бахус — см. *Вакх*.

Беллона — древнеримская богиня войны, супруга Марса.

Берта — дочь короля франков Кариберта (VI в.). Вышла замуж за короля англосаксов Этельберта.

Борей — у древних греков бог холодного северного ветра.

Брама — один из высших богов индуизма, первое лицо индийской троицы (Тримурти), создатель мира, богов и людей.

Буцефал — имя легендарного коня Александра Македонского (IV в.).

Вакх — у древних римлян бог плодородия и виноделия.

Валгалла — в скандинавской мифологии обиталище богов и душ героев, павших в бою.

Валькирии — в скандинавской мифологии женские божества, участвующие в битвах и переносящие души павших героев в Валгаллу.

Ватикан — резиденция римских пап.

Вельзевул — одно из имен дьявола.

Вифлеем — деревня в Палестине, где, согласно Библии, родился Иисус Христос, а также царь Давид.

Вишну — один из богов индуизма, второе лицо Тримурти, хранитель вселенной.

Вулкан — в римской мифологии бог огня, сын Юпитера и Юноны, муж Венеры.

Гавриил — архангел, возвестивший, согласно Евангелию, деве Марии, что она родит Иисуса.

Гарпии — в греческой мифологии крылатые чудовища.

Геба — в греческой мифологии дочь Зевса и Геры, богиня вечной юности, прислужница богов на Олимпе.

Геймдаль — один из богов скандинавской мифологии, создатель людей, хранитель радуги.

Геркулес — римское имя Геракла, героя греческой мифологии, сына Зевса (Юпитера) и Алкмены,

одаренного необычайной силой и совершившего 12 легендарных подвигов.

Гименей — бог брака в греческой мифологии.

Гог и Магог — в Библии Магог — государство, царем которого был Гог.

Гор — древнеегипетское божество.

Грации — в римской мифологии три женские божества, олицетворявшие красоту.

Давид — полулегендарный еврейский царь (XI—X вв. до н. э.), автор псалмов.

Девкалион — в греческой мифологии единственный мужчина, спасшийся от всемирного потопа.

Диана — богиня охоты в древнеримской мифологии.

Евтихий — греческий ересиарх (V в.), утверждавший, что после воплощения Христа в человеческом образе его натура стала двойкой.

Елена, прозванная Прекрасною, — в греческой мифологии дочь Зевса и Леды, жена спартанского царя Менелая.

Зевксис — знаменитый древнегреческий художник (V в. до н. э.).

Зефир — в греческой мифологии бог теплого западного ветра.

Зороастр (*Заратуштра*) — легендарный создатель религии древней Персии (VI в. до н. э.).

Идалия — одно из названий острова Кипра, на котором родилась Венера.

Идоменей — критский царь, один из героев Троянской войны. Согласно мифу, он обещал богу моря, Посейдону, за спасение от бури принести ему в жертву первого же человека, которого он встретит, вернувшись на Крит; это оказался его собственный сын.

- Иеремия* — библейский пророк (VII—VI вв. до н. э.), уведённый вавилонянами в рабство и оплакавший падение Иерусалима.
- Иерихон* — древний город в Палестине, стены которого, по библейскому мифу, рухнули от звука труб осаждавших его израильских воинов.
- Иеффай* — один из израильских судей (XII в. до н. э.), давший обет в случае победы над аммонитянами принести в жертву богу первого, кто придет его приветствовать. Это оказалась собственная дочь *Иеффая*.
- Изида* — древнеегипетская богиня плодородия.
- Иосиф* — согласно Евангелию, супруг девы Марии, по профессии плотник.
- Ирида* — в римской мифологии крылатая вестница богов, впоследствии превращенная Юноной в радугу.
- Ирод* — царь Иудеи (I в. до н. э.), при котором родился Иисус Христос.
- Кайафа* — иудейский первосвященник, принимавший участие в суде над Христом.
- Как (Какус)* — мифический богатырь, разбойник, побежденный Геркулесом, как рассказывается в «Энеиде».
- Кальвин Жан (1509—1564)* — деятель Реформации, противник папства.
- Кана* — город в Галилее, где Христос якобы сотворил чудо, превратив воду в вино на свадьбе.
- Капернаум* — город в Галилее, где Иисус Христос якобы исцелил паралитика.
- Карл Великий (ок. 742—814)* — франкский король, затем император. В 772—804 гг. завоевал Саксонию.
- Кефал* — в римской мифологии прекрасный охотник, в которого влюбилась богиня утренней зари Аврора.
- Киприда* — прозвище богини красоты Афродиты (Венеры), якобы родившейся на Кипре.

- Киферея* — другое прозвище Афродиты, по месту ее культа, острова Киферы (Цитеры).
- Клотильда* (ум. 545) — жена короля франков Хлодвига, способствовавшая обращению его в христианство. Причислена католической церковью к лику святых.
- Комус* — в греч. мифологии бог пиров и веселья.
- Константин (Первый или Великий)* (274—337) — император Восточной Римской империи (Византии), превративший христианскую церковь в свою опору и запретивший язычество.
- Купидон (Амур, Эрот)* — древнеримское божество любви, олицетворялся в виде ребенка с крыльшками.
- Лао-Цзы* — древнекитайский философ (VI—V вв. до н. э.), современник Конфуция.
- Лета* — в греческой мифологии река забвения, протекающая в подземном мире. Души умерших, испив ее воды, забывали все прошлое.
- Лот* — библейский патриарх, племянник Авраама, живший в Содомах.
- Лютеция* — название Парижа в эпоху римского владычества над Галлией.
- Лютер Мартин* (1483—1546) — видный деятель Реформации в Германии, борющийся с папством.
- Магдалина* — Мария из г. Магдалы, грешница, обращенная Христом.
- Марс* — бог войны в римской мифологии.
- Мегера* — в греческой мифологии одна из трех эриний (фурий), богинь-мстительниц.
- Меркурий* — в римской мифологии бог торговли, покровитель купцов и путешественников. Изображался с двумя парами крыльев — за плечами и на пятках.
- Минерва* — богиня мудрости в римской мифологии.
- Михаил* — архангел, глава небесного воинства в христианском пантеоне.

Моисей — легендарный деятель еврейской истории, выведший евреев из Египта, законодатель.

Момус — в римской мифологии бог шуток и веселья.

Музагет — предводитель муз (греч.), прозвище Аполлона.

Навин Иисус — мифический вождь еврейского народа после смерти Моисея. Взял крепость Иерихон и завоевал землю Ханаанскую.

Немезиды — в греческой мифологии богини мести.

Нептун — у древних римлян бог моря, то же, что Посейдон у древних греков.

Нереиды — дочери морского старца, мифического божества Нерея.

Несторий — греческий ересиарх (V в.), осужденный Эфесским собором, считал Христа не богом, а человеком.

Ной — библейский патриарх, спасшийся по преданию от всемирного потопа, первый виноградарь и винодел, согласно Библии.

Огигий — царь Фив, в правление которого, согласно легенде, произошло наводнение, затопившее всю Беотию и часть Аттики.

Один (Вотан) — верховное божество в скандинавской мифологии.

Озирис — у древних египтян бог воды и растительности.

Олимп — самый высокий (2917 м) горный массив в Греции; в древнегреческой мифологии — обиталище богов.

Пандора — мифическая волшебница, посланная Зевсом на землю с ящиком, содержащим всякие бедствия.

Парки — у древних римлян три богини судьбы.

Парнас — горный массив в Греции, обиталище Аполлона и муз.

- Петр* — один из апостолов, род. ок. 10 г. до н. э., убит в Риме при Нероне ок. 64 г.
- Пилат Понтий* — римский наместник Иудеи, отказавшийся судить Христа.
- Пинд* — горная цепь на севере Греции, другое местопребывание муз и Аполлона.
- Плутон* — в римской мифологии бог подземного мира.
- Приап* — в римской мифологии божество плодородия и чувственных наслаждений.
- Прозерпина* — у древних римлян богиня подземного мира, супруга Плутона.
- Психея* — в греческой мифологии олицетворение человеческой души в образе девушки.
- Раймонд* — имя нескольких графов Тулузских, пытавшихся в XII—XIII вв. бороться с папством.
- Рафаил* — архангел, который, согласно Библии, вернул зрение ослепшему Товию, капнув желчью в его глаза.
- Самсон* — библейский герой, якобы обладавший невероятной силой, которую ему чудесным образом придавали волосы на темени. По библейской легенде, Самсон расправился с филистимлянами, врагами израильтян, уничтожив их ослиной челюстью.
- Сенегал* — река в Западной Африке.
- Силен* — в древнеримской мифологии бог виноделия, воспитатель Вакха.
- Сион* — название одного из холмов, на которых расположен Иерусалим; здесь олицетворяет католическую церковь.
- Сократ (469—399 до н. э.)* — греческий философ-идеалист.
- Стикс* — в греческой мифологии река подземного мира, обиталища мертвых.
- Суламифь* — имя возлюбленной царя Соломона в библейской «Песне песней»; в данном случае под ней подразумевается католическая церковь.

- Тавернье Жан-Батист* (1605—1689) — известный французский путешественник, побывавший в Персии, Турции, Индии и России.
- Тартар* — в греческой мифологии пропасть в подземном мире.
- Терпсихора* — муза танца в греческой мифологии.
- Тиволи* — сад в Париже, существовавший в годы первой французской революции и названный по имени местечка Тиволи возле Рима. летнего местопребывания римских аристократов.
- Тизифона* — в греческой мифологии одна из трех эриний, богинь-мстительниц.
- Тор* — в скандинавской мифологии бог грома и молнии.
- Уриил* — один из архангелов.
- Фенрис* — в скандинавской мифологии гигантский волк, всегда прикованный цепью.
- Фетида* — в греческой мифологии морская богиня, мать Ахилла, героя Троянской войны.
- Филемон* — один из персонажей древнегреческой легенды; со своей женой Бавкидой — образцом идеальной супружеской пары.
- Харон* — в древнегреческой мифологии перевозчик через реку Стикс в подземном мире.
- Хеврон* — город в Палестине, недалеко от Иерусалима.
- Хлодвиг* (481—511) — франкский король из династии Меровингов, принявший христианство.
- Христофор (святой)* (ум. около 250 г.). Согласно легенде, он на плечах переносил через реку путников, в том числе явившегося к нему младенца Христа.
- Цербер* — в греческой мифологии чудовищный трехглавый пес, охраняющий вход в подземное царство.
- Шива* — один из богов индуизма, третье лицо Тримурти, разрушитель.

- Эвмениды* — в греческой мифологии богини-мстительницы.
- Эвр* — бог восточного ветра в греческой мифологии.
- Эдем* — по библейской легенде местопребывание первых людей до грехопадения, земной рай.
- Элеонора* — возлюбленная Эвариста Парни, которой он посвятил ряд элегий (см. статью «Поэзия Эвариста Парни»).
- Элизий* (элизиум, *Елисейские поля*) — в греческой мифологии место вечного упокоения душ умерших.
- Эммаус* — местечко в Палестине, где Христос, согласно Евангелию, впервые после воскрешения явился двум своим ученикам.
- Этельберт* (545—615) — король Кентский, который, женившись на христианке, дочери короля франков Кариберта, крестился сам и крестил своих подданных — англосаксов.
- Юдифь* — библейская героиня, отсекая во время осады ассирийцами Ветулии голову Олоферна, полководца их царя Навуходоносора.
- Юнона* — в римской мифологии супруга Юпитера, царица богов.
- Юпитер* — верховное божество у древних римлян.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА БОГОВ (перевод *В. Г. Дмитриева*)

- ПЕСНЬ ПЕРВАЯ.** Автор сей поэмы — Дух святой. Приход христианских богов на небеса. Юпитер успокаивает гнев языческих богов. Обед, данный ими в честь новых собратьев. Неосторожность левы Марии и дерзость Аполлона 5
- ПЕСНЬ ВТОРАЯ.** Устройство рая. Откровенный и поучительный разговор между лицами св. Троицы. Обед, данный ими языческим богам, и в конце его представление нескольких мистерий 19
- ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ.** Скорбь и печаль языческих богов. Сражение. Победа Геркулеса над Самсоном. Святые женского пола кидаются в атаку под предводительством Юдифи; атака не удается, но Юдифь кое-что приобретает. Отступление языческих богов. Блокада Олимпа. Вылазка Приапа с сатирами 35
- ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.** История еврея Панфера, Марии и Иосифа. Св. Эльфин отрекается от Христа и дезертирует. Св. Женевьева и св. Герман. Приап с товарищами попадает в плен, крестится и отправляется на землю основывать монашеские ордена 53
- ПЕСНЬ ПЯТАЯ.** Прекрасные вакханки спивают и соблазняют христианских святых, осаждающих Олимп. Поучительный и скандальный спор. Нечестие св. Карпа. Св. Гвенолий совершает над вакханкой семь таинств. Сумасбродные выходки блаженных; они попадают на Олимп 68

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ. Взятие Тартара христианами чертями. Дружеский спор между лицами св. Троицы. Взятие Олимпа. Языческие боги бегут во владения скандинавов. Ночное сражение между Дианой и архангелом Гавриилом	87
ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ. Языческие боги в последний раз пытаются вернуть себе власть над миром. Аврора, Нептун, Венера и сам Юпитер терпят неудачу. Амур тоже возвращается с повором, как видно из истории Тансы и Элинома	103
ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ. Волшебный фонарь. Успехи христианских богов. Выказанный ими ум и счастливые последствия от сего	119
ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ. Минерва рассказывает о том, что она видела, посетив богов разных народов. Скандинавские боги приходят на помощь языческим. Ночное времяпровождение в женском монастыре	139
ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ. Общее сражение. Храбрость св. Иосифа. Испуг и бегство Иисуса Христа. Разграбление рая. Критическое положение девы Марии и св. Троицы. Приход св. Приапа и торжество христианских богов	157
ЭПИЛОГ. Конец мира и конец поэмы	170
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Варианты (перевод В. Г. Дмитриева)	177
Поэзия Эвариста Парни (Е. Г. Эткинд)	182
Комментарии (В. Г. Дмитриев)	228
Словарь мифологических и исторических имен и географических названий (В. Г. Дмитриев)	233

Эварист Парни

ВОЙНА БОГОВ

Утверждено к печати

Редколлекцией серии

«Литературные памятники» Академии наук СССР

Редактор издательства А. А. Крундышев

Художник М. И. Разулевич

Технический редактор Н. Ф. Виноградова

Корректоры Л. Я. Коми и Е. В. Шестакова

Сдано в набор 14/VII 1970 г. Подписано к печати 27/X 1970 г. Формат
бумаги $70 \times 90^{1/32}$. Бум. л. $3^{27/32}$. Печ. л. $7^{5/8} + 1$ вкл. ($1/16$ печ. л.) = 8.97
усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10.61. Изд. № 4489. Тип. зак. № 1088.

Тираж 80 000 (1 — 40 тысяч). Бумага № 1.

Цена в переплете 85 коп., в обложке 64 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»

Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

